

МАСОНСТВО
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

Микеле Морамарко

Микеле Морамарко

МАСОНСТВО

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

МАСОИСТВО

Michele Moramarco

La
MASSONERIA
IERI E OGGI

Giovanni De Vecchi Editore — Milano

Микеле Морамарко

МАСОНСТВО

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Перевод с итальянского
кандидата исторических наук
В. П. Гайдука

Вступительная статья и общая редакция
доктора исторических наук
В. И. Уколовой

Москва
"Прогресс"
1990

ББК 86.391

М 79

Редактор *В. Д. Гапанович*

Морамарко М.

М 79 Массонство в прошлом и настоящем: Пер. с ит./
Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой.— М.: Прог-
ресс, 1989.— 304 с.

Эта книга — о духовном смысле масонства, о мирозозер-
цании, переосмыслившем тысячелетние культурные традиции
разных религий и эзотерических учений.

М 0503030000—304 38—90
006(01)—90

ББК 86.391

В масонском ритуале Королевская арка символизирует соединение конца и начала, утраты иллюзорного земного существования и обретения истинной вечной жизни. Арка — это граница, замыкающая тайну, и врата, открывающие путь к воскресению человека. Проникнуть под сень арки — значит прикоснуться к сокровенному, лежащему в основе масонства. Этому поможет предлагаемая читателю книга итальянского автора Микеле Морамарко «Масонство в прошлом и настоящем», вышедшая в свет в конце 70-х годов. Ее собирались опубликовать в русском переводе давно, еще до нашумевшего скандала с итальянской масонской ложей П-2, то есть в то время, когда масонство еще не было «модной темой». Однако публикация этой книги десять лет назад оказалась невозможной прежде всего из-за «нежелательности» предмета, о котором она написана.

Сегодня масонство является темой довольно широкого и чаще всего эмоционального обсуждения. В последние годы у нас в стране появилось немало публикаций, посвященных этой теме, различающихся по степени научности и достоверности. Более того, масонство стало как бы неким фантомом обыденного сознания, к которому подчас прибегают для истолкования не только событий прошлого, но и некоторых явлений настоящего. Как к этому ни относиться, однако интерес к масонству — это факт социальной психологии нашего общества, обретшей после долгой полосы запретов тягу, нередко чрезмерную, ко всему таинственному, лежащему за рамками традиционного рационалистического мировидения. Возможно, подобная тяга, если исключить элемент моды и суетного любопытства, есть выражение вполне искреннего стремления доискаться источников перводвижений человеческого духа, вариант поиска ответа на вечный вопрос «Что есть истина?», от обретения которой наши современники оказались много дальше, чем то представлялось в футуристических грезах интел-

лектуалов предшествующего века, увлеченных позитивистской идеей всеобщего торжества науки.

Тем не менее даже то, что предполагает в основе своей тайну, существует не исключительно само в себе, но так или иначе жаждет быть явленным тем, кто желает его постигнуть. В мире существуют многочисленные труды «масонов для масонов» и значительная литература о масонах — от бульварной до весьма серьезной и научной. Морамарко стремится дать объективную информацию о «вольных каменщиках». В его книге читатель найдет краткую историю масонства в Западной Европе от 1717 г. до середины XX в. Изложение ее может показаться сухим и схематичным, но таков замысел автора, которому «внешняя» история движения нужна для того, чтобы показать его эзотерическое содержание, многовековое развитие масонства как особого историко-культурного типа.

Когда писалась эта книга, Морамарко еще был очень молод (он родился в 1953 г.). Может быть, именно молодость автора обусловила серьезный, почти академический подход к предмету, который в течение двух с половиной веков был то превозносимым и возвышенно истолковываемым, то низвергаемым и обвиняемым во всех смертных грехах. Несомненно, молодому итальянскому исследователю было трудно соперничать со многими из тех, кто писал о масонстве до него, среди которых были и прекрасные литераторы, и блестящие мистификаторы вроде Лео Таксиля.

Если бы Морамарко задался целью написать историю масонства в собственном смысле этого понятия, последовательно изложить возникновение, развитие, приливы и отливы движения в фактах и событиях, он бы вступил на зыбкую почву, хранящую бесчисленное количество загадок, тайн и умолчаний. Автор же тяготел к тому, чтобы его труд опирался на доказательную основу. Отсюда — анализ широкого круга документальных источников, прежде всего масонской публицистики, и в частности одного из авторитетнейших изданий — «Масонское обозрение», а также обращение к фундаментальным научным теориям от трактовки символа школой Юнга до философско-математических интерпретаций выдающегося физика, астронома и математика Эддингтона, пытавшегося увидеть за символом фрагмент метаформальной сущности. Русского читателя привлечет и то особое уважение, которое Морамарко испытывает к Льву

Толстому, усматривая в нем мыслителя, глубоко почувствовавшего эзотерический и нравственный характер масонства.

Книга Морамарко не может служить «пособием» по истории масонства, но это весьма основательный «путеводитель» по масонским ритуалам и символикe. Автор делает попытку проникнуть в глубины ментальности «вольных каменщиков», дать ее философскую и символическую интерпретацию. Эта книга — о духовном смысле масонства, о мирозерцании, переосмыслившем тысячелетние культурные традиции разных религий и эзотерических учений.

Обратимся вместе с Морамарко к страницам романа Льва Толстого «Война и мир». В нем с помощью видного масона Баздеева открывается смысл масонства Пьеру Безухову, мятущемуся в духовных исканиях: «Высшая мудрость основана не на одном разуме, не на тех светских науках физики, истории, химии и т. д., на которые распадается знание умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имеет одну науку — науку всего, науку, объясняющую все мироздание и занимаемое в нем место человека. Для того чтобы вместить в себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека, и потому прежде, чем знать, нужно верить и совершенствоваться. И для достижения этих целей в душе нашей вложен свет божий, называемый совестью»¹. Разговор Баздеева и Пьера Безухова, отнесенный Львом Толстым к кануну Отечественной войны 1812 г., перекликается с разъяснением, которое дал жаждущему вступить в братство пожелавший остаться неизвестным член масонской ложи «Великая Астрея» в послании, написанном в 1817 г. в провинциальном городе Симбирске. «Вы задаетесь вопросом: Что такое братство наше представляет собой по преимуществу? — Религиозную секту? — Общество взаимопомощи? — Философско-научный кружок? — Социально-реформаторский союз? — Филантропический орден?

Вам, на основании всего того, что Вы читали о нас и слышали о нас, кажется, что братство наше, «с изумительною прочностью пережившее века и раскинувшее сеть очагов по всему лицу земли», — как Вы изволили выразиться, — понемногу включает в себя все поимено-

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 2. — Собр. соч., в 22-х т. Т. 5. М., 1980, с. 75—6.

ванные Вами элементы... Мы ищем единения отнюдь не с людьми выдающимися по своему умственному или материальному состоянию, высокому общественному положению, популярности или же знаменитыми по своему таланту, добившимися славы за высказанные ими где-либо идеи или убеждения. Ни религия, ни политика, ни искусство, ни благотворительность — сами по себе не составляли того материала, из которого возводим мы свой Храм Истине, и не они у нас связуют. Единственным качеством, которым должен обязательно обладать каждый из нас, является: испытанный жизнью характер, того закала, который является верною гарантией серьезного направления чувств, добросовестности мышления, решимости и непоколебимости поступков, неустрашимости при выводе заключений и последовательности в плане предстоящей жизни. Только те, коих характер заключает в себе все вышеперечисленные задатки, будучи приняты в число членов братии, в состоянии будут уразумевать шаг за шагом тайны, скрытые за обрядами нашими, цели, скрытые за наставлениями старшей братии, и пути, скрытые от взоров человечества уставами и законами нашими»². Казалось бы, автор этого послания настаивает на преимущественно моральных основаниях масонства, перерастающих в мировоззренческие, освященные великой религиозной тайной. Показательно, что похожие по духу рассуждения мы найдем и в интервью бывшего Великого Мастера ложи Великий Восток Италии Джордано Гамберини, приведенном в книге Морамарко. Другой бывший Великий Мастер ложи Великий Восток Франции, Роже Лерэй, отстаивал еще более широкий взгляд на движение «вольных каменщиков»: «Масонство — это своего рода микрокосм. В нем находят отражение все явления, которые происходят в обществе в целом»³.

Итак, масонство устами своих видных представителей стремится представить самое себя прежде всего как сообщество, спаянное узами морального и мировоззренческого единства. Автор этой книги показывает масонство как движение преимущественно в рамках христианской культуры, или, точнее, в границах библейского духовного

² Масонство, или Великое царственное искусство вольных каменщиков. СПб., 1911, с. 31—32.

³ Исповедь «нетипичного масона». — «За рубежом», 1989, № 19, с. 19.

универсума. (Однако имеются свидетельства о существовании масонских лож, в основе которых лежали принципы и других монотеистических религий.) Это движение, изначально предполагающее тайну — не только тайну организации, но и неизреченную тайну первоначальных оснований. И что не менее важно — тайну власти над миром духов стихий и природы, над человеком и общественными установлениями. Для него также характерно сопряжение мира собственно библейских идей, понятий, образов и антимира, включавшего то, что противостоит им. Это давало повод противникам масонов изображать их как слугителей Антихриста, отправлявших сатанинский культ. Сами масоны подчеркивали, что их братство носит космополитический характер не только в том отношении, что не абсолютизирует национальные различия, но прежде всего из-за универсализма их миро-созерцания, символики и ритуала, провозглашения своими лозунгами свободы, равенства, братства с особым вниманием к правам человека.

Масонство, как показывает его история, объединяло людей весьма различной духовной ориентации — от оккультистов до рационалистов. Однако для любого члена братства обязательно признание двух постулатов — абсолютного бытия Великого Архитектора Вселенной и бессмертия души. Религиозное чувство масонов нередко бывает мистически окрашенным и очень часто — далеким от ортодоксальности. Ритуал лож «вольных каменщиков» предполагает строгое следование традициям и устойчивым предписаниям и направлен на выявление универсального смысла, связующего все сущее и призванного сплотить единство посвященных. Сами масоны полагают, что их братство является объединяющим началом в обществе, подобно тому как цемент скрепляет воедино камни или кирпичи возводимого строения. Следует, однако, отметить, что в обществе за масонством закрепилась скорее иная слава. Масонов нередко считали носителями революционизирующего или даже разрушительного начала. Все тот же Роже Лерэй утверждал: «Убежден, что масонству изначально присущ политический характер. При этом, когда я говорю о политике, то вовсе не утверждаю, что все масоны должны придерживаться какой-либо одной точки зрения. Жизнь людская разнообразна, и никто не должен — я бы сказал, никто не вправе — укрываться в своем окопе. Поскольку масонство столетиями публично откращивалось от поли-

тики, фактически занимаясь ею, оно вызвало на себя мощный огонь критики... Было бы безумием соглашаться с теми, кто утверждает, будто масоны способны организовать «всемирный заговор», будто они фактически стали хозяевами мира»⁴.

Возникновение своего братства масоны стремились отнести к «началу времен», провозглашая иногда первым масоном самого творца или — при более «скромных» устремлениях — Адама — первого человека. Понимая всю сомнительность таких попыток «удревления» масонства, все же нельзя не видеть определенных аналогий между масонством и другими известными истории тайными сообществами религиозно-мистического и религиозно-политического толка, начиная от первобытных воинских союзов и древнейших жреческих объединений, подобных зороастрийским магам, вавилонским служителям Астарты, до пифагорейско-орфического братства или сект раннего христианства. Это, однако, не может служить свидетельством какой-либо прямой преемственности между древнейшими тайными союзами и масонством.

Наиболее прямыми предшественниками масонов были средневековые каменщики, строители соборов в Западной Европе, от которых произошло само название братства, ставшего предметом рассмотрения в данной книге (франкмасоны — «вольные каменщики»). Напомним, что в XI в. в Западной Европе, пробудившейся от летаргического сна «темных веков», началось бурное строительство. Стремительный рост объема работ и усложнявшаяся строительная техника требовали все большего числа квалифицированных архитекторов, каменщиков, штукатуров, словом, ремесленников, владевших строительными специальностями. Их общественный статус был достаточно высоким. Это зафиксировано и в «Книге ремесел», опубликованной в Париже в 60-х гг. XIII в., включающей статут строителей, а точнее, «каменщиков (масонов), каменотесов, штукатуров и цементщиков». В этом статуте говорится, что каждый человек может стать «вольным каменщиком». Расцвет готики, естественно, повлек за собой и рост авторитета строителей великолепных соборов, особенно руководителей работ, архитекторов и мастеров. Сколь высокое место в ментальности людей того времени отводилось архитек-

⁴ «За рубежом», 1989, № 9, с. 19.

тору, строителю, свидетельствует хотя бы тот факт, что фронтиспис одного из средневековых манускриптов Библии был украшен изображением Бога, прикладывающего к земле циркуль строителя перед началом творения. Показательно и то, что стены средневековых соборов сохранили изображения и самих зодчих, и изображения строительных инструментов, и стилизованные знаки «вольных каменщиков». Средневековые строители были объединены в профессиональные товарищества (ложи), во главе которых стоял мастер. Члены ложи были связаны не только тайнами профессионального мастерства и узами взаимопомощи, но и определенными ритуалами и скрытыми от непосвященных взаимными обязательствами. Не исключено, что именно в «века готики» получает особое звучание легенда о Хираме — строителе храма Соломонова, — имеющая источником несколько строк ветхозаветного текста, положенная в основу таинств масонства нового и новейшего времени наряду со своеобразно проинтерпретированными обрядами средневековых строительных лож.

Масонство нового и новейшего времени искало свои истоки не только в строительных братствах средневековья, олицетворяющих созидание как особое предназначение человека, как продолжение космической творческой потенции. Масонская легенда включает в себя и преемственную связь с загадочными тамплиерами (рыцарями Храма), чей орден обладал невиданным могуществом и огромными богатствами. Тамплиеров подозревали в связях с другим могущественнейшим тайным обществом, основанным в XI в. Хасаном ибн ас-Саббахом (Горным старцем) на Востоке и вошедшим в историю как «орден ассасинов». На многих европейских языках слово «ассасин» стало означать «убийца».

Орден тамплиеров был разгромлен французским королем Филиппом IV Красивым. Но магистр ордена Жак де Моле в пламени костра проклял короля и его потомство. Последующие события дают основания утверждать, что проклятие Великого Магистра исполнилось. Богатства ордена были конфискованы королем, но, как утверждает предание, это была лишь часть несметных сокровищ. Оставшиеся в живых тамплиеры якобы продолжали сохранять свое тайное братство и приумножать его несметные сокровища и тайную власть. Реальных подтверждений этому нет, но миф о тамплиерах продолжает будоражить умы людей до сих пор. Таким стран-

ным образом сплелись в масонской легенде мотивы созидания и разрушения, которые органично войдут и в мирозерцание масонства нового времени.

В научной литературе считается, что до XVII в. масонство в Западной Европе носило «практический» характер, то есть так или иначе было связано с профессиональной деятельностью строителей. 1600 год стал своеобразным рубежом в истории масонства. От этого времени сохранилось первое документальное свидетельство о принятии в ложу человека, никакого отношения к строительным профессиям не имеющего,— представителя знатной шотландской фамилии лорда Босуэлла. Однако можно предположить, что проникновение «непрофессионалов» в ложи «вольных каменщиков» началось значительно раньше. Между средневековыми ремесленными товариществами и ложами масонов нового времени существовали какие-то промежуточные образования, наиболее известным из которых является полулегендарный орден розенкрейцеров, с чьей историей связаны имена величайших магистров тайнознания Агриппы Неттесгеймского (1486—1535), Парацельса (1493—1541), прорицателя Нострадамуса (1503—1566), пророчества которого до сих пор подвергаются истолкованиям. Таким образом, предыстория масонства оказывается теснейшим образом связанной с магией, алхимией, оккультизмом, тайнознанием.

Со второй половины XVII в. масонские ложи утрачивают свой «профессиональный» характер, но сохраняют имя, ритуал и символику «вольных каменщиков», внутреннюю иерархию ложи. В мирозерцании масонов сплелись теософия с присущим ей мистическим опытом богопознания и вера, просветленная разумом, в чем сказалось влияние философов-просветителей, многие из которых были причастны к масонству. Одной из своих целей, во всяком случае в XVII в., масонство провозгласило познание Бога и природы, но познание по преимуществу не рациональное, а интуитивно-мистическое. Отсюда — огромная тяга к воссоединению с миром духов, вера в возможность магического воздействия, апелляции к тайным силам. Все это сосуществовало наряду с оптимистическим рационализмом Просвещения, так же как эгалитарные идеи масонства не препятствовали последовательному соблюдению иерархических принципов его организации. Провозглашение свободы от догмы, равенство на основе соблюдения прав человека,

терпимости, всеобщности, деятельной помощи братьям делали масонство особенно привлекательным для людей, стремившихся сбросить с себя путы старой идеологии и морали неравноправия. На этом пути «вольные каменщики» руководствовались одной из древнейших максим, обращенных еще дельфийским оракулом к человеку: «Познай самого себя». Самопознание и реализация связанного с ним комплекса этических принципов, нравственных наставлений, направленных на самосовершенствование человека, назывались масонами «работой над диким камнем», под которой подразумевалось духовное преобразование человека на его пути к истине и добру. Однако масонство не ограничивалось лишь личным совершенствованием братьев. Нравственные цели масонства имели и немало общественных аспектов. Мартинисты (представители одного из влиятельных направлений масонства XVIII в.) призывали видеть во всех людях братьев, открыть им свой Храм, чтобы «освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи». «Масонство,— провозглашали они,— никого не ненавидит и не преследует, и цель его может определяться так: изгладить между людьми предрассудки каст, условных различий происхождения, мнений и национальностей; уничтожить фанатизм и суеверие; искоренить международные вражды и бедствия войны; посредством свободного и мирного прогресса достигнуть закрепления вечного и всеобщего права, на основании которого каждый человек призван к свободному и полному развитию всех своих способностей; споспешествовать всеми силами общему благу и сделать таким образом из всего человеческого рода одно семейство братьев, связанных узами любви, познаний и труда»⁵.

В XVIII в. в масонстве усиливается тяга к включению в него элементов различных древневосточных религиозных систем, каббалы и оккультизма. Эта тенденция еще более укрепится в XIX столетии, ставшем временем довольно бурного развития европейской теософии. Однако речь, по-видимому, может идти не о непосредственном и целенаправленном усвоении, а о переосмыслении их в рамках европейского сознания, включении в уже достаточно рационализированную ментальность. Отсюда

⁵ Мезиер А. В. В поисках правды и смысла жизни. Очерк из истории русского масонства. СПб., 1906, с. 59.

отчасти впечатление «искусственности» — как сказали бы в старину, «ненатуральности», — которое производило знакомство с мирозерцанием и обрядами масонства на многих мыслящих людей, не только априори скептически настроенных, но даже и входивших в число «вольных каменщиков» с искренним желанием приобщиться к истине. Еще раз обратимся к «Войне и миру». Толстой так описал чувства Пьера Безухова, посвящаемого в «вольные каменщики»: «Пьер растерянными близорукими глазами, не повинувшись, оглянулся вокруг себя, и вдруг на него нашло сомнение: «Где я? Что я делаю? Не смеются ли надо мной? Не будет ли мне стыдно вспоминать это?» Но сомнение это продолжалось только одно мгновение. Пьер оглянулся на серьезные лица окружавших его людей, вспомнил все, что он уже прошел, и понял, что нельзя остановиться на половине дороги. Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь вызвать в себе прежнее чувство умиления, повергся к воротам храма»⁶.

Стремление посредством погружения в обозначенную символами универсальность магии и оккультизма выйти за пределы рационального, «простого», с точки зрения масонов, знания ради приобщения к знанию вечному усиливало таинственный, эзотерический характер их мирозерцания и обладало мощной притягательной силой. Число вступающих в множившиеся ложи в XVIII в. стремительно росло, и не будет преувеличением сказать, что век Просвещения в определенном смысле можно назвать и веком масонства. Большинство крупнейших деятелей Просвещения и тех, кто считал себя принадлежащим к интеллектуальным слоям общества, вступали в ряды «вольных каменщиков». Это стало своеобразной модой и знаком принадлежности к социальной элите. Масонами были создатели Энциклопедии и выдающиеся поэты. «Волшебная флейта» Моцарта считалась как бы музыкальным «кодом» масонства. Среди масонов было немало тех, кто в конце столетия принял самое активное участие в Великой французской революции. Это дало основание для возникновения в литературе версии, что масонство сыграло якобы решающую роль в подготовке и осуществлении революционных событий конца XVIII в. Справедливости ради надо заметить, что к масонским ложам принадлежали и многие роялисты, а также сам король Людовик XVI и его ближайшие родственники —

⁶ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 2. — Указ. соч., с. 87.

граф Прованский (будущий Людовик XVIII) и граф Артуа (впоследствии ставший королем Карлом X). Факт членства в ложах «вольных каменщиков» не препятствовал тому, что «братья масоны», нимало не поколебавшись, сносили головы друг другу. Нельзя, однако, не признать, что эзотерический характер, закрытость лож способствовали тому, что при желании они могли превращаться в центры не только теософской, но и политической пропаганды, использоваться для различного рода заговоров. Это приводило к тому, что в конце XVIII и первой четверти XIX в. отношения между государственной властью и масонами в ряде европейских государств крайне обострились, что вызвало закрытие многих лож. В тайных обществах стали видеть угрозу официальной власти. В Австро-Венгерской империи участие в масонских ложах каралось как государственная измена, аресты масонов начались в Италии, Германии. В Испании и Португалии они становились жертвами инквизиции. Во Франции немногие сохранившиеся ложи попали под бдительный надзор наполеоновской полиции.

Провозглашенные масонством идеалы постигла участь многих упований — они так и остались неосуществленными. И одной из основных причин этого была презумпция изначальной избранности, духовной элитарности нового масонства, которое называют подчас «философствующим», «спекулятивным» в отличие от «практического» масонства средних веков. Масоны считают себя служителями незримого закона, соединяющего Дух и все сущее. Они — молчаливые ратники в духовной битве добра и зла, в которой никто не в силах предугадать очередные победы или отступления. Они жаждут быть восприимчивыми невыразимых сил, приуготовителями жизни вечной. Не случайно центральной тема масонских обрядов — смерть и воскресение. Смерть ощущается как форма, в которую отливается жизнь, приобретая свое наиболее полное сущностное выражение. Момент смерти — момент озарения, снятия покрывала с великой тайны, воскресение к настоящей жизни через погружение в вечное молчание. В «философствующем» масонстве чрезвычайно сильна мистическая основа. У истоков формирования оно находилось под сильнейшим влиянием истолкователя Великой Тайны Якоба Бёме, немецкого мистика, вызывавшего резкое осуждение со стороны ортодоксального лютеранства, и шведского естествоиспытателя, превратившегося в визионера и духовидца, Э. Сведенбор-

га (1688—1772), стремившегося высветить неведомое — соответствие трансцендентального бытия и ограниченно-го земного существования,— разгадать невидимые знаки истинной жизни. (Вспомним, что и в России было немало поклонников Сведенборга, чьи сочинения были переведены на русский язык в середине прошлого столетия. В XX в. его духовным наследником стал Даниил Андреев, сын известного русского писателя Л. Андреева, мыслитель и поэт, созерцатель «обеих бездн», автор интереснейшего сочинения «Роза мира», фрагменты которого впервые были опубликованы в печати только в 1989 г.⁷⁾

В масонском ритуале символы смерти — череп, гроб с костями и др. — играли важнейшую роль. Несомненно, в этом был элемент игровой тайны, «нестрашного» ужаса, неизменно притягивающего человека (это заложено в самой психической природе его, поэтому вполне естественны обращения Морамарко к фрейдистскому психоанализу, с его приданием особого значения бессознательному, и юнговской символогии).

Символогическая интерпретация системы мирозерцания и ритуальной практики масонов — наиболее сильная сторона книги итальянского автора. Он показывает, что масонство — это не только определенный тип сообщества, организации, не только мирозерцание или система этики, но и символический универсум. Символ — это сущность, воплощенная в знаке, вобравшем в себя многомерность смыслов и образов. Символ включает в себя многоуровневую смысловую перспективу, «просвещающую» через предметный или словесный образ, и в основе ее, как считает вслед за Юнгом Морамарко, — глубинный архетип, порождение коллективного бессознательного. Смысл символа, задача его интерпретации и разгадки требуют активной сопричастности воспринимающего, активизации в нем не только рационалистического, но и интуитивного, эмоционального, эстетического начал. Процесс истолкования символа глубоко диалогичен, он обретает истинный смысл лишь в пределах человеческого общения, в котором и может быть выявлена сущность символа. Это прекрасно иллюстрирует масонство, символическое облачение его доктрины и ритуалов.

⁷ См.: Андреев Д. Роза мира. Фрагменты. — «Новый мир», 1989, № 2, с. 176—193.

Можно сказать, что масоны используют символы и для придания сокровенности своим мирозерцательным и этическим установкам, и для выявления их во всей полноте через иерархию образов-смыслов, заключенных в специфических знаках, служащих указателями всеобщности. Сложная система символов не может быть легко разгадана разумом, четко и просто определена. Она одновременно и преграда, и линза, которая, с одной стороны, оберегает от упрощенного восприятия, чем способствует сохранению тайны, а с другой — позволяет сделать процесс постижения символа в его незамкнутой многозначности поистине «завораживающим», бесконечно обогащающим сознание и подсознание. Система символов — ключ к масонству.

Центральным символом масонства является Храм. Своими корнями этот символ уходит в Библию, где повествуется о возведении храма царем Соломоном. Напомним, что и для иудаистской, и для христианской традиции Храм как символ также чрезвычайно важен. В сущности, культ Храма — одно из древнейших религиозных чувств, знаменующих движение к Богу, духовное совершенствование. Древнейшая аналогия Природа — Храм, Универсум — Храм давала чувственное воплощение Высшей Святыни, соединяла мир Бога и мир человека. В масонстве Храм воплощал великий труд созидания, как божественного, так и человеческого. Воздвигаемый, согласно предвечному Плану Великого Архитектора Вселенной, Храм есть символ Мирового Порядка. В свою очередь, Мировой Порядок находит отражение в братстве «вольных каменщиков». Храм есть символ Высшей красоты, Духовности. Но Храм не только символ универсализма. Каждый масон кропотливой работой над собой должен воздвигнуть Духовный Храм в себе самом. При вступлении в ложу, которая сама есть как бы проекция Храма, новичок начинает трудиться над «неотесанным камнем», который символизирует природное состояние человека. Посвящаемый начинает строительство самого себя, ибо человек — и дух его, и тело его — тоже есть «Храм Господень». Масонское мирозерцание пронизано культом труда, знаменующего самосовершенствование человека. Рабочие инструменты строителя — мастерок, циркуль, молоток, угольник и др. — занимают важное место в масонских символике и ритуалах. Движение масона вверх по лестнице степеней посвящения отмечает каждый этап его движения к Исти-

не в поисках великого смысла Утраченного Слова, в котором сокрыта Первая и Последняя Тайна бытия. Не случайно сами «вольные каменщики» определяют масонство как «науку нравственности, сокрытую за завесой аллегорий и явленную посредством символов»⁸.

Но масонство — это не только мирозерцание, наука нравственности, система символов и ритуалов, образ жизни. Масонство нередко было связано с политической. Этот аспект в книге Морамарко освещен явно недостаточно. Тем не менее тот же Великий Магистр ложи Великий Восток Франции свидетельствует: «Не масонство подняло восстание американцев против английского империализма. Но наиболее решительными участниками этого восстания были масоны. Вашингтон стал Вашингтоном, поскольку он был масоном. Как и Франклин. Как и Лафайет. Масон О'Хиггинс — «отец» Чили. Аргентину «создал» Сан-Мартин. Боливар построил Большую Колумбию, Хуарес — современную Мексику. Это всё масоны»⁹.

Морамарко почти не касается еще одной интересной для нашего читателя темы — истории русского масонства. Напомним, что в Россию оно проникло в первой трети XVIII в. Во всяком случае, в одном из документов 1731 г. сообщается о капитане Джоне Филлипсе, назначенном Великой ложей Англии Великим Магистром в России¹⁰. Через девять десятилетий, в 1822 г., рескриптом императора Александра I масонство запрещается на территории Российской империи. Еще Екатерина II с большой опаской относилась к масонству.. Поначалу высмеивая обряды «вольных каменщиков» в своих комедиях, она впоследствии усмотрела в этом движении угрозу своему правлению. Тяжкое впечатление на общественность произвело осуждение Новикова, выдающегося русского просветителя и виднейшего масона, на пятнадцатилетнее заключение в Шлиссельбурге кой крепости. Последовал приказ о закрытии масонских лож, однако братство «вольных каменщиков» не прекратило своего существования на российской почве. Нового расцвета оно достигло, когда пришло «дней Александровых прекрасное начало», когда реформаторские упования мо-

⁸ Mackey's Symbolism of Freemasonry. Chicago, 1946, p. 11.

⁹ «За рубежом», 1989, № 19, с. 19.

¹⁰ См.: Телепнев В. An Outline of the History of Russian Freemasonry. L., 1928, p. 3.

лодого императора, казалось, сулили русскому обществу изменения к лучшему. После успешного завершения войны 1812 г., когда русские войска с триумфом вернулись из Европы на родину, они принесли с собой опьяняющий дух победы, жажду свободы и вольнодумства. Эта жажда находила выход не только в литературе, но и в бурной жизни тайных кружков, возникавших один за другим и в обеих столицах, и в провинции, особенно в среде молодого офицерства. Большинство таких сообществ носило характер масонских лож. Усиление революционных устремлений в этих тайных объединениях побудило Александра I, уже давно отказавшегося от либеральных планов своей молодости, повелеть закрыть все масонские ложи, поскольку от «умствований, ныне существующих», «проистекают столь печальные в других краях последствия». Страх перед революционной угрозой оказался сильнее чувства масонской солидарности (существует предположение, что Александр I в начале XIX в. был принят в масонскую ложу)¹¹. Однако и после 1822 г. братства «вольных каменщиков», очевидно конспирировавшись, продолжали свое существование, ибо в противном случае императору Николаю I не понадобилось бы повторять запрещение старшего брата. Известно, что многие декабристы были масонами, в том числе братья Муравьевы-Апостолы, С. П. Трубецкой, А. Н. Муравьев, С. Г. Волконский; П. И. Пестель к моменту восстания уже формально вышел из масонской ложи.

История русского масонства XIX — первых десятилетий XX в. составляет специальный и очень сложный предмет исследования. Большие споры в научной и публицистической литературе вызывают вопросы о связи русского масонства с зарубежным, о его отношении к освободительному и революционному движению. Ограниченный объем вступительной статьи не позволяет сколько-нибудь серьезно осветить их, поэтому отсылаю читателя к специальной литературе.

Для информации приведу лишь свидетельство Б. Тепленева, автора «Очерков истории русского масонства», вышедших в Лондоне в 1928 г. «Существование масонских лож в 1909 г. стало очевидным для правительства России, выяснилось также, что эти ложи принадлежат к французской ветви масонства. Деятельность

¹¹ Мезиер А. В. В поисках правды и смысла жизни, с. 139.

этих лож была приостановлена, и так продолжалось до 1911 г., когда некоторые из членов этих сообществ решили возобновить, со всей возможной осторожностью, их деятельность. Однако эту деятельность едва ли можно назвать собственно масонской, поскольку она была устремлена главным образом к политической цели — упразднению российской автократии и установлению демократического режима в империи; члены этих лож входили в сферу влияния Великого Востока Франции. Это, по существу, политическое объединение в 1913—1914 гг. охватывало до 40 лож... Очевидно, они приняли участие в подготовке Февральской революции 1917 г. и установлении Временного правительства. Поскольку политическая цель была достигнута, движение пошло на спад»¹². Эти сюжеты нашли освещение и в книге очевидца событий Н. Берберовой «Люди и ложи: русские масоны XX столетия». Советский историк Н. Яковлев, затронувший тему масонства в связи с Февральской революцией в России, писал: «Конечно, было бы неверно видеть решительно во всем руку масонов в действиях российской буржуазии в годы первой мировой войны и особенно на подступах к Февральской революции. Буржуазная и эмигрантская историография усиленно стремится либо вообще замолчать, либо скомпрометировать эту тему. По всей вероятности, наилучший, да и единственно возможный, исход — судить по фактам» . К сожалению, приходится констатировать, что в исследовании этой сложнейшей проблематики отечественная историография находится еще в начале пути.

Морамарко не является сторонником акцентирования политических аспектов деятельности масонских организаций, хотя эта книга написана тогда, когда назревал скандал с ложей П-2, потрясший общественное мнение Италии и многих других стран. К тому времени в Италии насчитывалось более пятисот легальных масонских лож. Но ложа П-2 была тайной, а тайные общества в Италии запрещены. Мастер ложи Личо Джелли обладал почти неограниченной властью. П-2 оказалась связанной и с итальянскими секретными службами, и с мафией. Она контролировала значительную часть политической и финансовой жизни страны. В эту ложу входил целый ряд политических деятелей, высо-

¹² Телернеф В. *Op. cit.*, p. 35.

¹³ Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974, с. 19.

копоставленных военных, крупных бизнесменов. Итальянская пресса писала, что ложа П-2 была гнездом политической реакции, в котором вынашивались замыслы государственного переворота. История с ложей П-2 обнаружила серьезную трансформацию масонского движения, в своем наиболее крайнем, нелегальном выражении сомкнувшегося с разветвленной системой тайной власти. Усилятся ли в современном масонстве подобные опасные тенденции или оно превратится в некий раритет, притягивающий людей причастностью к древним тайнам и загадочностью ритуала, — ответ на эти вопросы даст будущее.

В. И. Уколова

Написать книгу о масонстве одновременно и легко, и трудно. Решить, какой путь избрать, легкий или трудный, — значит определить характер задуманной работы.

Если пойти за так называемой «оккультной» литературой, изданной в далеком и недавнем прошлом, то задача автора безмерно облегчается. Окажется, что масонство можно представить в совершенно фантастическом измерении, исписывая без затруднения страницу за страницей.

Задача совсем иного рода встанет перед исследователем, вознамерившимся подойти к теме с научной серьезностью. В этом случае выбор источников должен быть тщательным, их оценка — строгой, анализ документального материала — предельно разборчивым. Дело в том, что на сто страниц, написанных в прошлом о масонстве, по меньшей мере девяносто, не задумываясь, можно выкинуть в корзину. Нередко даже масонские источники, во всяком случае в Италии, были вызваны к жизни стремлением изготовивших их авторов возвысить движение вольных каменщиков. Задача исследователя еще более осложняется, если требуется сочетать строгость научного анализа с простотой изложения, доступного для широкого читателя.

Масонство — это историческое, культурное и духовное явление невероятной сложности, хотя его основополагающие принципы могут быть поняты многими. Изложить его историю в рамках небольшой книги значило для меня бросить вызов самому себе. Удалось ли мне с честью выйти из этого поединка, сказать не могу. По крайней мере я постарался, чтобы простота и краткость изложения не превратились в вульгаризацию.

Эта книга имеет обширную документальную базу. В то же время в ходе самой исследовательской работы я вынужден был отсеять все, что напрямую не касалось тематики, оставляя при этом некоторые общекультур-

ные реминисценции. Это касается, к примеру, главы, посвященной трактовке символа школой Юнга и зрения такого выдающегося физика, астронома и математика, философа науки, каким был А. С. Эддингтон, разработавший проблематику взаимосвязи символа, научного познания и познания реальности. Замечу, что мне представлялось чрезвычайно полезным делом указать на научную сторону символического метода, так как в самом масонстве весьма часто отсутствует адекватное внимание к познавательной функции символа.

Расхожее определение масонства, особенно принятое, насколько я мог заметить, среди англосаксов, сводится к тому, что масонство — это «изумительная по красоте система нравственности, завуалированная аллегорией и иллюстрируемая символами». Следовательно, предполагается, что масонские символы являются символами нравственности. Согласен, утверждение весьма справедливое, но далеко не исчерпывающее. Дело в том, что в масонской символогии, кроме нравственных тем, подспудно звучат также великие темы духовного познания, «гносиса»: космическая драма смерти и воскресения, единства и всемирности опыта духовного человеческого познания, находящегося как бы за пределами его разнообразных исторических проявлений, тема настоятельной потребности соединить разум, интуицию и традицию в целостный импульс, ведущий к совести, и т. д. Сегодня уже многие авторитетные ученые среди математиков и психологов утверждают, что символы открывают пути к более глубокому истолкованию действительности. Мне же кажется, что мы подошли вплотную к тому, что можно было бы назвать конвергенцией метода. И масонам не следовало бы недооценивать эту возможность.

Собирая документальный материал, я достаточно широко пользовался собранием «Масонского обозрения». Этот журнал, будучи центральным органом Великого Востока Италии (масонской ложи, именуемой еще иногда и по месту пребывания ее штаб-квартиры ложей Дворца Джустиниани), в настоящее время является, пожалуй, главным рупором современного итальянского масонства. Всякий желающий может подписаться на это издание, его можно найти в библиотеках, продается оно и в газетных киосках. В целях придания книге более «актуального» звучания я счел целесообразным «проштурдовать» подшивку упомянутого журнала за несколько

лет. Думаю, что время я потратил не зря. «Масонское обозрение» содержит материал, который не сыщешь в каком-либо ином источнике. В панораме масонской международной публицистики это издание стоит далеко не на последнем месте. Спешу, однако, разочаровать тех, кто предполагает, будто на страницах этого издания можно отыскать публикации официального характера, отражающие мнение Великого Востока Италии по политическим, экономическим и культурным проблемам. В журнале масонов ничего подобного он не найдет. Основное внимание уделяется «программе» личного самоусовершенствования, основывающейся на суггестивной символике и на этических принципах, исторически неизменных, позволяющей масонству привлекать к себе людей самого различного происхождения и самых разнообразных убеждений. Так что вряд ли этот журнал может служить выражением какой-то единой позиции. Только в чрезвычайных обстоятельствах масонство выступает как некое «единое целое». Никогда оно не действует на основе какого-то единого метода.

Тем не менее в «Масонском обозрении» встречаются статьи, всегда подписанные подлинным именем автора, берущего на себя всю полноту ответственности за свои высказывания по таким вопросам, как положение пожилых людей и пенсионеров в обществе, опасность наркомании, порнографии, разводов, необходимость сохранения светского характера государства, совершенствования законности, злоупотребления цензуры и т. п. Главное в работе журнала — исследования по истории, символогии и философии в самых широких хронологических рамках при ничем не стесненном разнообразии мнений. Обращаясь к прошлому, авторы стараются говорить современным языком, применяя историографические методы и способы интерпретации, психологический анализ, соответствующий последним достижениям науки. Впрочем, не повторяя вслед за Екклезиастом, что, мол, нет ничего нового под солнцем, подчеркну, что все-таки одна из основных духовных проблем современного мира не столько изобретение нового, сколько интерпретация, критическое восстановление и обновление того, что нам завещано прошлым.

Желая сделать свою книгу более актуальной, я включил в главу «Масонство в Италии и сегодняшнем мире» интервью с бывшим Великим Мастером (Великим Магистром) Великого Востока Италии и тогдашним глав-

ным редактором «Масонского обозрения» проф. Джордано Гамберини. Я признателен ему за помощь, оказанную мне в работе над книгой. Проф. Гамберини изложил мне четкую картину географии международного масонства, а также охарактеризовал положение масонов в Италии и их связи с масонскими общинами за рубежом. Дж. Гамберини был одним из деятелей итальянского масонства, которые способствовали признанию Великого Востока Италии со стороны Великой объединенной ложи Англии. Признание «регулярности» за этим движением итальянского масонства означало его включение в систему международных отношений всемирных вольных каменщиков. Бывший Великий Мастер имел возможность посетить масонские общины во многих странах мира, отчего сказанное им действительно можно считать информацией из первых рук. Для документального подтверждения своих исследований я использовал многочисленные иностранные источники, главным образом на английском языке. Прежде всего следует выделить фундаментальные работы Б. Джонса, книгу о Древнем шотландском обряде, написанную анонимными «антимасонами», антологию символики М. П. Холла и др.

В главе «Масонство, общество, политика и культура» я попытался опровергнуть (на основе выводов, к которым я пришел в ходе научно-исследовательской работы) общеизвестное представление, будто масонство находится в услужении у тех или иных политических групп или органов власти. В зависимости от пристрастий — в услужении у сионистов, коммунистов, англо-американского империализма, неофашизма и т. д. История масонства, как мне кажется, не дает оснований для подобных прямолинейных утверждений.

В последние годы скандальные слухи поднялись, подобно девятому валу. Самые грязные обвинения были брошены в адрес масонства, в котором усматривали тайный центр власти. Такое мнение — отчасти исторический предрассудок.

В течение нескольких лет мне пришлось изучать масонские издания, познакомиться с приверженцами Великого Востока Италии, встречаться с членами масонских лож, политические взгляды которых были весьма различны. Всех этих людей роднило одно — независимость духа и независимость суждений.

Конечно, я не собираюсь выступать в защиту той или иной стороны. Главное для меня — пролить свет на идеа-

лы вольных каменщиков. Убежден, как убежден любой непредвзятый человек, что если тот или иной масон совершает поступок, идущий вразрез с идеалами свободы, равенства и братства (а именно это триединство является основой устава масонов, в том числе и в Италии), то совершает он его вовсе не потому, что является масоном, а вопреки своей принадлежности к братству и против его установлений. Стоит ли валить в одну кучу и масонов и бандитов из ку-клукс-клана, творящих преступления под прикрытием ритуальных таинств, ни по стилю, ни по сути не имеющих ничего общего с «тайной» масонов? Эта «тайна» в отличие от секретов заговорщиков состоит в духовности и традиции. Масонство, не будучи организационно филантропической структурой, тем не менее оказывает поддержку различным благотворительным начинаниям, не стремясь при этом рекламировать свою деятельность. Тайна — признак хорошего вкуса. Во всяком случае, это мое мнение. Гуманитарные акции, предпринимаемые масонами, лишены коммерческого характера и столь распространенной в Италии идеологизированности и предвзятости. Так, дон Анджело Фануччи, католический священник общинного центра «Джезу Рисорто», воспитывающего детей, страдающих врожденными физическими недостатками, оценил денежный дар, переданный масонами, следующими словами: «Признаюсь, что это приношение меня особенно радует. Несмотря на все усилия преодолеть схематизм мышления, сковывающий нашу способность понимать действительность в ее разнообразии, повторяю, несмотря на все усилия видеть человека, а не идеологическую схему, некоторые предрассудки, внушенные нам в то время, когда сознание ребенка еще не сформировалось, продолжают давать ядовитые всходы, пусть даже и на подсознательном уровне. Вот и само слово «масон» ассоциируется в нашем воображении с чем-то угрожающим и таинственным. Таким образом, открытие, а в действительности подтверждение, что жизнь не похожа на мертвые схемы, что на другом поле другие братья с полной серьезностью трудятся так же, как трудимся мы, испытывая при этом радость жизни и стремление идти тропой поиска вместе, пусть и придерживаясь разных взглядов, не может не вызвать ощущения возможности подлинного внутреннего мира. А это освобождает человека от ложного и тягостного бремени — считать себя единственным хранителем истины...» Слова

эти заимствованы нами из письма, с которым католический священник обратился в марте 1976 г. в «Масонское обозрение».

Я вовсе не претендую на то, что книга, которая одновременно носит научный характер и пытается быть доступной широкому читателю, во всем мне удалась. В ряде случаев я не мог обойтись без научной терминологии, в других местах лишь коснулся тематики, имеющей сложное теоретическое обоснование, например в главе «Симвология как священнодействие», говоря о сопоставлении идеалов масонства и некоторых современных идеологических течений. Однако надеюсь, что в целом язык книги доступен, а аргументы вполне очевидны.

При написании книги мне пришлось прибегнуть к обильному пересказу источников. Все они даны в сводной библиографии, приводимой в конце книги. Каждый источник снабжен подробными выходными данными. Таким образом я постарался гарантировать читателю возможность перепроверить в случае надобности исходный материал.

Хотел бы поблагодарить своих коллег, которые оказали мне помощь в поиске ряда источников, своего друга Альберто Амбези, специалиста в области инициационных традиций, без поддержки которого книга вряд ли была бы написана.

Завершить же это введение мне придется с известной долей самоиронии. Дело в том, что в книге я употребляю местоимение «мы», относящееся, разумеется, к моей особе. Нет, пусть читатель не думает, что это «мы» должно звучать как местоимение в королевских рескриптах. Отнюдь нет. Просто мне хотелось таким образом сделать изложение менее окрашенным личностным отношением к предмету исследования. Главное же — еще раз подчеркнуть, сколь многим каждый из нас обязан другим людям и другим высказанным когда-то мыслям, предположениям и оценкам.

«Каждое слово, каждый звук, каждый шаг, движение — это отражение... Храм по сути своей заполняет физическое и духовное зрение братьев»¹ — такими словами один из масонов передал свое сугубо интимное переживание ритуальности и символики, связанных с масонским храмом. Несомненно, для того, чтобы подойти к изучению масонства, крайне важно предварительно познакомиться с основным значением символического ряда, образующего храм, с ритуалом начала и окончания работы, ведущейся в нем, с ритуалом инициации (посвящения). Вот почему, прежде чем обратиться к фактической истории движения, на наш взгляд, было бы полезно непосредственно окунуться в атмосферу масонского храма, обратив внимание первоначально на те ее

Памятник философу Джордано Бруно на Кампо-де-Фьори в Риме. Скульптор Этторе Феррари, один из наиболее известных итальянских масонов

элементы, знание которых должно предшествовать погружению в ее глубины.

Храм имеет прямоугольную форму. Потолок усыпан звездами, пол — с узором в виде шахматной доски. Одна из стен не достигает потолка. При входе в храм, символически обращенный на Запад, возвышаются две колонны — В и J. На Востоке установлен трон Мастера, председательствующего в ложе. Возле трона возложены сверкающий меч, другие символические предметы. Восточная стена украшена изображениями Солнца и Луны, Священной Дельты (равностороннего треугольника в лучах славы со всевидящим оком в центре), а также инициалами речения «Во славу Великого Архитектора Вселенной»: A.-G.-D.-G.-A.-D.-U.-. (A Gloria del Grande Architetto dell'Universo). На Западе и Юге расположены места 1-го и 2-го Смотрителей, при которых установлены канделябры соответственно с одной и двумя свечами. В канделябре Мастера три свечи.

В центре храма треугольный алтарь, на котором лежат Библия, угольник и циркуль. На каждой из трех граней алтаря начертаны слова: Свобода — Равенство — Братство. У подножия алтаря один неотесанный и один отесанный камень, рабочие инструменты каменщика.

В храме находятся также статуи Минервы, Геракла и Венеры. Вдоль стен красный шнур, завязанный в семь «узлов любви».

Разумеется, символизм храма более сложен. Мы же ограничились описанием наиболее броских его черт, которые, надо полагать, уже приоткрыли нам доступ в духовную атмосферу, окружающую работу вольных каменщиков.

Правда, поставим сначала вопрос: а почему, собственно говоря, храм?

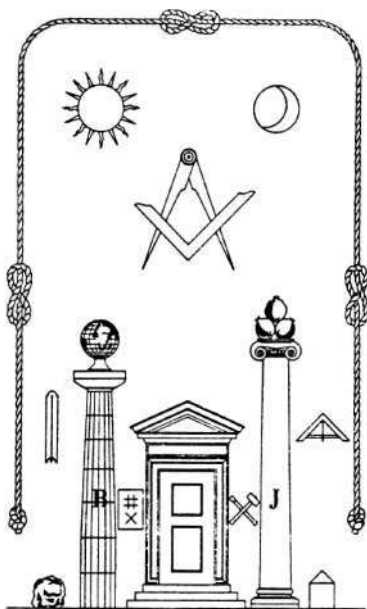
Традиционная легенда, по которой масоны являются наследниками и продолжателями дела строителей, возводивших храм царя Соломона, не дает адекватного ответа на этот вопрос. Более достоверным нам представляется ответ, согласно которому символика храма (при всех ритуалах) призвана поддерживать дело духовного совершенствования масона, пребывающего во всемирном пространстве (в храме сосуществуют символы иудейского, христианского и языческого происхождения) и «освященном» Космосе (храм в миниатюре воспроизводит Вселенную, будучи построен по линии Зенит — Надир), где вольный каменщик получает воз-

возможность более плодотворно работать над собой во имя самопознания и восстановления своего единства с «освященным» измерением.

Масонство в своем храме восстанавливает, пожалуй, не столько «наследие» строителей Соломона или (что исторически более обосновано) средневековых вольных каменщиков, но наследие гораздо более древнее и универсальное, наследие человека, пребывающего в поиске правды, «homo religiosus» в самом подлинном смысле этого понятия.

Как писал М. Элиаде, храм, всякий храм является «не только «отражением мира» («*imago mundi*»), но также и воспроизведением на Земле трансцендентной модели»². Элиаде утверждает, что еще до того, как появились известные нам храмы, человек уже жил опытом «священного пространства», отграниченного от окружающей среды. Вспомним и мы о кельтских священных рощах или о самой греческой этимологии слова «храм», восходящей к понятию «священная ограда».

Итак, масоны собираются в храме с тем, чтобы работать «без передышки» над собственным совершенствованием, о чем и напоминает им и каждому новоприбывшему Мастер. В масонском лексиконе совер-

Символы масонского храма

шенствование равнозначно этике самостроительства. Массон призван вечно строить. Его безусловный долг — можно было бы сказать, его «дхарма» * — состоит в том, чтобы продвигать дело роста, подъема, познания. Это то Великое Дело, о котором говорится в герметической традиции ** и которое масон должен совершать в самом себе, с тем чтобы затем передать его внешнему миру.

Символика масонского храма направлена, как мы увидим, главным образом на реализацию этой конструктивной созидательной этики (подчеркнем: целенаправленной этики, а не лишенной четкой морали).

После того как масоны вошли в храм и руководители ложи заняли свои места, начинается Работа. Согласно ритуалу, она символически начинается ровно в полдень, подчеркивая солярность события. В полдень перпендикулярные лучи солнца освещают и согревают землю с наибольшей интенсивностью. Это — магическое мгновение, благоприятствующее трудам масонов, которые связывают все свои чаяния с понятием Света.

Мастер повелевает присутствующим убедиться, что храм должным образом «защищен», и приступает к ритуальному диалогу с двумя Смотрителями. Первый находится на Западе. Он следит за движением солнца и закрывает храм лишь после того, как удостоверился, что работающие получили причитающееся. Второй — на Юге. Он объявляет братьям об окончании Работы и призывает их к отдыху, во время которого восстанавливаются силы, происходит воссозидание, а после отдыха — снова к труду.

Разумеется, речь идет о символических ролях, в которых звучит отдаленным эхом тайна мастерства вольных каменщиков. Психологическая нагрузка таких ролей двойная: с одной стороны, они включают братьев в инициационную цепь, которая принимает их как звенья (ритуал масонов всегда сочетает духовный труд с трудом физическим), — в этом выражены трудовые традиции средневековых вольных каменщиков (их братство называют «оперативным» масонством, то есть практи-

* *Дхарма* — в ряде индийских религиозно-философских учений — закон, обязанность, высшее предназначение. — *Прим. ред.*

** *Герметическая традиция* якобы берет начало от легендарного мудреца Гермеса Трисмегиста. Основной комплекс воззрений герметизма отражен в «герметических» трактатах, созданных в эпоху эллинизма и поздней античности. — *Прим. ред.*

ческим, связанным с профессией, в то время как «спекулятивным», то есть теоретико-символическим, именуется масонство нового времени). С другой стороны, они предваряют основополагающее масонское поучение — духовный труд и созидание, свершаемые на принципах совести и самодисциплины. Оба Смотрителя обязаны знать и скрупулезно выполнять свой долг. Известно, что в храме должны царить «разум, серьезность, благодеяние и веселие». Об этом напоминает Мастер, восседающий на Востоке, чтобы просвещать братьев своими знаниями, подобно тому как солнце, восходя на Востоке, освещает землю.

Звание «мастер» неизменно сопровождается эпитетом «почтенный». Обратим внимание и на это слово.

Употребление масонами этого слова уходит корнями в «Королевскую поэму» («Poema Regius»), известную рукопись оперативного масонства, относящуюся к 1390 г. Термин «почтенный», по-английски «worshipful», вошел затем в название Лондонского товарищества масонов (London Masons Comrany), которое в 1655 г. стало именоваться Почтенным товариществом масонов. Этот термин часто заменялся другим — «worthy», то есть «достойный»³.

Б. Джонс в своем труде «Путеводитель и краткий курс масонства» напоминает, что англичане XV столетия охотно пользовались этим термином вообще, особенно в переписке с родными и друзьями⁴.

Среди читателей, конечно, найдется немало таких, кому покажется нелепым и старомодным использование столь напыщенных слов в повседневном обиходе. Однако в масонстве, особенно в системе степеней Древнего шотландского обряда, они встречаются в изобилии. В масонском употреблении эти слова не случайные архаизмы и не пережиток рыцарства, исторически вошедшего в состав масонства. Известный исследователь масонства А. Амбези писал, например, что, «согласно наиболее древним текстам, этапы реализации инициации в наиболее чистом и незамутненном виде связаны с наделением посвящаемого определенным рангом достоинства, отраженным или, лучше сказать, внешне выраженным в титулах, которые различные эзотерические организации присваивают каждой из степеней»⁵.

Таким образом, читателю не стоит рассматривать масонские титулы так, как если бы речь шла об аристократическом декоре. Это стимулы и символическое ото-

бражение роста «значимости» масона в своей системе.

Удар молотка Почтенного Мастера побуждает братьев к «порядку». Они особым образом берутся за руки. В этот момент ритуал начала работ, судя по всему, достигает высшей символической напряженности. Первый Смотритель направляется к алтарю, ритуально приветствует Мастера, открывает Книгу Священного Закона (Библию) и возлагает на нее угольник и циркуль.

Угольник и циркуль — орудия труда строителей-каменщиков. Они же масонские символы прямы (правдивости) и меры. Библия — символ западной традиции и Откровения.

Возможны различные интерпретации этого действия, как, впрочем, и всей масонской ритуальности и символики (задуманной как своего рода криптография, доверенная творческой расшифровке всякого из вольных каменщиков по своему усмотрению). Раскрытие Книги и возложение на ее страницы угольника и циркуля могут, например, означать, что на основе богооткровенного Закона масон призван трудиться, дабы укрепить его своим «личным» вкладом. Этический и нравственный императив Закона должен сочетаться с трудолюбием, конкретностью дел и помыслов, без которых он может оказаться бесплодным. Духовный опыт должен соединяться с разумом, правдивостью, смыслом и мерой, для того чтобы не выродиться в тщету эмоций или фантазии, или — что того хуже — в святотатство лжи. Дж. Рокки, обративший внимание на эту сторону масонства, предположил, что «угольник и циркуль, возлагаемые на Библию, быть может, означают, что духовность какого бы то ни было учения эзотерична и как бы налагается поверх буквы Закона, являющейся по своей природе экзотеричной, то есть, говоря иначе, Откровение не должно интерпретироваться буквально, его следует понимать символически»⁶.

Однако оставим в стороне возможные толкования и посмотрим на символы с исторической точки зрения.

Угольник и циркуль, несомненно, обязаны своим происхождением оперативному масонству. Так, угольник изображен на могильной плите мастера-масона Гуго Либержье, похороненного в Реймсе в 1263 г. На могиле Уильяма Уормингтона, мастера-масона аббатства Кройланд, построенного в XV в., также изображены угольник и циркуль⁷.

Символическое значение этих предметов уходит в

глубокую древность, если верно то, что утверждает Б. Джонс (у нас не было возможности проверить его данные): один китайский философ, живший в IV в. до н. э., увещевал людей поверять свою жизнь угольником и циркулем⁸.

Циркуль изображен в англосаксонском манускрипте, датированном 1000 г. (он хранится в библиотеке Британского музея). Держит его в руке Бог — Великий Архитектор. Вполне очевидна переключка с библейской книгой Притчей Соломоновых (8, 27), где Мудрость взывает к сынам человеческим, говоря о том, что она была уже тогда, когда Господь «проводил круговую черту по лицу бездны».

Что касается угольника, циркуля и других символических инструментов масонства, то заслуживает внимания инструкция на соискание степени Ученика, в которой сказано, что «эти инструменты необходимы для возведения устойчивых и правильных строений, поэтому они и стали символами проверки доблести и познания, ведущих к совершенствованию духа: угольник указывает на прямизну пути, циркуль и линейка — на меру, уровень и отвес — на справедливость».

В этом отрывке мы вдруг наталкиваемся на такое необычное по нынешним временам слово, как «доблесть». Заметим, что оно чрезвычайно активно и с любовью используется в масонской традиции. Доблесть — «virtu» от латинского слова «vis» — сила, мужество, для вольного каменщика это «сила (мужество) выполнить при любых обстоятельствах свой долг». В более широком понимании это «способность творить добро потому, что оно есть добро», следовать категорическому императиву, не помышляя о компенсации (или ущербе), который связан с последствиями подобного поступка.

Великий масон Бенджамин Франклин почитание классической доблести (постоянство, настойчивость, умеренность, трудолюбие и т. д.) превратил в свой ежедневный практический труд, о котором он с достойной восхищения и подражания ясностью повествует в своем жизнеописании⁹.

Язык, на котором изъясняется с нами сегодня побудительное стремление к доблести, быть может, не похож на язык XVIII столетия. Но к особенностям масонства относится то, что оно сохранило в качестве своего долга и обязанности пробуждать в человеке желание быть человеком доблестным вопреки духу времени,

которое, казалось, давным-давно не оставило и следа не то что от этого понятия, но и от самого слова.

Вернемся, однако, к Библии. Заметим при этом, что по ритуальному обыкновению книга раскрывается на первой странице Евангелия от Иоанна, где напечатан шедевр эзотеризма — Пролог. Имя самого апостола Иоанна связано с гносисом, иначе говоря, с тем направлением религиозной мысли, которое преодолевает или, если угодно, интегрирует веру с философским умозрением, с личным поиском сущностных истин. «Вопрошание Иоанна» («Interrogatio Johannis») — так звучит название своего рода Евангелия, «единственного, быть может, апокрифа, вдохновенного манихейством, который нам сейчас доступен»¹⁰ и который был составлен в общине богомилов, связующем звене между манихейством и катарской ересью (двух течений мысли, находившихся под влиянием гностиков).

У масонов Иоанн-евангелист «празднуется» по случаю зимнего солнцестояния. День апостола Света (о котором будет сказано позже) и день, когда солнце возобновляет свой восходящий путь, символически слиты в один. Достойно внимания и то, что масонские ложи очень часто именуют себя в честь св. Иоанна. Наконец, ритуальный масонский корпус, получивший распространение в ряде немецкоязычных стран и основанный в 1770 г. Циннендорфом, известен как «Обряд Иоанна» и предполагает наличие степени (шестой по иерархии) под названием «Друга св. Иоанна»¹¹.

Таким образом, св. Иоанн является символом просвещенной религиозности. Пролог его святого благовествования основан на символике Слова и Света. Что касается Слова, то подчеркнем: масоны заняты поиском «Утраченного Слова», которое является не только тайной мастерства, ушедшей вместе с Мастером Хирамом, но и словом, способным созидать, — логосом Иоанна, выразимой в слове истиной.

Символика Света имеет в масонстве центральное значение. Она впервые появляется во время инициации Ученика, когда кандидат, согласно ритуалу, взыскует Света. В других вариантах тот же символ встречается в многочисленных ситуациях, связанных с ритуалами последующих степеней.

В Евангелии от Иоанна Свет, по сути говоря, совпадает со Словом, творческим началом Божества. То же и в книге Бытия, где Свету принадлежит первенство в

акте созидания: «И сказал Бог: да будет свет; и стал свет» (1, 3).

Любопытна исходная причина столь частой ассоциации Света и Божества. Несомненно, речь здесь должна идти о «криптомнезии», то есть воспоминании, возникающем в ходе процесса бессознательного и архаического (тайного) запоминания, воспроизведении образа-архетипа, материализуемого в солнце или молнии, который скоррелирован восприятием сверхъестественной силы, которым обладали наши отдаленные предки. Но увы, сказав все это, мы тем не менее так и не раскрыли существа проблемы. «Возврат к прошлому» еще не объяснение.

Правда, можно было бы, с известной долей осторожности, обратиться к тому, о чем писал в свое время психолог и философ Уильям Джеймс относительно мистических состояний. По его мнению, эти состояния «раскрывают правдоподобные горизонты истин какого-то иного порядка, доверие к которым тем больше, чем сильнее они отзываются в глубинах нашего сердца»¹². Если допустить, что суждение Джеймса верно, тогда, быть может, справедлива и корреляция световых образов с Божеством.

Как утверждает Лайонель Уилкинсон¹³, символ Света — это не просто поэтическая метафора, обозначающая Бога, который, впрочем, может быть обозначен и каким-то иным образом; этот символ на языке человечества является наиболее подходящим для того, чтобы рассказать о реальности, которая трансцендирует и в то же время охватывает, пронизывает и направляет всякую другую реальность. Стоит, пожалуй, задуматься над тем, как и при каких обстоятельствах мы впервые осознали присутствие света в своем существовании. Быть может, тогда мы лучше поняли бы, почему апостол Иоанн в Первом послании (1,5) утверждает одно: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы». Свет делает возможными все формы высшей деятельности. Он определяет, окружает нас и дает нам возможность видеть. Он руководит нами и рассеивает в нас опасение тьмы.

После того как раскрыта Книга Священного Закона, начинается работа во славу Великого Архитектора Вселенной. С этого момента братья не имеют права обсуждать политические или религиозные вопросы. Символически это означает, что в храме недопустимы разговоры, которые разъединяют людей в их мирской среде.

Возжены три свечи в память Знания, Красоты и Силы, символически представленных в храме статуями Минервы, Венеры и Геракла. Имеется в виду, что эти символы призваны просвещать, согревать светом и укреплять трудящихся в храме.

Использование свечей восходит к деятельности оперативных масонов. К началу XIV в. относится свидетельство, согласно которому этот обычай — «возжечь свечу» — впервые появился в практике одного из масонских братств в Линкольне. Нередко масонское братство именовалось в обиходе по этому ритуалу «собранием возле свечи» 14.

В современном масонском ритуале, однако, свечи приобрели значение, которое не совпадает с первоначальным. В средневековье свечи имели значение «дара по обету». Не следует забывать, что средневековое масонство генетически связано с католичеством. Сегодня свечи в храме являются своеобразным напоминанием о культе огня. Прав, видимо, такой исследователь масонства, как Буше, когда он напоминает в своей «Символогии масонства» о зороастрийском происхождении обычая возжигания священного огня .

Особое значение имеет также, на наш взгляд, возложение Квадрата ложи. Обычно речь идет о четырехугольной хоругви, на которой изображены основные символы храма. В прошлом Квадрат, как правило, изображали мелом на полу храма, затем, по окончании работы, чертеж стирался. Смысл этого ритуального жеста, быть может, связан с символическим воспроизведением сопряжения микрокосмоса (Квадрат) с макрокосмосом (Храм). В одном из кратких и загадочных текстов, приписываемых Трисмегисту, «Изумрудной таблице», сказано, например, что «пребывающее вверху и пребывающее внизу взаимоотражены и в этом чудо единого».

Итак, работа начата. Известно, что в ложах обсуждаются самые разнообразные вопросы. Атмосфера, окружающая труд культурного строительства личности, происходящего в храме, на наш взгляд, достаточно ясно выражена в словах, сказанных Великим Мастером Лино Сальвини. «Когда высказывается кто-либо из братьев, — утверждает Сальвини, — делает он это лишь для того, чтобы предложить окружающим лучшее из того, что у него есть... И никто не вправе прерывать его или одергивать замечаниями, пока он говорит, ибо излагаемые им мысли и есть та истина, которую он обрел. Только в

момент наступления «вечери любви» другим братьям позволено высказать в дружеском тоне свои собственные соображения...»¹⁶

Читатель, вероятно, уже успел заметить, что мы незаметно перешли к описанию ритуала. Согласно Генону, «ритуал в исконном своем значении — это то, что исполняется соответственно порядку»¹⁷. Сам термин предположительно является дериватом с санскритского «ṛta» — космический порядок, упорядоченность. По мнению Бенуа, «в этих церемониях нет ничего случайного». Ритуал наделяет телесной оболочкой действие, переживаемое как священнодействие, равно как храм является воплощением священного пространства. Вообще говоря, современное человечество уже совершенно утратило ритуальное самосознание, хотя те или иные осколки ритуальности до сих пор присутствуют в целом ряде проявлений «мирской» жизни, идет ли речь о политических манифестациях или военных парадах. В церквях всех вероисповеданий совершаются ритуалы, которые в большинстве случаев или не понятны, или не вызывают полного сопереживания у тех, кто является их участником. Ритуальное самосознание, являющееся, по сути дела, способностью динамического включения в священную реальность, давно выродилось в бездумное воспроизведение внешних форм. Массонские ритуалы, следовательно, также являются специфическим феноменом, несводимым к обыденной ритуальности, так как они построены на философском осмыслении и активном сопереживании. Об этом, правда, нам придется еще раз говорить в связи с инициацией Ученика и последующими степенями посвящения. Однако, прежде чем перейти к этому вопросу, нам представляется нелишним сказать несколько слов об историко-символическом значении основных элементов храма.

В храме пребывает ложа — первичная организационная ячейка масонов. Часто термином «ложа» называют расширительно весь храм. Начиная с XIII в., действительно, ложа была тем местом, где собирались средневековые масоны. Обычно ложа находилась вблизи строительной площадки, на которой трудились братья. Синоним ложи и сегодня — цех. Предположение Рагона, согласно которому ложа, в которой символически отображена Вселенная, сводима к санскритскому «loka» (мир), по нашему мнению, не может считаться доказанным¹⁸.

Массонский храм в верхней своей части не завершен,

что призвано символизировать возможность и необходимость улучшения мasonicкого труда и вечное стремление человека к совершенствованию. Храм ориентирован — Мастер пребывает на Востоке.

Согласно Джонсу¹⁹, ориентация мasonicкого храма резко отличает его от иудейской традиции, с которой в целом ряде отношений связана мasonicкая ритуальность. Так, например, священное место скинии иудеев — на западной стороне, вход в храм — с Востока. Ориентация мasonicкого храма руководствуется критерием универсальности. Дело в том, что, определяя свое местоположение в священном пространстве, человек, как правило, представляет Восток как источник физического и духовного света. Всякий, кто изучал историю архитектуры, не может не обратить внимание на то, что большинство храмов и святилищ сориентированы на Восток.

Большой интерес представляет с точки зрения символики прямоугольная форма самого храма. Не станем, однако, подробно задерживаться на предположении Буше, считающего эту форму доказательством связи мasonicства с пифагорейством и его геометрией. Обратим внимание читателя разве что на факт совпадения прямоугольной формы мasonicкого храма с представлениями Косьмы Индикоплова, сформировавшего религиозную византийскую топографию. По этим представлениям земля, воспроизводимая в культовом здании, имеет «прямоугольную» форму и ограничена четырьмя стенами²⁰. Как подчеркивает Бенуа, «движение по окружности — это всего лишь продолжение развития центра в его динамическом аспекте, тогда как квадрат является его статическим выражением». С символической точки зрения в этом кроется причина, отчего человек стал пользоваться четырехугольными символами для изображения Земли, считавшейся издревле неподвижной, статичной опорой, вокруг которой вращаются небеса. И в самом деле, Земля представлена в мasonicком храме прямоугольным его основанием. Потолок — небо, не имеющее пределов.

При входе в храм, как уже было сказано, расположены колонны В и Ј. Они призваны обратить взор входящего к библейской традиции. Действительно, в Третьей книге Царств (7, 21) читаем: «И поставил (Соломон) столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз».

Иахин (Jachin) и Воаз (Boaz) на древнееврейском приблизительно означают соответственно «утвержденный Богом» и «утвержденный силой». По мнению У. Порчатти, колонны обозначают рубеж, за которым «умирает человеческий дух»²¹. Две колонны фасада готических соборов, судя по всему, имеют то же значение. Любопытно отметить, что у австралийских аборигенов арунта племенная инициация совершается меж двух символических колонн (столбов), построенных из стволов или ветвей дерева и сориентированных на Север и Юг — точно так же, как и в масонском храме²².

На капители колонн (одна из них в дорическом, другая в коринфском стиле) возложены соответственно глобус, символизирующий всемирность и универсальность масонства, и три граната, являющихся образом плодородия природы.

Пол храма в виде шахматных клеток чередованием белых и черных квадратов символизирует космический дуализм. При этом Амбези отмечал, что масон «видит в универсуме проявление Высшей единой сущности, в ритмах Космоса различает взаимодействие двух начал (либо полярность), которые исторгаются этой Единой сущностью»²³.

Белое и черное, свет и тьма... В этом содержится осознание противостояний и внутренней разорванности (расчлененности) бытия, а также необходимость восстановления разрозненности в духовное единство. «Тьма и свет переплетены в геометрическом узоре мозаичного пола, — пишет Буше, — и сплетены воедино, если бросить взгляд на осевые линии плит, в то же время, казалось бы, отделяющие их стыки образуют прямой путь, когда белое или черное пространство оказывается то справа, то слева по ходу движения. Эти линии и являются путем, которым следует иницируемый»²⁴.

Следовательно, символически масон прокладывает свой путь как бы между полями — черным и белым. Это и есть тот самый «тернистый путь», который ведет к освобождению. Его символика присутствует в Евангелии, в писаниях арабских мистиков, в средневековых рыцарских легендах, где герой должен преодолеть, ступая босыми ногами и не имея на руках перчаток, путь, пролегающий по знаменитому «лезвию ножа». В понимании масонов «тернистый путь» — это равновесие противоположностей существования. Вспомним, кстати, что, согласно аналитической психологии школы Юнга, глав-

ная терапевтическая задача — «индивидуализация» или «скругление» личности — достижима только благодаря акцептации человеком собственной тени, иными словами — материально-телесных и темных сторон своей психической структуры посредством осознания одновременного присутствия в себе «animus» и «anima» (характерных черт мужского и женского архетипов), наконец, посредством интеграции доминирующей психологической функции (неважно — мысль она или чувство, ощущение или интуиция) с противоположной ей и ее же компенсирующей. В любом случае речь идет о синтезе противоположного.

Мозаичный пол храма, разумеется, несет и классическую декоративную нагрузку. Геометрический мозаичный узор издревле, напоминает Регини, назывался узором муз²⁵.

Подле «трона» Мастера, как уже говорилось, возлежит пламенный меч, который используется при посвящении нового масона. Здесь, несомненно, отзвуки рыцарских времен. Правда, пламенный меч имеет у масонов более глубокий, библейско-эзотерический смысл. В книге Бытия (3, 24) читаем, что после падения человека Бог «...поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Символическое истолкование этого библейского отрывка представляет собой задачу чрезвычайной сложности и выходит за рамки нашей работы. Поэтому ограничимся только рассмотрением отдельных элементов.

По мнению Элиаде²⁶, дерево представляет собой полноту космической жизни и, при наличии в мифологии народов мира многочисленных вариантов темы Мирового древа, является константой «жизнеутверждающей» универсальной символики.

Адам и Ева (быть может, вовсе и не отдельный мужчина и не отдельная женщина, а мужские и женские функции первоначального двуполого существа), вкусив от плода этого дерева, положили начало дуалистическому разделению мира. «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смерти умрешь» (Бытие, 2, 17). Когда же свершилось по предсказанию, то для того, чтобы восстановить свое единство с первоначальным существом (то есть получить доступ к дереву жизни), человек должен помериться силой с херувимами, то есть «стражами». Как напоминает

*Центральный зал храма первых трех степеней.
Масонский дворец в Стокгольме (Швеция)*

Элиаде, дерево часто ассоциируется с героическими деяниями. Мы же вспомним хотя бы Геракла в саду Гесперид²⁷.

В масонской ложе Мастер, подобно стражнику-херувиму, охраняет дерево жизни, иначе говоря, процесс инициационного возрождения личности, и открывает доступ поверженному человеку (мирянину) к его плодам, совершая акт посвящения, в котором используется тот же «пламенный меч».

Символика меча чрезвычайно богата. Наряду со шитом, прикрываясь которым Бог становится невидимым, иначе говоря, «демонстрируя кажимость мира» (Бенуа)²⁸, меч отягощен мощным символическим значе-

нием, ассоциирующимся, как правило, с понятиями силы и воли. Согласно психоаналитическим тезисам Фрейдизма, меч — мужской половой орган²⁹, тогда как, по Юнгу, он является образом «animus», то есть мужского архетипа³⁰. В легенде о Граале, таким образом, чаша, соответственно, женский, а меч — мужской архетипы. Пламенный меч символизирует также творческое и разрушающее или очистительное начало. Это пламя, нисходящее на апостолов, молния (vajra) ужасного Шивы.

Солнце и луна, изображенные на восточной стене, являются двумя «светилами», о которых говорится в книге Бытия (1, 16). Соответственно они связаны с символами золота и серебра, серы и ртути, как принято в алхимической традиции. На этих страницах не представляется возможным дать углубленный анализ данной символики. Заметим только, что, поскольку масонство использует универсальную символику, постольку солнце и луна имеют право гражданства в масонском храме; будучи явлениями уранического ряда, они входят в разряд двух наиболее мощных факторов восприятия священного человеком. Это утверждение нетрудно подкрепить феноменологически-религиозными и историко-религиозными доводами³¹.

Меж двух светил расположена Священная Дельта, прозрачный и светящийся треугольник, заключающий всевидящее око. Это символ Божества, к которому относится и надпись, начертанная инициалами: «Во Славу Великого Архитектора Вселенной».

Что касается Дельты, то этот знак широко представлен в христианской иконографии. Судя по всему, он был включен в корпус масонской символики посредством заимствования из алхимической практики. Эта гипотеза выдвинута Джонсом³², который утверждает также, что данный символ впервые встречается в эмблеме одной из венских аптек-лабораторий, когда химия еще находилась под влиянием алхимии. Нельзя исключать, на наш взгляд, и посредничество алхимиков, главным образом английских мистиков-эрудитов XVII в., увлекавшихся искусством алхимии. Правда, в своеобразной алхимической символике Дельта встречается не так уж и часто. Заметим, впрочем, что одна из иллюстраций трактата по алхимии Базилио Валентино, относящегося к XVI в., содержит изображение треугольника со вписанным в него орлом — символом «летучести» и божественности. В основании треугольника — маленький крест. Таким обра-

зом, вся композиция является символом алхимической серы, иными словами — духа ³³.

А. Регини, автор, особенно склонный к поиску в греко-романском язычестве корней масонской инициационной практики, писал, что Дельта предположительно является «христианизированным» пифагорейским символом, то есть тетрактисом, сформированным из десяти точек, расположенных в пространстве равностороннего треугольника, имеющего единую точку сверху и кватерну в основании, который символизирует божественно-космическую целостность ³⁴.

«Во Славу Великого Архитектора Вселенной» — еще один символический образ, относящийся к Божеству. С одной стороны, это символический перенос по функции характеристики Высшего существа как созидающего начала. С другой — в нем просматривается отражение идей эпохи Просвещения и влияние такого выдающегося представителя той эпохи, каким был Исаак Ньютон. Правда, говоря об этом, мы удаляемся в область догадок, так как документального материала, подтверждающего данное предположение, до сих пор не найдено. Известно, однако, что деизм XVIII в., несомненно оказавший огромное влияние на первоначальное масонство нового времени, охотно допускал изображение Бога в качестве Существа, создавшего великолепную «небесную архитектуру». Подобные представления неразрывно связаны с выводами Ньютона о движении и структуре тел, а также с его законом гравитации. Для Локка и Вольтера Бог — Верховный Мастер ³⁵.

Великий Архитектор Вселенной не является, однако, только символом. Это своего рода «ландмарка» ³⁶, или, говоря словами У. Порчатти, «одна из неизменных опор, являющихся непреодолимым рубежом» («ландмарка» и означает как термин понятие рубежа, границы, закона), в пределах которого и должно удерживать все допустимые нововведения. Маккей в своей работе, посвященной реконструкции «ландмарки», весьма определенно говорит о том, что каждый вольный каменщик «обязан верить в существование Бога» ³⁷.

По сути дела, в этом как раз и состоит то «минимальное кредо», которое необходимо, согласно современному мыслителю Джошуа Гешелю, всякому вступающему на путь подлинно духовного познания. Без него искусство реального ремесла — масонство лишено какого бы то ни было культуротворящего или ассоциативного смысла.

Подчеркнем, тем не менее, еще раз, что масонство не является религией. Это инициационная школа. Различие хорошо проведено в следующем рассуждении У. Порчатти: «...в то время как религия является по определению держательницей Истины, облекая ее подчас в окостенелые и высокомерные формы, неизменно пассивные и статичные, ибо обращенные на внешнее почитание и боготворение, требующее слепой веры и отказа от мирской суеты, иногда и отказа от наиболее восхитительных человеческих качеств, инициационная школа считает мистирию Истины интимно связанной с внутренним содержанием отдельной личности, которая эту Истину способна понять, ибо она уже содержится в ней, конкретной личности. Речь, таким образом, идет об Истине, которую можно и должно достичь путем поиска...»³⁸

Таким образом, масонство полагает себя вместилищем надысторической и универсальной религиозности, основанной на чувстве единства жизни, на внутренней уверенности в существовании нравственного закона, на опыте, одновременно мистическом и рациональном, связанном с переживанием «священной» стороны жизни, вторгающейся в обыденное существование. Речь идет о религиозности, являющейся общим субстратом всех исторических религий, которые, развиваясь в догматическом направлении, погребли под теологическими развалинами самое религиозность, изгладив в современниках даже память о ней как о чем-то реально бывшем. Если в античной Греции символ (от «*symballein*» — связывать воедино) был своего рода «опознавательным знаком, разъятым на две части, при воссоединении которых их совладельцы узнавали друг друга»³⁹, то в современном масонстве он является средством для распознавания «*shekinah*» — божественного присутствия, где бы оно ни проявлялось. Подлинным масоном, следовательно, может считаться лишь тот, кто, трудясь как в храме, так и в тайниках своей совести над самоусовершенствованием, стремится к восстановлению своего единения с той абсолютной реальностью, одерживающей победу над страданием и смертью, которую человечество указало под именем Бога, так как испытывало искони потребность в нравственной и одновременно рациональной надежде — основе всякой веры⁴⁰.

Масон-атеист, следовательно (по крайней мере в том смысле, как обычно понимают второе понятие), вопиющее противоречие. Именно к масонскому опыту более,

чем к какому-либо иному, относится знаменитый парадокс, сформулированный Вольтером: «Если бы не было Бога, то его следовало бы изобрести».

Строго говоря, масон не может быть и агностиком. В речи, произнесенной в собрании ложи «Наука и труд» в Ливорно, Мастер Лино Сальвини утверждал, к примеру, что «...мы не можем быть агностиками, ибо следуем по пути гносиса, совершая работу мысли. Сам я врач-радиолог. Работая в области ядерных исследований, я должен как специалист анализировать реальность методами физики. Я знаю, что, если расщепить атомы, существующие в этом дереве, в этих перчатках, в этом молотке, в этом мраморе, мы неизменно обнаружим протоны и электроны, притягивающиеся и отталкивающиеся друг от друга с той же силой, измеряемой в цифровом выражении, которая никогда не изменится ни на йоту. Это закон, братя, закон реальности. Я знаю также, что все начнется с энергии. Но при этом энергия, чтобы что-то создать, должна совершить работу. Эта работа обозначена вектором, то есть стрелкой, указывающей направление, в котором должна распространиться энергия, чтобы стать материей. Так я попытался открыть перед вами малый угол своего внутреннего храма...»⁴¹

В каждом отделе экзистенциального и культурного опыта человека есть место для поиска. Масон, по выражению Луи Клода де Сен-Мартена, — это «человек желания», который до последнего часа ищет знак божественности в жизни человека и природы.

Говоря о школе масонства, нам следует, пожалуй, вчитаться также в слова, произносимые одним из руководителей масонской ложи по случаю инициации неопфита. Рассуждая о первоначалах, он утверждает, что «характер основания носит убеждение нашего брата-масона Фридриха Шиллера в том, что *«iiber'm Sternenzelt muss ein lieber Vater wohnen»* («над сводом небесным не может не быть доброго Отца») — Высшего Разума и Высшей Воли, которого в наших ложах мы именуем Великим Архитектором Вселенной, а верующие — Богом. При этом мы прекрасно сознаем, что никакого рационального доказательства его существования не может быть, ибо он невидим, его нельзя потрогать, он проявляет себя напрямую, и если верно, что никакое рациональное познание невозможно, минуя встречу чувственного опыта с организующим и систематизирующим началом интеллекта, то, следовательно, Бог — это Непознаваемое... Однако

коль скоро невозможно никакое доказательство и поэтому невозможна никакая рациональная уверенность в существовании Бога, то в таком случае следует полагаться на нравственную уверенность, которую не может отрицать человек. Все вокруг нас обусловлено железными законами, которые в состоянии выразить математика. И регулярное движение светил в макрокосмосе, и бурное движение атомов и микрочастиц, и жизнь, и воспроизводство клеток в тканях, одним словом, все, что существует в природе, не является хаосом, но следует рациональным законам... И если это правда, то возможно ли, что весь этот комплекс равновесий обязан своим происхождением чистой случайности? Не логичнее ли предположить, что Вселенная и особенно законы, изъявшие ее из хаоса, являются делом Высшего Разума? Естественно, продолжая философствование, можно было бы возразить, что в действительности мы не можем быть уверены в том, что окружающий нас мир на самом деле является совершенно рациональным: мир может быть и совершенно иррациональным или не быть вообще. Только структура нашего интеллекта рациональна, и эта структура заставляет нас полагать рациональным то, что таковым не является или даже вообще не существует. Но даже если и сказанное тоже правда, несмотря на всю парадоксальность, тем не менее остается неизменно заключительный вопрос: каким образом в мире, который, быть может, является чистым хаосом, наш дух, напротив, основан на началах порядка и рациональности? Кто *построил* нас именно так, а не иначе?...»⁴².

Разумеется, это высказывание принадлежит масону, беседующему со своими братьями, другими масонами. Здесь отсутствуют весомые аргументы существования Бога на основе традиционных «доказательств», использующих арсенал онтологии, космологии, телеологии и т. п.

Впрочем, говорят, что среди масонов господствует терпимость в отношении религиозных мнений. Как утверждают, масонство «не является атеистическим, но при этом и не навязывает личностного бога, признавая только существование Совершенного Существа, абсолютного инварианта, живущего в нас и вне нас, природу которого мы еще не знаем, но к которому можно приблизиться путем учения, возвышения и совершенствования».

Поиски божества, философски говоря, не обязательно строятся на чистой трансцендентности. Согласно Шри

Ауробиндо, точно так же, как животное является живой лабораторией, в которой природа производит человека, так и человек может считаться лабораторией, благодаря деятельности которой природа в содружестве с самим человеком производит на свет Бога. Победа при этом оказывается за имманентной инстанцией, но в обстановке напряжения, связанного с преодолением преходящих ограничений реальности. Это побуждает Ауробиндо дополнить свою мысль: «Если существует хоть какой-нибудь свет лучезарной интуиции или истины, открывающей глаза человека на окружающий его мир, но прозябающей до поры до времени в потемках или в бездействии, пусть даже эта истина и промелькнет, как видение, скрытое полупрозрачной пеленой, пусть блеснет она, подобно зарнице под северным ночным небом, — все равно мы должны без опаски сделать ее предметом нашего желания, ибо, вне всякого сомнения, только так можно возвысить свое сознание, за которым устремится вслед наш разум». Это необходимо для того, чтобы «открыть путь нашему постепенному восхождению к более высокому уровню сознания, каким бы низким он ни был изначально. Необходимо это и для того, чтобы человечество обрело наконец свое последнее пристанище»⁴³.

На Востоке Ауробиндо, на Западе Гейяр де Шарден создали теоретический сплав, состоящий из категорий духовного опыта и категорий эволюции. Согласно тому же Ауробиндо, философский дуализм материя — дух не может быть разрешен иначе, как посредством включения между двумя противостоящими началами целого ряда промежуточных звеньев (Жизнь, Разум, "Сверхразум), которые являются степенями универсального восхождения к Богу. Таким образом, он из чистой абстракции или антропоморфной проекции превращается в позитивный статус, к достижению которого сознательно или бессознательно стремится всякое существо.

Статья 3 Устава Великого Востока Италии, в частности, содержит утверждение, что «итальянская община соблюдает монотеизм». В ходе своей истории масонство, судя по всему, не раз забывало, что у него есть собственные инициационные характеристики, то есть, если так позволительно выразиться, принципы свободы религии. Такое «историческое» направление масонства, как Великий Восток Франции (непризнаваемое сегодня Великой объединенной ложей Англии и большинством регулярных общин), даже «упразднило» понятие «Великий

Архитектор Вселенной», изъяв его из своего ритуального багажа, так как это направление французского масонства было побеждено рационализмом в стиле XIX в. и сугубо политико-социальными практическими интересами.

Если отвлечься от официально декларируемых позиций, то нетрудно себе представить, что и в Италии многочисленные масоны никогда не сознавали (или еще не осознали) существование «ландмарки» деизма, о которой было сказано выше.

Можно тем не менее утверждать, что ориентация итальянского масонства, если следовать публикациям на эту тему, пытается вернуться к более строгим масонским традициям⁴⁴.

В заключение главы приведем два отрывка из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Полагают, что в свое время Л. Толстой был посвящен в масоны. Правда, какие-либо документальные подтверждения этого эпизода в биографии великого русского мыслителя отсутствуют. Нам представляется, что на страницах «Войны и мира» Л. Толстому удалось ярко передать глубину масонского спиритуализма.

«— Я никогда не посмею сказать, что я знаю истину, — сказал масон, все более и более поражая Пьера своею определенностью и твердостью речи. — Никто один не может достигнуть до истины; только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тот храм, который должен быть достойным жилищем великого бога, — сказал масон и закрыл глаза.

— Я должен вам сказать, я не верю, не... верю в бога, — с сожалением и усилием сказал Пьер, чувствуя необходимость высказать всю правду.

Масон внимательно посмотрел на Пьера и улыбнулся, как улыбнулся бы богач, державший в руках миллионы, бедняку, который бы сказал ему, что нет у него, у бедняка, пяти рублей, могущих сделать его счастье.

— Да вы не знаете его, государь мой, — сказал масон. — Вы не можете знать его. Вы не знаете его, оттого вы и несчастны.

— Да, да, я несчастен, — подтвердил Пьер, — но что же мне делать?

— Вы не знаете его, государь мой, и оттого вы очень несчастны. Вы не знаете его, а он здесь, он во мне, он в моих словах, он в тебе и даже в тех кощунствующих

речах, которые ты произнес сейчас, — строгим дрожащим голосом сказал масон.

Он помолчал и вздохнул, видимо, стараясь успокоиться.

— Ежели бы его не было, — сказал он тихо, — мы бы с вами не говорили о нем, государь мой. О чем, о ком мы говорили? Кого ты отрицал? — вдруг сказал он с восторженной строгостью и властью в голосе. — Кто его выдумал, ежели его нет? Почему явилось в тебе предположение, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь мир предположили существование такого непостижимого существа, существа всемогущего, вечного и бесконечного во всех своих свойствах?.. — Он остановился и долго молчал.

Пьер не мог и не хотел прерывать этого молчания.

— Он есть, но понять его трудно, — заговорил опять масон, глядя не на лицо Пьера, а перед собою, своими старческими руками, которые от внутреннего волнения не могли оставаться спокойными, перебирая листы книги. — Ежели бы это был человек, в существовании которого ты бы сомневался, я бы привел к тебе этого человека, взял бы его за руку и показал тебе. Но как я, ничтожный смертный, покажу все всемогущество, всю вечность, всю благодать его тому, кто слеп, или тому, кто закрывает глаза, чтобы не видеть, не понимать его, и не увидеть, и не понять всю свою мерзость и порочность? — Он помолчал. — Кто ты? Что ты? Ты мечтаешь о себе, что ты мудрец, потому что ты мог произнести эти кошунственные слова, — сказал он с мрачной и презрительной усмешкой, — а ты глупее и безумнее малого ребенка, который бы, играя частями искусно сделанных часов, осмелился бы говорить, что, потому что он не понимает назначения этих часов, он и не верит в мастера, который их сделал. Познать его трудно. Мы веками, от праотца Адама и до наших дней, работаем для этого познания и на бесконечность далеки от достижения нашей цели; но в непонимании его мы видим только нашу слабость и его величие...

Пьер с замиранием сердца, блестящими глазами глядя в лицо масона, слушал его, не перебивал, не спрашивал его, а всей душой верил тому, что говорил ему этот чужой человек. Верил ли он тем разумным доводам, которые были в речи масона, или верил, как верят дети, интонациям, убежденности и сердечности, которые были в речи масона, дрожанию голоса, которое иногда почти

прерывало масона, или этим блестящим старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, или тому спокойствию, твердости и знанию своего назначения, которые светились из всего существа масона и которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью, — но он всей душой желал верить, и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни.

— Он не постигается умом, а постигается жизнью, — сказал масон.

— Я не понимаю, — сказал Пьер, со страхом чувствуя поднимающееся в себе сомнение. Он боялся неясности и слабости доводов своего собеседника, он боялся не верить ему. — Я не понимаю, — сказал он, — каким образом ум человеческий не может постигнуть того знания, о котором вы говорите.

Масон улыбнулся своей кроткой отеческой улыбкой.

— Высшая мудрость и истина есть как бы чистейшая влага, которую мы хотим воспринять в себя, — сказал он. — Могу ли я в нечистый сосуд воспринять эту чистую влагу и судить о чистоте ее? Только внутренним очищением самого себя я могу до известной чистоты довести воспринимаемую влагу.

— Да, да, это так! — радостно сказал Пьер.

— Высшая мудрость основана не на одном разуме, не на тех светских науках физики, истории, химии и т. д., на которые распадается знание умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имеет одну науку — науку всего, науку, объясняющую все мироздание и занимаемое в нем место человека. Для этого чтобы вместить в себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека, и потому прежде, чем знать, нужно верить и совершенствоваться. И для достижения этих целей в душе нашей вложен свет божий, называемый совестью».

Разговор Пьера после посвящения его в масоны с князем Андреем.

«Пьер думал о том, что князь Андрей несчастлив, что он заблуждается, что он не знает истинного света и что Пьер должен прийти на помощь ему, просветить и поднять его. Но как только Пьер придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит все его ученье, и он боялся начать, боялся выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню.

— Нет, отчего же вы думаете, — вдруг начал Пьер, опуская голову и принимая вид бодающегося быка, — отчего вы так думаете? Вы не должны так думать.

— Про что я думаю? — спросил князь Андрей с удивлением.

— Про жизнь, про назначение человека. Это не может быть. Я так же думал, и меня спасло, вы знаете что? масонство. Нет, вы не улыбайтесь. Масонство — это не религиозная, не обрядная секта, как и я думал, а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества. — И он начал излагать князю Андрею масонство, как он понимал его.

Он говорил, что масонство есть учение христианства, освободившегося от государственных и религиозных оков; учение равенства, братства и любви.

— Только наше святое братство имеет действительный смысл в жизни; все остальное есть сон, — говорил Пьер. — Вы поймите, мой друг, что вне этого союза все исполнено лжи и неправды, и я согласен с вами, что умному и доброму человеку ничего не остается, как только, как вы, доживать свою жизнь, стараясь не мешать другим. Но усвойте себе наши основные убеждения, вступите в наше братство, дайте нам себя, позвольте руководить собой, и вы сейчас почувствуете себя, как и я почувствовал, частью этой огромной, невидимой цепи, которой начало скрывается в небесах, — говорил Пьер.

Князь Андрей молча, глядя перед собой, слушал речь Пьера. Несколько раз он, не расслышав от шума коляски, переспрашивал у Пьера нерасслышанные слова. По особенному блеску, загоревшемуся в глазах Андрея, и по его молчанию Пьер видел, что слова его не напрасны, что князь Андрей не перебьет его и не будет смеяться над его словами.

Они подъехали к разлившейся реке, которую им надо было переезжать на пароме. Пока устанавливали коляску и лошадей, они пошли на паром.

Князь Андрей, облокотившись о перила, молча смотрел вдоль по блестящему от заходящего солнца разливу.

— Ну, что же вы думаете об этом? — спросил Пьер. — Что же вы молчите?

— Что я думаю? Я слушал тебя. Все это так, — сказал князь Андрей. — Но ты говоришь: вступи в наше братство, и мы тебе укажем цель жизни и назначение человека и законы, управляющие миром. Да кто же мы? — люди. Отчего же вы все знаете? Отчего я один не вижу того,

что вы видите? Вы видите на земле царство добра и правды, а я его не вижу.

Пьер перебил его.

— Верите вы в будущую жизнь? — спросил он.

— В будущую жизнь? — повторил князь Андрей, но Пьер не дал ему времени ответить и принял это повторение за отрицание, тем более что он знал прежние атеистические убеждения князя Андрея.

— Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь, как на конец всего. На *земле*, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — все ложь и зло; но в мире, во всем мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно — дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, — высшая сила, — как хотите, что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведет от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница, которой я не вижу конца внизу, она теряется в растениях. Отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведет дальше и дальше до высших существ. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был. Я чувствую, что, кроме меня, надо мной живут духи и что в этом мире есть правда.

— Да, это учение Гердера, — сказал князь Андрей, — но не то, душа моя, убедит меня, а жизнь и смерть, вот что убеждает. Убеждает то, что видишь дорогое тебе существо, которое связано с тобой, перед которым ты был виноват и надеялся оправдаться (князь Андрей дрогнул голосом и отвернулся), и вдруг это существо страдает, мучается и перестает быть... Зачем? Не может быть, чтоб не было ответа! И я верю, что он есть... Вот что убеждает, вот что убедило меня, — сказал князь Андрей.

— Ну да, ну да, — говорил Пьер, — разве не то же самое и я говорю!

— Нет. Я говорю только, что убеждают в необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь в жизни рука об руку с человеком, и вдруг человек

этот исчезнет *там* в *нигде*, и ты сам останавливаешься перед этой пропастью и заглядываешь туда. И я заглянул...

— Ну, так что ж! Вы знаете, что есть *там* и что есть *кто-то*? Там есть — будущая жизнь. *Кто-то* есть — бог.

Князь Андрей не отвечал. Коляска и лошади уже давно были выведены на другой берег и заложены, и уж солнце скрылось до половины, и вечерний мороз покрывал звездами лужи у перевоза, а Пьер и Андрей, к удивлению лакеев, кучеров и перевозчиков, еще стояли на пароме и говорили.

— Ежели есть бог и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродетель; и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, — говорил Пьер, — что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всем (он указал на небо). — Князь Андрей стоял, облокотившись на перила парома, и, слушая Пьера, не спуская глаз, смотрел на красный отблеск солнца по синеющему разливу. Пьер замолк. Было совершенно тихо. Паром давно пристал, и только волны течения с слабым звуком ударялись о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полосканье волн к словам Пьера приговаривало: «Правда, верь этому».

Князь Андрей вздохнул и лучистым, детским, нежным взглядом взглянул в раскрасневшееся восторженное, но все робкое перед первенствующим другом, лицо Пьера.

— Да, коли бы это так было! — сказал он. — Однако пойдем садиться, — прибавил князь Андрей, и, выходя с парома, он поглядел на небо, на которое указал ему Пьер, и в первый раз после Аустерлица он увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе. Чувство это исчезло, как скоро князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни, но он знал, что это чувство, которое он не умел развить, жило в нем. Свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя во внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Capruzzi G. La ritualita. — *Rivista Massonica*, № 9, nov. 1974.
2. Eliade M. Il sacro e il profano, p. 42.
3. См.: Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 252.
4. Ibidem.
5. Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 29.
6. Rocchi G. Del cosiddetto adogmatismo massonico, ovvero: del culto della dea Ragione. — *Rivista Massonica*, № 9, nov. 1974, p. 531.
7. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 533.
8. Ibid., p. 432.
9. См.: Franklin B. Autobiografia, p. 113.
10. Vangeli apocrifi (a cura di Marcello Craveri), p. 570.
11. См.: Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 143.
12. James W. The Varieties of Religious Experience, p. 422.
13. См.: Wilkinson L. Light, Life and Love. — *Friends Quarterly*, Jul. 1968.
14. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 359.
15. См.: Boucher J. La simbologia massonica, p. 117.
16. Salvini L. Massoneria italiana 1970—1975. (S. L. 1976.)
17. Benoit L. Segni, simboli e miti, p. 78.
18. См.: Boucher J. Op. cit., p. 80.
19. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 349.
20. См.: Eliade M. Op. cit., p. 44.
21. Porciatti U. G. Simbologia massonica, Massoneria Azzurra, p. 78.
22. См.: McDonough F. C. The signs and symbols associated with Original Australians. — *The Royal Arch Mason*, № 11, 1975.
23. Ambesi A. C. Op. cit., p. 262.
24. Boucher J. Op. cit., p. 151—152.
25. См.: Reghini A. Considerazioni sui rituale dell'apprendista Libero Muratore, p. 19.
26. См.: Eliade M. Op. cit., p. 94—97.
27. Ривках Шэрф (Riwkah Scharf) в своем исследовании представлений о сатане в Ветхом Завете (опубликованном вместе с работами Юнга в томе под общим заглавием «Символия духа») в прим. 221 напоминает, что Гункель ставит в один ряд херувимов, египетских сфинксов и существ гибридной формы, стороживших вход в вавилонские храмы, как имеющие «охранительную функцию святилища». Согласно библейской книге Исход (25, 18), Господь приказал Моисею «сделать из золота двух херувимов» и поместить их на крышку ковчега. Символическая функция оберега очевидна. Но в свете этих данных выглядит правдоподобно и наша идентификация херувима с Достопочтенным Мастером масонской ложи.
28. Vepoist L. Op. cit., p. 74.
29. См.: Musatti C. Trattato di psicoanalisi. Libro I, p. 231.
30. См.: Jung C. Psicologia analitica, p. 114.
31. См.: Eliade M. Op. cit.
32. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 121.
33. См.: Hutin S. L'Alchimia.
34. См.: Reghini A. Op. cit., p. 20.
35. Джон Локк, великий английский философ XVII в., пользуется словом «Архитектор», говоря о Боге. Во второй книге, посвященной человеческому разуму, он, в частности, отмечает, что на

земном шаре нам дано жить по высшему разумению Архитектора... Дж. Гамберини полагает, опираясь на исследования Дж. Хазана (G. Hazan), что Локк принадлежал к вольным каменщикам в годы своего поворота к «спекулятивным» занятиям. Что касается Вольтера, несомненно масона, достаточно взглянуть на его аргументацию в пользу деизма (см.: *Abbagnano N. Storia della Filosofia*, vol. II, p. 414).

36. См.: Осн. фонд: *Universale Massoneria* (a cura U. G. Porciatti).
37. *Idem*, p. 102.
38. *Porciatti U. G. Simbologia Massonica — Gradi Scozzesi*, p. 321.
39. *Benoist L. Op. cit.*, p. 5.
40. О надежде как основании религиозного опыта см.: *Pierre J. Speranza e storia*. В гл. III этой книги разрабатываются идеи Тейяра де Шардена о «конце времен».
41. *Rivista Massonica*, № 3, oct. 1972, p. 461.
42. *Ibid.*, № 5, mag. 1974, p. 273—274.
43. *Sri Aurobindo. La vita divina*, p. 10—12.
44. См.: *Mola Aldo A. Storia della Massoneria Italiana dall'Unita alia Republica*, p. 598—600.
45. Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х т. Т. 5. М., 1980, с. 73—76, 121—124.

Доступ в масоны открыт благодаря инициации. Мирянин, взыскующий «масонского света», не может прямо войти в помещение храма. Сначала он должен оказаться в «зале размышлений». Здесь господствуют черный цвет и эмблемы смерти: клепсида (время неумолимо бежит и, подобно мифическому Хроносу, пожирает своих детей), фонарь, кости скелета, кусок черствого хлеба, кувшин воды. Последние два символа Буше¹ связывает с одним из образных комплексов Ветхого Завета — Третьей книгой Царств (19, 5—8). Илия, прежде чем убежать от гнева Иезавели в пустыню и затем к горе Хорив, «лег и заснул под можжевелевым кустом; и вот Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь (и пей). И взглянул Илия, и вот у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел и напился, и опять заснул. И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь (и пей); ибо дальняя дорога пред тобою. И встал он, поел и напился и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией, Хорива».

Хлеб и вода в «зале размышлений», следовательно, являются символической пищей мирянина до того, как он начнет «путь» инициации. Но это — одно из возможных толкований. Черствый хлеб может символизировать мотивы старения и немощи на лоне плодородной природы. Вода, заключенная в сосуде (бессмертная душа, заключенная в тело-могилу, в соответствии с пифагорейскими и платоническими традициями?), может навеять представления о скрытой, невыраженной жизни, пребывающей в материнском лоне, в пещере, в ночи. Психологическая школа Юнга рассматривает эти образы как взаимозаменяемые и принадлежащие одному архетипу — женскому началу.

«Зал размышлений» — место медитации, схождения в ад, в трубу Земли.

Иницируемый видит начертанную на одной из стен надпись из инициалов V. I. T. R. I. O. L., приписываемую розенкрейцерам: *Visita Interiora Terrae, Rectificandoque Inveniens Occultum Lapidem*, то есть посети утробу земли, и, исправив свой путь, ты найдешь тайный камень. Это — приглашение, побуждающее глубоко осмыслить теневые стороны своего существа, своей непросвещенности и непосвященности, замешенных на слепоте и страдании. Путешествуя мысленно в царстве смерти, можно потерять «правый путь», как Данте в «сумрачном лесу» или как те юноши из первобытных племен, которые прежде, чем они станут шаманами, падают наземь, словно подкошенные «инициационным мором», боясь в конвульсиях и горячечно бредя. Вот почему для того, чтобы выйти из этого царства и найти философский камень — сознание (совесть), необходимо «выправить» свой путь, причем не единожды, а многократно — всякий раз, когда он подводит к бездонным пропастям отчаяния и отказа от борьбы. Но человек, совершающий обряд посвящения в масоны, уже как бы заранее знает, пребывая в «зале размышлений», о том, что ему было торжественно обещано: «Будь настойчив, и ты очистишься, выйдешь из бездны тьмы и увидишь Свет».

Посвящаемого просят оставить символическое завещание, в котором поименованы его обязанности. Согласно правилам личного самоусовершенствования, разработанным Джузеппе Мадзини, а до него Эдмундом Бёрком, обязанности предшествуют «правам». Масонская этика предписывает исполнение обязанностей в силу их внутренней самооценности, а вовсе не в ожидании результата или выгоды, которые могут быть получены. Речь идет об обязанностях человеческой личности прежде всего в отношении самого себя и в отношении мира.

Непосвященный, таким образом, умирает. Его же завещание, будучи отражением сознания человека, готового к «новой жизни», является идеальным пропуском для входа в храм.

По обычаю посвящаемый в масоны должен постучать в дверь храма. В ряде масонских «катехизисов», бывших в ходу в Англии, содержится объяснение этого ритуального жеста посредством следующего стиха из Евангелия от Матфея: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (7, 7). Бернард Джонс напоминает также, что, согласно свидетельству Дурандуса, ритуал освящения церкви в XIII в. преду-

смастривал, чтобы епископ трижды обошел вокруг храма, стуча при этом каждый раз в дверь. Троекратный «стук» считался тогда указанием на Святейшую Троицу христиан².

Сейчас трудно сказать, каков именно источник происхождения этого ритуала в масонстве. Главное, что «три четких удара», свидетельствующие о желании кандидата войти в храм, являются общепринятыми в ритуале масонства, разумеется не будучи связанными с тем смыслом, который вкладывали в него средневековые христиане.

Одежда соискателя (другой термин, который в масонской практике применяется в отношении иницируемого) должна быть в беспорядке, и, что примечательно, одна нога у него — разута. В библейской книге Исход (3, 5) Господь, вызывая к Моисею из горящего куста, приказывает ему снять обувь, «ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». То же предписание входящим в Иерусалимский храм содержится в Талмуде³.

В греческой мифологии Ясон, перед тем как возглавить аргонавтов, отправляющихся в путь (яркий пример инициационной практики) за Золотым руном, предстает перед царем босым на одну ногу.

Беспорядок в одежде призван символизировать состояние замешательства непосвященного, который, входя в храм, еще не прошел обряд инициации. Можно даже сказать, что у непосвященного не просто одежда в беспорядке: одежда есть внешний покров, поэтому она символизирует «разложение» внешней оболочки в процессе символической смерти, которую принял кандидат в «зале размышлений».

На посвящаемом также не должно быть ничего «металлического», то есть символически не должно быть денег, оружия, страстей, потрясающих мир. Он должен запомнить этот момент «бедности», так как в дальнейшем одна из его обязанностей отдавать излишнее тем, кто нуждается.

После введения в храм непосвященный просит Света. Глаза его закрыты повязкой, так как он слеп. Мастер, прежде чем одарить его Светом, объясняет посвящаемому некоторые каноны масонского Ремесла, затем приглашает принести присягу на «кубке возлияний». Сладкое и горькое питье, чередующиеся в чаше, А. Регини⁴ связывает с источником Мнемозины (па-

мяти) и водой из реки Леты (забвения). Мнемозина — греческая богиня памяти. Вспомним, что для пифагорейцев и платоников познание самого себя осуществляется посредством «анамнеза», то есть воспоминания о путешествии собственной души во Вселенной. Лета — река, ведущая в Аид, и ее вода — «летальная», то есть мертвая, вода — несет гибель и смерть. В масонской символической сладкое и горькое питье являются, очевидно, представлением о двух возможных путях, которые еще открыты перед непосвященным: путь просвещения, если он искренне отнесется к своему посвящению, и горечь «второй смерти» — смерти духовной, иначе говоря, несостоявшейся инициации, которая призвана освободить человека от «первой смерти», то есть мирской жизни. Испить горечь суждено тому, чьи губы совершат клятвopеступление, тому, кто откажется от взятой на себя обязанности этического и духовного строительства своей личности, вменяемой всякому, вступившему на масонский путь.

В сопровождении одного из братьев кандидат должен совершить последних три символических путешествия — «в воде, воздухе и огне». Первое путешествие — под землей — он уже совершил, находясь в «зале размышлений».

Кандидата представляют собравшимся как человека «свободного и добрых обычаев». Добрые обычаи — это значит человек честный и умеренный. Он свободный человек потому, что свободен от предрассудков и сковывающих разум цепей фанатизма, ибо, как утверждает один из масонских источников, «тот, кто не может пользоваться свободой, должен быть отторгнут от наших тайн как не умеющий управлять своим поведением и неспособный выполнять взятые на себя обязанности»⁵.

Преодолев два квалификационных экзамена, кандидат должен тем не менее совершить очищение, то есть пройти через четыре элемента — землю, воду, воздух и огонь, — являющиеся основными компонентами материи в физике Эмпедокла и Аристотеля. Согласно последнему, эти элементы составляют «подлунный» мир и в чистом виде построены по вертикали, начиная с элемента более тяжелого (земли) и кончая самым легким — огнем. Выше огня — эфир, который Аристотель понимает как некую небесную субстанцию, владеющую совершенством кругового мира. Представление о четырех элементах, образующих материю, было в виде много-

численных вариантов распространено во всем древнем мире.

В масонской ритуальной символике путешествия через четыре элемента призваны изобразить наглядно обратный путь, на котором дух сначала стал материей, а затем поднялся от земли к небу. Попробуем понять значение этого движения, воспроизведя ниже слова, с которыми обратился к двум новоприбывшим масонам Л. Сальвини: «Итак, вы прошли в обратном порядке тот путь, которым человек приходит в жизнь: человек рождается творческим огнем, он рождается огнем любви, он замешен на текучей лимфе, текучей крови и созревает в воздухе, заканчивает свой путь в земле. Вы же сегодня от земли прошли через текучую воду, воздух и приблизились к огню, дабы стать сыновьями Света»⁶. Соприкосновение с четырьмя элементами при совершении масоном своего пути следует «вертикали», о которой было сказано выше, оно подводит человека к слову «да будет Свет», означая воссоединение со светоносностью первичного акта творения (Бытие, 1, 3).

В ходе символических путешествий иницируемый наталкивается на «препятствия», которые постепенно преуменьшаются, подобно тому как материя истончается, следуя Аристотелевой «вертикали». И все же скитания вслепую в храме, шумы, обрушивающиеся на него, создают в представлении соискателя чувство «перехода». По завершении четвертого путешествия наступает успокоение. В воцарившейся тишине голос напоминает посвящаемому «золотое правило» — универсальную этическую заповедь «Не делай другим того, что ты не желаешь самому себе, делай другим добро, какого ты желал бы самому себе».

Теперь следуют магические мгновения — совершается переход из храма в «зал потерянных шагов», затем снова в храм для свершения обряда инициации.

Находясь у алтаря, кандидат берет на себя обязательство «хранить в святости честь и жизнь всех людей» и не исповедовать принципов, которые несовместимы с принципами масонства.

Посвящаемому уже вернули зрение. Но храм все еще погружен в полутьму. Три удара молотка Мастера — и храм наконец залит светом. Соискатель видит лица своих братьев.

Мастер, держа пламенный меч, совершает обряд инвеституры — введения в масоны. Новый масон «укра-

сит своим присутствием сии колонны», как только Мастер произнесет следующие слова: «Ты мой брат».

Посвященный в мasons получает фартук, который будет носить в ложе. Фартук символизирует Труд — «первейший долг и обязанность, высочайшее утешение человека». Он получает также две пары белых перчаток: одну для себя (символ чистоты), другую пару — для спутницы жизни, являющейся «совершеннейшей женщиной», то есть той, которую масон любит и уважает.

Термин «брат» восходит, согласно масонской традиции, к словоупотреблению древних рукописей, которые предписывают следующее: «Будешь называть вольных каменщиков своими братьями, или иначе своими товарищами, и никогда более их полным именем».

Фартук, который у Ученика лишен фигур и символического орнамента, а у масонов высших степеней снабжен богатейшей символикой, был, как известно, в обиходе «оперативного» средневекового масонства. Правда, согласно Б. Джонсу ⁷, его наличие засвидетельствовано источниками, найденными в Египте и относящимися к периоду четырех-пятитысячелетней давности. На фиванских фресках изображены рабочие фартуки строителей.

Что касается перчаток, то они также были в обиходе средневековых масонов. Свидетельства тому найдены в Шартрском и Йоркском соборах, а также в уставах, называемых «Уставами Шоу», относящихся к 1589 г. и действовавших в Шотландии. В средневековой Англии белые перчатки, как правило, носили судьи. Символика перчаток связана также и со средневековым рыцарством, если верно, что рыцари обычно украшали свой шлем перчаткой прекрасной дамы ⁸.

На следующий день после состоявшейся инициации Гёте, например, предназначил пару белых перчаток для своей возлюбленной, сопроводив свой дар следующими словами: «Скромный подарок, если судить по первому взгляду, ждет Вас по возвращении. Самое удивительное... я могу его сделать только одной женщине и только один раз в жизни» ⁹.

Масонская инициация предназначена для мужчин, или, по символической терминологии, имеет «солярный» характер. Женщины в масонские ложи не допускаются, но не из-за каких-то женоненавистнических предрасудков. Тому есть иные причины. По мнению исследователя масонства Рене Генона, исконно ма-

сонская инициация была введением в секреты мастерства и ремесла рабочего-строителя и, следовательно, задумана по форме специально для тех, кто работает на строительной площадке, то есть для мужчин. Поскольку основанием инициационной практики масонства является традиция, «мужские» привилегии должны были строго соблюдаться и в новое время.

Дело не в том, что масоны считают женщину неспособной воспринять установления общины. Этико-духовное совершенствование, познание самого себя, символизм и эзотеризм — все это универсальные ценности, следовательно, относятся они и к женщине. Однако формы, в которых выражена масонская обрядность (трудная ручная работа каменщика и «физические испытания», символика меча, согласно легенде о Хираме), выглядели бы гротеском и нелепостью, если их сочетать с женской психологией, которая по своей природе и исторически движется по иным орбитам.

Как писал в «Масонском обозрении»¹⁰ один из основателей итальянской школы психоанализа, проф. Эмилио Сервадио, инициация женщин «мыслима только как постепенное осознание женщиной своей жизнедарящей энергии — «шапти»¹¹... воды-посредника, «иони», порождающей мира, божественного Нуля. отождествление женщины с мужским естеством? Что может быть абсурднее?» Думаем, понятно, отчего в масонских ритуалах совершенно отсутствуют символы, действия и легенды, которые были бы вдохновлены «женской» темой.

Как ни парадоксально, но именно глубочайшее уважение к женщине и ее внутреннему миру вынуждает масонов не допускать женщин в свой круг. Братства, посвящающие в масонство женщин, считаются Великой объединенной ложей Англии и национальными масонскими общинами самозванными, не имеющими статуса «законных» лож.

Вопрос об инициации женщин, разумеется, нельзя исчерпать в нескольких строках. Необходимо напомнить, например, об огромном значении символика Астарты или Изиды в древних инициационных обрядах, связанных с тематикой плодородия. Укажем и на современную инициационную практику ордена мартинистов, который руководствуется учением мистика XVIII в. Луи Клода де Сен-Мартена. В этот орден допускаются женщины, хотя, говоря по правде, географическое распространение мартинизма сегодня весьма неопределенно, тем более что под

его эгидой нередко подвизаются группы людей, излишне склонных к импровизациям и фантазиям.

Тем не менее хотелось бы надеяться, что нам удалось убедить читателя, что масонство закрыто для женщин отнюдь не по дискриминационным причинам. Чтобы завершить эту тему, приведем высказывание масона Джузеппе Мадзини из его поучения, озаглавленного «Обязанности мужчины»: «Любите и уважайте женщину. Не ищите в ней только утешения. Но ищите в ней силу, вдохновение, удвоение ваших умственных и нравственных способностей. Выбросьте из головы раз и навсегда всякие помыслы о своем превосходстве. Никакого превосходства у вас нет. Запомните это. Многовековые предрассудки, неравное образование, укоренившаяся несправедливость законов — вот в чем причина кажущейся умственной неразвитости женщин. Но разве история угнетения не научила вас, что угнетатель всегда удерживает свою власть на созданных им же самим основаниях?..»¹²

Однако возвратимся к вопросу об инициации. Посвященный Ученик обретает «слово, знак и токкату», присущие его степени, и получает символическое наставление в мастерстве: брат-наставник по поручению Мастера подводит Ученика к неотесанному камню, где он и приступает к работе.

Итак, человек, посвященный в масоны, имеет право занять «место у колонн». Одежда его снова приведена в порядок, и «металл» ему возвращен. Братья выражают свою радость. Они поднимают мечи, острие которых прежде было направлено на новоприбывшего, и поздравляют нового брата троекратным похлопыванием по плечу открытой ладонью.

Какова же связь между масонской инициацией и инициационными обрядами, существовавшими в древности? Несомненно, в их основе обнаруживается общая глубинная динамика. Однако масонская инициация обладает особенностью, которая, по-видимому, состоит в синтезе современного и древнего, мифа и разума, созерцания и деятельности.

По сравнению с первобытноплеменной моделью инициации масонская практика лишена какой бы то ни было жестокости — жертвоприношений, «инициационных» увечий, запугивания иницируемого. Главное же различие состоит в том, что масонский ритуал не является обрядом, свершаемым над юношей, вступающим в муж-

ской возраст. Инициация у масонов — это опыт, переживаемый вполне зрелым человеком, обычно после достижения двадцати одного года, по его просьбе и согласию.

В отличие от мистерий в честь Митры, Озириса, орфических ритуалов и т. п. масонская инициация, которая в известной мере является продолжением вышеуказанных обрядов, обладает самостоятельным значением, будучи свободной от мифологически-религиозной исключительности, мотивировок жертвенности и фантастических представлений, ритуальных эксцессов. Инициация у масонов, судя по всему, стала своеобразным сочетанием основных мотивов античных мистерий (познание, смерть и воскресение) с иудейским и христианским этическим монотеизмом, наследием «оперативного» средневекового масонства и вершинами философской мысли XVII и XVIII вв.

Общей между масонской инициацией и традиционными инициационными обрядами (при наличии известных исключений) является дисциплина соблюдения «тайны», хранить которую масон обязуется при вступлении в ложу.

«Масонская тайна» — предмет непрекращающихся домыслов. Все наиболее резкие обвинения против масонства содержат указание на существование у масонов особой «тайны». По тонкому замечанию А. Амбези, при этом используется пружина «автоматизма человеческой психики»¹³, под воздействием которой преступным или по меньшей мере подозрительным является все, что не становится достоянием гласности, все, что происходит в тишине и без посторонних глаз.

В действительности же масонство, согласно своему уставу, не является секретным или тайным обществом. Единственное, чем оно дорожит, — это «умолчание». Масонство не любит шума, мало обращает внимания на пропаганду, сторонится площадного многословия, пренебрегает демагогией, то есть всем набором публичности, которая сегодня заполонила политическую и культурную жизнь.

Руководители масонства и его главные штаб-квартиры повсеместно доступны. Если масонские собрания и ложи закрыты для публики, то это не оттого, что за их стенами творится нечто недозволенное, или потому, что масоны ведут себя наподобие сектантов. По утверждениям самих масонов, они поступают таким образом в знак уважения к инициационной традиции, предусматривающей отсутствие посторонних глаз. Молчание масонов обусловлено,

пожалуй, невозможностью передать на словах тот духовный урок и опыт, которым они дорожат.

Тайна, окружающая масонскую «работу», согласно их учению, связана с тем, что каждый член ложи обязан лично, опираясь на собственные силы, стремиться к самосовершенствованию. Это — дело его совести, его устремления не разрастаются за счет других. Добровольный путник, вступивший в храм, подвергается испытаниям в тишине и молчании тех, кто вступил на эту стезю до него. Молчание окружающих призвано многократно усиливать голос собственной совести, побуждать к совершенствию собственных поступков, продолжению собственного поиска.

Масон может, если он того пожелает, предать гласности факт своей принадлежности к ордену. Но по уставу, он обязан не обнародовать, не получив на это особого разрешения, имена других братьев. Причина этого распорядка в жизни масонства просто и ясно объяснена Лино Сальвини в обращении к новоприбывшим: «...вы должны соблюдать сдержанность в отношении лиц, которых увидели сегодня, имен, которые входят в общину, ибо каждый человек имеет право сказать о себе только то, что он сам желает сказать, и не желает, чтобы за него говорили другие».

Вряд ли стоит говорить, что если бы подобная сдержанность была хоть немного более, чем обычно, распространена в мире, именуемом масонами «светским», то, надо думать, от этого только выиграли бы общественная сплоченность, политическая нравственность, серьезность и уважение к человеку.

В истории были периоды, когда масонство вынужденно становилось «тайным обществом». Так случалось во времена гонений, исторических обстоятельств, вызывавших необходимость сохранить во враждебной среде жизнь своих людей, непосредственно участвовавших в революционных событиях. Там же, где масонство имеет возможность совершать свой труд в обстановке общественного уважения, как, например, в Англии, Соединенных Штатах, Австралии, масоны всегда действуют при свете дня. В газетах этих стран публикуются извещения о собраниях лож. В особые даты масоны выходят на улицы демонстрации, надев фартуки, шарфы и орденские цепи. Члены общины, люди самого разного социального происхождения, гордятся своей принадлежностью к своей организации.

Остается задать вопрос, имея в виду масонский эзотеризм, в какой мере масонство обладает тайными знаниями в сфере духовного постижения. Если под этими тайнами подразумевать знание о том, как разрешить загадки человека и космоса, то ответ, очевидно, не может не быть отрицательным. Масонство искони отмежевывалось от разнообразных «окультиных» школ, проповедующих более или менее соблазнительные доктрины. Если же под «тайным духовным знанием» разуметь метод, способный расширить сферу сознания и познания в универсальном значении этих понятий, то в таком случае, согласно масонской традиции, такая тайна существует. Так, один из французских авторов указывает, что ряд Мастеров, метафорически разъясняя ему этот вопрос, прибегли к притче, заимствованной из крестьянской жизни, в которой действуют хозяин, его сыновья и сокровище, зарытое в поле. «Сокровища они так и не нашли, но в поисках клада ископали и взрыхлили все поле. Равным образом и масон, преодолевая этап за этапом процесс инициации, превращается в другого человека. Вот в чем масонская тайна!»¹⁴

Однако вернемся к проблеме отношений между масонством и традиционными инициациями. В главах «Феноменология инициации» и «Смерть и инициация» своей знаменитой книги «Священное и мирское» Мирча Элиаде в связи с первобытноплеменными инициационными обрядами пишет: «...повсеместно церемония начинается с отделения посвящаемого от его семьи и увода его в уединенное место. Лес, роща, джунгли, сумерки пещеры — вот символы потустороннего мира, царства мертвых. Кое-где, например, верят, что посвящаемого уносит в джунгли тигр. Дикая зверь, таким образом, является воплощением мифического предка, Мастера инициации [заметьте, что в масонской инициации действует Мастер-наставник, помогающий кандидату. — *Авт.*]. Та же инициационная схема — страдание, смерть и воскресение — неизменно встречается во всех мистериях. Смерть считается высшей степенью инициации, началом нового духовного существования. Или, лучше сказать, рождение, смерть и воскресение считаются тремя моментами единой мистерии. Все силы архаический человек употреблял на то, чтобы доказать, будто между этими моментами нет прерывности. Ни на одном из них нельзя останавливаться»¹⁵.

Правда, как мы уже говорили, было бы неправильно

видеть в масонстве только модернизацию первобытных инициационных культов. В этих культах обычно используются подкрепляющие средства (укажем, к примеру, на наркотический эффект корня ибоба, применяемый при совершении инициационного обряда тайной общиной бвитов, действующей среди прибрежного населения Габона) и мотивировки очищения от грехов, представляющие чрезвычайный интерес с психоаналитической точки зрения, но совершенно отсутствующие в масонском пути. У многих племен знания (неважно — космологические, нравственные и пр.), которые передаются новоиницируемому, являются заветом предков, которых следует умилостивить посредством жертвоприношений. Так, поро, объединенные в мощный тайный союз, действующий на территории Западной Африки, совершают человеческие жертвоприношения. В подобной практике присутствует элемент коллективного очищения от грехов, сопряженных с переживанием виновности, связанной с инцестом (кровосмешением) и эдиповым комплексом. Предки являются «коллективным отцом»: каждый из членов племени имеет одного отца, гнев которого следует смягчить. Таким образом, первобытный человек вынужден символически убить самого себя как ребенка. Для «осуществления» этого он объединяется с другими мужчинами группы и участвует в выборе «человеческого символа», обычно юноши, который и будет принесен в жертву.

Центральная роль «инфантильного магического мышления», говоря психоаналитическим языком, в первобытной инициации позволяет нам сделать вывод, что она соотносима с масонской инициацией так же, как детство соотносится со зрелым возрастом.

Нетрудно провести параллель между масонской инициацией и античными мистериями. Мистерии являются одной из наиболее волнующих страниц духовной истории человечества. Центром их распространения был бассейн Средиземного моря (Египет, Финикия, Греция). Они процветали начиная с VIII—VII вв. до н. э. вплоть до первых двух столетий христианской эры, когда мистерии Митры и гностицизм были «побеждены» новой римской религией.

Во всех мистериях есть центральное ядро — миф, повествующий чаще всего о смерти и воскресении какого-нибудь божества (Озириса, Адониса, Орфея). Вокруг мифа — структуры ритуально-инициационной техники,

призванные заставить человека идентифицировать себя с божеством, иными словами — привести человека к постижению (что само по себе уже считалось подлинной победой) бессмертия человеческой души. В мистериях нередко использовались натуралистические аллегории. Возьмем, например, миф об Адонисе, боге растительного мира, легко отождествляемом в народном менталитете с наиболее красивым деревом ливанских рош, ежегодно умирающим, будучи пораженным кабаном, и воскресавшим каждые полгода. В одном из вариантов мифа говорится, что Адониса равно любили Астарта, богиня жизни и плодородия, и Персефона, властительница Аида, царства мертвых, так что он был вынужден полгода жить с одной, а следующие полгода — с другой возлюбленной. Аллегория, естественно, соотносима с природой, которая подвержена обновлению, с жизнью, которая возрождается через смерть. Таким образом, иницируемый, персонализируя природу в божестве или герое — совершенной человеческой личности, а затем отождествляя самого себя с божеством (посредством ритуалов), в конце концов интегрировался в природу, ее вечное повествование о смерти и воскресении. Тем самым человек освобождался (по крайней мере теоретически) от страха вечной смерти. Жизнь и Смерть — это ведь не что иное, как поверхность бытия, предупреждает Кришна в священной книге индусов «Бхагавадгите»¹⁶.

Доктринальный нерв большинства известных мистерий (вспомним хотя бы орфизм и пифагорейство) — путешествие души через бесчисленное множество ипостасей, форм и тел. Эмпедокл, древнегреческий философ, судя по всему посвященный в мистерии пифагорейцев, пишет: «Некоторое время в прошлом я был мальчуганом и девочкой, деревом и птицей, был и бессловесной морской рыбой»¹⁷. Идея — постепенное совершенствование души. Более того — сущностное единство любой формы жизни при взаимной их открытости друг другу. Преимущество подобного учения в том, что люди, звери, птицы, растения, кристаллы не замкнуты в какую-то фальшивую единичность. Страдания и радости, сознание и инстинкт, органика и неорганика при этом не абсолютизируются. Можно было бы указать на многочисленные аналогичные элементы, сближающие масонскую инициацию с античными мистериями, скажем на степени инициации в мистериях Митры — древнеперсидского происхождения, но распространенных и в Римской импе-

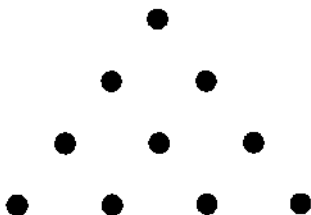
рии в эпоху, почти одновременную возникновению христианства. Эти степени символизируют очищение посредством семи небесных сфер. Бросается в глаза аналогия с четырьмя символическими путешествиями масонского ритуала.

Укажем и на миф об Озирисе, построенный на эпизодах убиения и утраты тела божества, и на масонское предание о Хираме, которое мы рассмотрим подробно, когда будем говорить о степени Мастера.

Тем не менее нам представляется, что подчеркивать подобные аналогии — значит полагаться на приблизительные впечатления, возникшие в ходе исследовательской работы. Очевидно, справедливым будет и упрек в стремлении толковать масонство в сопоставлении с древностью. Поэтому мы предпочли бы указать только на то значение, которое имеет пифагорейство в качестве предшественника масонства.

Пифагорейская инициация завершается, после того как соискатель был выслушан, принятием обязательства соблюдать строго и неукоснительно обет молчания. Напомним, что метод пифагорейской школы, как пишет Джамблико в «Пифагорейской жизни», был основан на символике: «...если же символы не будут различаться и внимательно изучаться, если они не будут поняты посредством серьезного истолкования, то все, на что они указывают, покажется стороннему наблюдателю смешным и глупым, старушечьей сплетней и выдумкой досужих людей. Если же эти символы будут объяснены соответствующим образом, то их темнота и невнятность обернутся ярким и ослепительным светом... Только так они способны раскрыть свою удивительную глубину, глубину содержащейся в них мысли, передавая слушателю вдохновение тех ученых и мудрых интерпретаторов, которые поняли смысл символики»¹⁸.

Среди пифагорейских символов немало «афоризмов», сформулированных на необычном, как представляется на первый взгляд, языке. Нечто подобное, заметим, свойственно и масонству. В ходе масонской «вечери любви», например, бокалы именуются «пушками», а вино — «порохом». Сильны в пифагорействе и «геометрические» мотивы. Инициационная присяга (которая у масонов произносится возле треугольного алтаря) у пифагорейцев подтверждается «тетрактисом», равносторонним треугольником, состоящим из десяти точек, который для полноты представления мы и воспроизводим.

Тетрактис, подлинная метафизика числа, представляет наглядную форму целостности Вселенной, которая движется от единства к множественности материального мира. «10» — священное число пифагорейцев. Оно считается «интегральным», совершенным, завершенным. В нем — синтез единичности и множественности.

Масонство восприняло наследие пифагорейцев. Об этом свидетельствуют манускрипты оперативных масонов. В легендарном «масонском диалоге» Генриха VI, который был записан в 1434 г., а обнаружен философом Локком в 1696 г., можно, например, прочитать следующее: «Грек по имени Пифагор путешествовал для получения образования в Египет и Сирию, и во всех странах, где финикийцы ввели масонство, он получал доступ в масонские ложи, в которых многому научился. Обосновавшись в Великой Греции, он стал великим и прославленным ученым. Там, в Кротоне, он основал великую ложу и приготовил немало масонов...»¹⁹

Вне всякого сомнения, перед нами легенда. Под масонскими ложами, в которых, согласно анонимному автору диалога, Пифагор якобы побывал, в действительности скрываются египетские и финикийские мистерии (и разыскания Джамблико это подтверждают²⁰).

Если говорить серьезно, то весьма показательным другим — теорема Пифагора, точнее, ее вариант в виде 47-го постулата Эвклида на фронтисписе первого издания «Книги уставов» Андерсона 1723 г. Под диаграммой помещено греческое слово «эврика», по традиции приписываемое Архимеду. Но Андерсон, один из первых масонов нового времени, полагал, что это восклицание сорвалось с уст Пифагора, когда он открыл духовную «тайну», быть может, подтверждение универсального закона гармонии, который скрывался в сформулированном им геометрическом постулате. Примечание самого Андерсона, появившееся в одном из последующих изданий (1738) «Книги уставов», где Пифагор фигурирует

уже в качестве отца-основателя масонской тайны, развивает гипотезу «пифагорейского» происхождения масонства нового времени²¹.

При элементах сходства масонская инициация, однако, обладает своими особыми характеристиками, собственной семантикой, ценностью которой нельзя приписать только воспроизведению античных традиций. В качестве восприемника и хранителя (основного, но, быть может, не единственного) инициационных традиций на современном Западе масонство, вне всякого сомнения, возросло благодаря тысячелетней истории христианства, а затем интеллектуального переворота XVII—XVIII вв. Тогда сформировался особый облик масонства, слагаемые которого — универсализм и автономность всех входящих в него учений; их не может отрицать ни один исследователь, какие бы доводы за или против он ни приводил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Boucher J. La simbologia massonica, p. 29.
2. См.: Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 272.
3. См.: Idem, p. 266.
4. См.: Reghini A. Considerazioni sul rituale dell'apprendista libero muratore, p. 25.
5. Istruzioni del grado di apprendista. (Grande Oriente d'Italia, 1955.)
6. *Rivista Massonica*, № 8, 1972, p. 457.
7. Jones B. E. Op. cit., p. 450.
8. См.: Idem, p. 461—462.
9. *Rivista Massonica*, № 4, apr. 1974, p. 242.
10. См.: *Rivista Massonica*, № 2, feb. 1976, p. 110.
11. Shakti и yoni — санскритские слова-термины. Шакти — это сила и мощь божества. В индуизме обычно связана с Шивой, «женским» элементом, несущим жизненное начало. Символически изображаемая пятью богинями, она считается силой сознания, блаженства, воли, познания, деятельности. Иони — женский детородный орган. Шакти и иони широко представлены в так называемых тантрийских культах.
12. Mazzini G. Dei Doveri dell'uomo, p. 69.
13. Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 15.
14. Raynaud de la Ferriere S. Il libro nero della Framassoneria, p. 191.
15. Eliade M. Il Sacro e il Profano, p. 119, 124.
16. См.: Bhagavad Gita, cap. 2.
17. Empedocle. Purificazioni, fr. 117.
18. Giamblico. Vita Pitagorica, p. 105.
19. Bacci U. Il libro del Massone Italiano. Vol. I, p. 215—216.
20. См.: Giamblico. Vita Pitagorica, par. 14.
21. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 181—182.

Философская и научная культура нашего столетия, сталкиваясь с проблемой метода познания, обычно не придает особого значения тем различиям, которые существуют между «знаком» (включающим в себя конкретику формообразующих связей, создающих представление о предмете или понятии: например, след — знак ступни, кататоника — знак психической диссоциации) и «символом» (соотносимым с понятийной реальностью, более широкой, чем сам символ, возникающей посредством «усилителя ассоциативности», то есть посредством перелива как осознанного, так и неосознанного содержания из сферы психического в символику объекта: например, циркуль — символ меры и круговращения, тетрактис — символ восхождения от множественности к единому целому и символ дифференцированной целостности).

Отсюда недостаток внимания и к специфической функции символа. В этом также кроется причина того, что сегодня мало кто занимается разработкой онтологических потенциалов самого символа, иными словами, вероятностью того, что символ может играть не только сугубо техническую или инструментальную роль, но и сам по себе может являться отпечатком действительности. Речь идет о возможностях, заложенных в самом символе и связанных с его способностью проецироваться вне самого себя, как бы поворачивать человека в направлении мира идей (платонический гиперуранизм, плерома гностиков). В наше время мало кто занимается поиском, говоря языком алхимии, той квинтэссенции, которую можно добыть благодаря последовательным дистилляциям символа, то есть благодаря операциям, предусматривающим его декомпозицию, анализ и восстановление.

Среди немногих, разрабатывавших эту проблему, два выдающихся ученых XX в. — Карл Густав Юнг, основатель аналитической психологии, и Артур Стэнли Эддинг-

тон, выдающийся физик, математик и астроном, а также эпистемолог — философ науки.

Юнг интересовался символикой с трех точек зрения: символы как носители архетипов, символы как преобразователи либидо (психической энергии) и символы как терапевтический инструмент. Рассмотрим последовательно эти три аспекта символа в интерпретации Юнга.

В своем анализе Юнг исходит из того, что *x* не может являться каким угодно, как пытается внушить рационализм. Подлинным символом является только тот, который выражает неизменные структурные связи неосознанного и, таким образом, обретает универсальный консенсус¹. Дело в том, что символ, объясняет Юнг в другой работе, «убедителен благодаря силе «нумена», то есть специфической энергии, присущей архетипу»².

Что же такое архетипы, которые каждый подлинный символ, согласно Юнгу, должен содержать в себе в качестве эссенциального ядра? Это образы, первоначальные исходные универсальные модели, при помощи которых человеческая психика всегда и повсеместно реагировала (можно было бы сказать — соответствовала) на основные структуры и события внешней реальности. Юнг определяет их как «психические органы». По мнению Марио Треви, «наиболее последовательное и общее понимание архетипа в аналитической психологии связано с представлением о них как о функции или структурирующей форме психики (напомним в этой связи знаменитый пример Юнга, в котором он сравнивает архетип с теми структурами, в которых реализуется процесс кристаллизации, когда молекулы солей складываются таким образом, чтобы образовать специфический архитектурный рисунок)...»³.

Центральное ядро архетипа темно и абстрактно (по Юнгу, оно «метафизично»⁴), но вокруг него, подобно тому как это происходит в процессе кристаллизации, структурируются образы архетипа. Так, в образах ночи, пещеры, воды, дома распознаваемы эволюционные серии архетипа женского начала. В дьяволе, злом гении, колдуне, противнике сказочных героев, в грубом и неотесанном Санчо Пансе (как убедительно показывает М. Треви) обнаруживаются варианты архетипа Тени, то есть «негативной части личности, суммы неблагоприятных качеств, которые по мере возможности хранятся в тайне, или же суммы дефектно развитых функций и неосознанного содержания личности» (Юнг)⁵. Спаситель, старец

(по легенде Лао-цзы появился на свет с седой бородой), Заратустра у Ницше, гуру, встретиться с которыми мечтают толпы западной молодежи,— эманации архетипа духовности, являющейся носителем смысла в хаосе мирской жизни.

Архетипы проявляются в снах, мифах и символике человеческой жизни. Солнце в масонской ложе (не случайно в античных мистериях Митры-Солнца его отождествляли с быком), несомненно, связано с архетипом мужского начала. Нет такой интеллектуальной операции, которая была бы в состоянии пресечь корень, связывающий определенные символы с неосознанной матрицей их архетипа. Солнце неизменно остается связанным с мужским началом. Если в мифологии и встречаются исключения (например, богиня Амаэрасу в синтоистской религии японцев является необычным символом женского солнца), то и они не опровергают универсальности связи символ — архетип. Речь идет об универсальности, которую Юнг объясняет в «Пролегоменах к научному изучению мифологии», опираясь на ранее сформулированную гипотезу, коллективным бессознательным. По Юнгу, следует, что архетипы соответствуют некоторым структурным коллективным (не личностным) элементам человеческой души вообще и, подобно морфологическим элементам человеческого тела, передаются по наследству. Хотя традиция и миграция сыграли свою роль, тем не менее существуют многочисленные проявления архетипов, которые невозможно объяснить, только исходя из традиции и миграции. Мы вынуждены допустить их «автохтонное» воспроизводство. Подобные проявления встречаются столь часто, что нельзя не предположить существования психокolleктивной базовой страты. Эта страта и называется коллективным бессознательным ⁶.

Если принять гипотезу Юнга, то, например, две колонны масонского храма можно рассматривать как символ-архетип рубежа, необходимого для того, чтобы отделить сакральное место от светского пространства. Вспомним при этом еще раз обычай австралийских аборигенов, ничего не ведающих о масонских установлениях (которые в свою очередь никак не связаны с австралийским этносом), инициационный обряд которых совершается между двумя стволами дерева.

Юнг приписывает символам психическую функцию преобразования либидо (психической энергии), так как

они, утверждает швейцарский психолог, способны переносить эту энергию «из низшей в высшую форму»⁷, то есть с уровня инстинкта на уровень идей. Появление символического мышления порождает человеческую цивилизацию, ибо является самой первой попыткой человека рефлексивно осмыслить материю, подчиняя ее своим духовным потребностям. Надеясь символической значимостью природную реальность и окружающие его материальные объекты, архаический человек совершает тем самым двойную операцию: с одной стороны, он «одухотворяет» материю, наделяет ее душой и таким образом приближает к себе, как бы уподобляет ее своему собственному способу существования и преодолевает отчуждение в отношении к материи, выражающееся в страхе перед безличностной и бессознательной силой природы; с другой — «материализует» духовность, то есть делает конкретным и поддающимся проверке (символы земли, моря, неба) свое собственное восприятие священного наряду со своим собственным кодексом нравственных ценностей (достаточно вспомнить «этические» божества, присутствующие в религии ведической Индии). Следовательно, символ становится средством упорядочения жизни, протекающей на инстинктивном уровне. В «Символах трансформации» Юнг пишет по этому поводу, что трактовка проблемы формирования символа невозможна без учета инстинктивных процессов, ибо именно от последних исходит сила, приводящая символ в движение. Сам же символ утрачивает значение, когда ему не противостоит сопротивление инстинкта; точно так же неупорядоченные инстинкты губельны для человека, если только символ не облечет их в должную форму. В силу этой причины неотвратима наша конфронтация с одним из самых мощных инстинктов — сексуальностью, но мы научились ладить и с ним, ибо, по всей вероятности, подавляющее большинство символов более или менее аналогично этому инстинкту. Через несколько строк, как бы предупреждая соблазн усматривать по-фрейдистски в символах всего лишь транскрипцию сексуальных страстей, Юнг развивает свою мысль, полагая, что генезис символа может объясняться также с точки зрения духовности. С этой целью следовало бы сформулировать гипотезу, согласно которой «дух» является автономной реальностью, располагающей специфической энергией, достаточно сильной, чтобы подчинять инстинкты и приносить их к существованию в духовных формах⁸.

Юнг был убежден, что потеря современным миром сознательного религиозно-символического опыта является одной из причин психоневрозов, порождаемых, согласно цюрихской школе, фрустрацией * устремленности к достижению «полноты» психической жизни, к синтезу противоположных психических измерений. Таким образом, вполне логично, что символ (прототип, как мы видели, наиболее древнего синтеза «материи» и «духа», «эго» и «не-эго») может быть, по Юнгу, техническим инструментом терапевтического подхода к человеку.

Психотерапевт, по Юнгу, должен объяснять пациенту основы религиозного опыта и указать ему путь в том направлении, где подобный опыт возможен для осуществления. Если же он как врач и практик вынужден анализировать сложнейшие религиозные символы, пытаясь при этом вскрыть их происхождение, то поступает так только с одной целью — сохранить благодаря пониманию те ценности, которые эти символы представляют, вернуть людям возможность думать посредством символов...⁹

Думать посредством символов. Для чего? Ответ, который принадлежит Юнгу, ясен. Думать таким образом — значит создавать в себе такое мирозерцание, которое было бы способно воспринимать и расшифровывать символическую информацию, передаваемую бессознательным. По Юнгу же, всякая диссоциация в области психогенных неврозов совпадает с исчезновением связи между осознанным и неосознанным. Для восстановления связи на этой линии пациент должен наладить «разговор» (диалог) между сознательным и бессознательным, но такой разговор возможен только в том случае, когда понимаешь язык неосознанного. В ходе этого разговора мы и сталкиваемся с символами...

Понимать символы и сознательно пользоваться их преобразующей мощью означает быть способным реинтегрировать свою личность со всем наследием коллективного бессознательного и лично не осознанного, являющегося сегментом коллективного бессознательного, ибо, по определению, не существуют символы, которые бы на правах собственности принадлежали исключительно индивидуальной психике. Вспомним: «...символом не может

* *Фрустрация* — разрушение, расстройство, обман, особое психологическое состояние гнетущего напряжения, безысходности. — *Прим. ред.*

являться какой угодно х ...» Всякий подлинный символ, то есть такой, который содержит ядро-архетип, является продуктом коллективного бессознательного. Личное бессознательное вступает в игру только для того, чтобы добиться сведения и приспособления коллективного бессознательного к реальности отдельной личности, то есть заставить его считаться с многообразием элементов, составляющих эту личность.

Говоря о человеческих символах, Юнг, судя по всему, отдаёт предпочтение таким, как «спасение» или «целостность» (при этом мы позволим себе заметить, что «спасение» — латинское слово «salvus» является связанным этимологически с санскритским «sarva», как раз и означающим «все», «целое»), к которым он относит понятие «кватерны» и «окружности», а также символ «mandala». По поводу этого символа швейцарский психолог пишет: «Термин обозначает понятие круга, в частности магической круговой черты. На Востоке можно встретить «mandala» не только в виде основания храма, но и в виде фигур, располагаемых в самом храме, или изображений в честь того или иного религиозного праздника. В самом центре «mandala» находится божество или символ божественной мощи, пламенная молния»¹¹. Этот символ, заметим мы от себя, в многочисленных вариациях встречается практически во всех цивилизациях. Он является «символом единения» — представлением человека о самом себе.

Всякий раз, когда символ «целостности» появляется в фантазиях пациента, терапевт должен так или иначе выделить его, подобно тому как достают ядро из скорлупы ореха. Эта задача, по словам Юнга, подвергает терпению врача тяжелейшему испытанию. Ведь он должен помочь пациенту «чувством и разумом» понять и осознать посредством ассоциаций те требования и те указания, которые содержатся в символе. Согласно опыту, накопленному Юнгом, аналитическая работа с символами целостности является самой существенной стороной всего процесса терапии, имеющей иногда и решающее значение, так как речь идет о процессе восстановления или, лучше сказать, построения заново личности. В этом весь смысл лечения по Юнгу¹².

На основе предположения мастера, каким был Юнг, один из его достойных учеников Эрих Нойманн (E. Neumann) разработал интереснейшую теорию символического познания как познания унитарного (объединительного),

в которой отсутствуют зазоры между объектом и образом, который этот объект порождает в психике субъекта. В символе как бы сплавлены воедино объект и суггестивные значения, которые мы ему приписываем. По этой причине символическое познание является в конечном итоге актом творчества. Недаром античное искусство было не имитативным, как современное, а символическим.

Так, Нойманн, например, пишет: «Как для первобытного человека, так и для нас, распознающих символ, не существует объекта «дерево» вне нас и образа «дерево» внутри нас, которые затем, как в фотографии, совмещались бы методом наложения. Та часть целостной реальности, которую мы именуем «дерево», распознается первоначально символическим образом личностью, которая целостным образом обращена к этой реальности»¹³.

Символическое познание развивается благодаря деятельности человеческой души уже в тот момент, когда она сама еще не развила в себе четкую функциональную дифференциацию. В силу этого символ всегда архаичен (если угодно, традиционален), ибо содержащаяся в нем идея всегда соответствует архаической стадии развития (относительно недифференцированной) сознания. Всякий раз, когда современный человек прибегает к символическому образу мышления, он вынужден пробуждать в себе человека архаики, обладавшего той способностью, которую антрополог Луи Леви-Брюль определяет как «мистическое соучастие», иными словами, чувство принадлежности к природе, которая так же, как и он, обладает душой и пребывает в динамическом равновесии. В самом деле, если вдуматься, то ведь и для нас, сегодняшних, объект и событие приобретают символическое значение, когда мы наделяем их душой: что-нибудь из одежды ушедшего из жизни близкого человека сохраняется нами с любовью и пиететом, постепенно превращаясь в священный символ, ибо, полагая мы, слушая подсказку своего бессознательного, этот предмет наделяем душой; по меньшей мере, убеждает нас бессознательное, он одухотворен душой близкого и любимого человека. В коллективном бессознательном ничего не изменилось со времен буддистских «ступ» и войн за обладание святыми мощами древнего христианства. И сегодня здесь все так же, как было тысячелетия назад. Тогда, как и сегодня, символическая психическая деятельность наполняла жизнью и силой все то, что, казалось бы, давно умерло и бездыханно.

Согласно Нойманну, символическое сознание «филогенетически и онтогенетически предшествует осознанию реальности со стороны дифференцированного сознания... Процесс, который должен затем воспоследовать, связанный с дифференциацией сознания, воспроизводя схему дубликации: внутреннее — внешнее, психика — мир, приводит к разделению этого целостного и символического образа на образ внутренний (так называемую психику) и на образ внешний (так называемую физику)»¹⁴.

Очевидно, дифференциация сознания и соответствующее этой дифференциации развитие «специализированной» Мысли вдвойне основано на отделении субъекта или объекта познаваемой реальности (например, «человек» и «дерево»), равно как и на анализе различных аспектов объекта (морфология, структура растительной клетки и т.п.), где, напротив, символическое сознание является, по существу, синтетическим; все это, несомненно, сыграло величайшую роль в интеллектуальном возвышении человека. Однако, замечает Нойманн, «дифференцированное сознание — это то же самое, как если бы мы, желая лучше слышать, закрыли глаза и превратились в слух. Поступая таким образом, мы, действительно, приобретаем возможность лучше слышать, но при этом воспринимаем только какую-то одну часть чувственной реальности. Более адекватно мы познаем ее в целостности проявлений, если не только слышим, но и видим, воспринимаем ее запахи и ощущаем ее руками»¹⁵.

Итак, дифференциация сознания и развитие специализированной мысли обеднили целостное восприятие реальности, которое возможно восстановить или воссоздать только благодаря пробуждению символического мышления. Упадок религиозности в современном мире является не чем иным, как упадком символического мышления в той мере, в какой религиозность является человеческому горизонту одновременно с восприятием целостного духовного субстрата и благодаря первой символической операции — наделению нематериальным значением материальных объектов. Для полноты картины следует, правда, сказать и о том, что падение религиозности порождено отчасти и самими историческими религиями, которые, оставаясь, по словам Юнга, «психотерапевтическими системами в самом узком смысле этого термина и сохраняя свои монументальные пропорции»¹⁶, превратили символы в окостеневшие дог-

мы, лишив их во многом психодинамической эффективности и познавательной функциональности. В конечном итоге, согласно психологической школе, основанной Юнгом, неиспользование человеком своих «символических способностей» является тяжелой психической травмой, вызывая патологические проявления первой и самой древней психической диссоциации — разделения духовности и мира, «эго» и «не-эго». Напротив, подчеркивает Нойманн, целостная символическая реальность и «есть тот мир, который возникает всякий раз, когда поляризация действительности на внешнее и внутреннее, связанная с диссоциацией психической системы, еще не произошла или уже отсутствует. Это мир совершенно особый, мир целостного преобразования реальности. Он такой, каким его переживает творческий человек»¹⁷.

Среди философов науки одним из наиболее выдающихся ее представителей, поставивших вопрос о значении символа в познавательном процессе, был математик, физик и астроном Артур Стэнли Эддингтон (1882—1944).

Символ, по Эддингтону, является формой, скрывающей непознаваемую реальность, которую он одновременно открывает. Это — традиционное эзотерическое понимание символа, хотя нам неизвестно, чтобы Эддингтон был адептом оккультных наук или принадлежал к масонам или иным инициационно-символическим организациям, каким был вызвавший в свое время немало шума орден герметистов «Золотая заря»¹⁸, основанный в 1887 г. и действовавший в первое десятилетие XX в. под великим магистерством поэта Йитса в Англии.

Однако, прежде чем подробно изложить эпистемологическую проблематику Эддингтона, быть может, целесообразно сказать несколько слов о его научной работе в области физики и астрономии.

В 1914 г. в одной из статей, посвященных движению звезд, Эддингтон выдвинул гипотезу, согласно которой спиралевидные туманности, считавшиеся в то время принадлежащими нашей галактике, на самом деле являются по отношению к ней внешними системами. Они, как выразился Эддингтон, являются другими островами вселенной.

В своих исследованиях, посвященных вопросу становления галактик, английский ученый доказал, что «перенос тепловой энергии от ядра к внешней поверхности звезды происходит почти исключительным образом бла-

годаря лучистой энергии». Он исследовал также содержание водорода в звездах и периодические пульсации цефеидов (сверхгигантских звезд). Он глубоко интересовался теорией относительности и сумел снабдить ее еще одним доказательством. 29 мая 1929 г., во время солнечного затмения, Эддингтон, находясь в составе британской экспедиции на Принцевых островах, фотографически установил, что звездный свет изгибается, проходя возле нашего светила. Тем самым он подтвердил одну из Эйнштейновых дедукций в связи с теорией относительности.

Абетти в своей «Истории астрономии» пишет, например, что «(Эддингтон предпринял попытку разработать фундаментальную теорию, при помощи которой он собирался объединить в едином синтезе всю физическую науку своего времени, начиная с астрофизики, исследующей макрокосмос, и кончая современной физикой, сосредоточившей свое внимание на микрокосмосе. Объединив гравитационную теорию Ньютона, квантовую теорию Планка и теорию относительности, Эддингтон намеревался доказать, что все константы природы могут быть добыты методом дедукции главным образом на основе математических соображений, вытекающих из вышеназванных теорий»¹⁹.

Подобное сведение к единству физических теорий при помощи математики породило в связи с намерениями Эддингтона разговоры о неопифагореизме. Разве не утверждал Пифагор, что число есть сущность вещей?

Переходя теперь к специфически эпистемологической проблематике, заметим, что Эддингтон единодушно считается сторонником спиритуалистических воззрений на проблему сознания. Например, Аббаньяно пишет, что «подобные воззрения основаны на признании того факта, что физика в недавней своей фазе ведет работу «в мире теней», перед лицом которого единственная твердая реальность — это та, которую человек может найти в самом себе... Тем самым единственная возможная дефиниция реальности может быть основана на ее отождествлении с содержанием сознания... Мир, о котором говорит наука, мир, состоящий из математических символов и формул, с этой точки зрения есть тень или символ реального мира — общины, населенной духами. Коль скоро наука остановилась, натолкнувшись на тень, то, следовательно, мистицизм имеет полное право подойти к подлинной субстанции самого мироздания»²⁰.

Ознакомившись с подобными взглядами, которые по праву украсили бы любой серьезный трактат по эзотеризму, читатель обязан спросить: а что понимает Эддингтон под «мистицизмом»?

Есть мистицизм пассивный, в который человек бывает как бы погружен, находясь в плену архетипов коллективного бессознательного. Такой человек как бы пребывает в пещере Платонова мифа. Но есть и так называемый активный мистицизм, поддерживаемый и освещаемый светом идей. В принципе он совпадает с тем, что принято называть интеллектуальной интуицией. С ней же связан и путь инициации. Эддингтон, сформировавшийся как личность в школе точных наук и исповедовавший либеральное и прагматическое христианство (он принадлежал к «Обществу друзей» — так официально называют себя квакеры²¹), говоря о мистицизме, по всей вероятности, имел в виду мистицизм второго типа.

В своей работе «Наука и невидимый мир» Эддингтон пишет: «Один из известных законов излучения, сформулированный Кирхгофом, устанавливает, что сила абсорбции веществ пропорциональна их эмиссионной силе, так что лучшие абсорбенты являются лучшими излучателями. Неплохая тема для проповеди»²². Не правда ли, дорогой читатель, мы снова наталкиваемся на пример интуиции, порождаемой символом. Последняя фраза, сказанная Эддингтоном, подразумевает скрытую аналогию, связывающую закон Кирхгофа со следующим стихом Евангелия от Луки (17, 33): «Кто станет сберечь душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее». В этом евангельском стихе заключено мощное этическое содержание — призыв «отдавать», а «не брать», отдавать самого себя делу. Но в нем же заключено и более тонкое, так сказать, эзотерическое увещание²³.

Согласно эзотерической интерпретации этого стиха, как и закона Кирхгофа, все существо, для того чтобы добиться внутреннего освобождения, должно совершить восхождение от индивидуально-животного до уровня надличностно-духовного. Оно должно как бы потерять себя, чтобы затем себя же обрести, то есть выйти из себя (отдать излучение), чтобы вобрать в себя как можно больше (абсорбировать) из универсальной духовной реальности.

В цитированном отрывке Эддингтон смело порывает с типичной для физиков привычкой никогда не рисковать выходом за рамки символично-синтетического описания

формальных проявлений реальности. Он за символом пытается ухватить какой-то фрагмент метаформальной сущности.

Согласно Эддингтону, научные теории — это всего лишь «свободное творчество духа». Понять смысл подобного утверждения, думаем, нам поможет внимательное прочтение отрывка из другой его работы, «Природа и физический мир»: «...обладая селективной мощью, разум включил феномены природы в рамки системы законов, модель которой в значительной мере он избрал для себя сам. Открывая эту систему законов, мы можем полагать, что разум берет от природы то, что он сам в нее поместил»²⁴. Гипотезу английского мыслителя разделяет другой выдающийся физик нашего времени, Вольфганг Паули (1900—1958), который писал в «Физике и познании»: «Возможность описывать феномены независимо от того, каким образом они наблюдаются, более не реализуется, тогда как физические объекты имеют поливалентный характер, а посему — символический»²⁵.

Итак, по Эддингтону, поиск законов природы и их открытие являются не чем иным, как результатом селективности интеллекта.

В подобном утверждении содержится глубокая эзотерическая концепция. Выходит, что интеллект имеет в себе самом «законы природы», врожденные модели, которые он накладывает на модальности развивающихся материальных процессов. Между интеллектом и природой, следовательно, исследуемой, классифицируемой и измеряемой, должны быть субстанциальная совместимость, субстанциальное сродство (как, например, между длиной и метром, единицей ее измерения). Природа же переводима во вселенную, а она в свою очередь должна быть субстанциально родственной интеллекту. Возможно, что в силу именно этой причины между тем и другим существует генеративная связь. Но в каком направлении? Интеллект неосязаем, невесом и непротяжен («связка мира», согласно дефиниции, которую Марсилио Фичино дал душе), он также и вне времени (пусть отчасти, но он может воспоминать прошлое, предвидеть будущее и, что самое важное, жить как в прошлом, так и в будущем). Физическая вселенная, наоборот, осязаема, весома, протяженна и связана с настоящим. И пусть не обманывает нас тот факт, что в силу парадокса расстояний, измеренных в световых годах, нам позволено видеть звезды такими, какими были они в отдаленном прошлом.

Проблема эта — игра пространства, тогда как нашему физическому взгляду доступно всегда только какое-то мгновение. Становление нам недоступно. Вселенная в целом никогда не бывает той, какой она была мгновение назад. Она является изменяющейся непрерывностью.

Изложив эти соображения, мы вправе предположить, что в контексте возможной генеративной связи, если допустить превосходство интеллекта над вселенной в том, что касается свободы, творчества и абсолютности, интеллект — это первая лучеиспускающая инстанция. По масонской терминологии, интеллект является архитектором вселенной. Если предположить далее, что интеллект — это функция духа, то становится ясно, что Эддингтон вплотную подходит к понятию универсальной духовности. Такой Эддингтон, разумеется, не мог не навлечь на себя гнев убежденных сциентистов, которые упорно противопоставляют науку религиозному чувству.

Язык символов, являющийся одной из отличительных особенностей масонства, едва ли не главной его чертой, таким образом, находит подтверждение и у некоторых творцов современной науки. Речь идет прежде всего о прочной ткани, сотканной Юнгом и цюрихской психологической школой, и о признании познавательной ценности символа эпистемологами и физиками.

В этой связи можно, например, предложить следующую гипотезу о символизме труда. В данном случае мы также станем оперировать собственными идеями и представлениями, полученными нами не из масонских источников, но являющимися результатом исследовательской работы. Быть может, наши размышления над этим вопросом помогут стимулировать работу в направлении изучения символики вообще.

Символическое познание проходит через несколько этапов и требует соблюдения строжайшей научной дисциплины. В этом отношении оно связано более с философией, чем с мистикой. В основу его положено «осмысление символа», то есть того стимула, который он производит в исследователе как непосредственно, так и в последующие отрезки времени.

На первом этапе от исследователя требуется, так сказать, отнестись к предмету исследования с уважением. Не следует сразу же оценивать экспрессивную силу символа, тем более заниматься импровизациями на эту тему. Тому есть причины. Первая из них — начальная оценка значимости символа (которая субъективно связа-

на лишь с нашим личным опытом) — так или иначе происходит на уровне бессознательного, то есть уровне более тонком, глубинном, чем это доступно сознанию. В результате становится ненужным (более того, вредоносным — из-за критической предвзятости) любой иной вариант понимания символа, который может быть обусловлен культурными предубеждениями. Иными словами, исследование должно начинаться с тех символов, которые переживаются лично как наиболее важные, не принимая на веру умственных рассуждений, которые преднамеренно сужают область реального и превращают символы в нечто банальное, нелепое или второстепенное.

Вторая причина, обязывающая отнестись с уважением к недавно открытому символу, связана с необходимостью бороться с вечным искушением человеческого ума — строить импровизируя, образовывая самого себя как личность. Исследователь, как было сказано, должен избегать персонифицированного подхода к символу, полагаясь на собственное воображение и свой собственный набор идей; исследовательскую работу над символом предпочтительно начинать с усвоения его традиции.

В самом деле, не символ сам по себе, а символ как образ и форма духовного содержания с положительным знаком заслуживает почтительного к себе отношения. Вот что пишет, например, Рудольф Штейнер в своей «Инициации», посвященной почтительному отношению к предмету исследования в ходе первого этапа гнозиса: «Если не выработать в себе глубокого чувства, что существует нечто более высокое, чем мы сами, то вряд ли сыщется в нас сила, способная приподнять нас над обыденностью. Человек посвященный обладает благодаря новому своему состоянию способностью обратить свой взор к вершинам знания только потому, что он сумел обратить свое сердце к глубинам благоговения... Верное знание недостижимо, если прежде не научишься его уважать...» В наше время особенно, продолжает Штейнер, важно обратить на данное условие пристальное внимание, ибо «нынешняя цивилизация склонна скорее критиковать, судить и выносить приговор, чем опасаться впасть в духовный нигилизм»²⁶.

Если первый этап приобщения к символу — благоговение, то второй является собственно «изучением» символа. Эта работа носит экстенсивный характер, так как цель ее — открыть горизонту исследователя наибольшее число содержательных уровней, заключенных в данном симво-

ле. В то же время это и метод двойного сравнения, основанного на сопоставлении различных исторических учений о символе и на сопоставлении специфических значений символа, с одной стороны, и иных близких или исторически ассоциированных символов — с другой. Подобная исследовательская работа должна проводиться при наличии обширной библиографии. К сожалению, на итальянском языке, например, соответствующая литература малочисленна, да и качество ее оставляет желать лучшего.

Следующий этап — «рефлексия». Он противостоит предыдущему экстенсивному этапу, так как требует интенсивной работы. Рефлексия сводится к подведению итогов исследовательской работы. Теперь, поступая рационально и субъективно, необходимо произвести отбор той символической тематики, которая могла бы принести наибольшую пользу. Рефлексия продолжается непрерывно, до тех пор пока не будет определена доминанта.

На этом этапе завершаются, исчерпав себя, две первые формы символического познания. Они уступают место сознательному символическому познанию (медитации) и интуитивному (созерцанию).

Однако продолжим по порядку. «Медитация» — это экстенсивная операция (следовательно, соответствующая низшей форме символического познания на этапе исследовательской работы), посредством которой исследователь может позволить себе, чтобы в его сознании своеобразным потоком возникали данные образы, неосознанные ассоциации, связанные с доминантной символической темой, определившейся на этапе рефлексии. Несмотря на свою пассивность, медитация является наиболее трудным и тяжелым этапом на пути символического познания. Именно здесь исследователя подстерегает опасность отказаться от намеченной цели, не вынеся бремени информации бессознательного. Действительно трудно, даже физически, устоять перед этим напором в течение необходимо долгого времени. И в самом деле, нелегко заставить свой разум и тело сохранять спокойствие и внимание, которые одни могут обеспечить необходимую глубину медитации.

Справиться с натиском бессознательного можно при помощи весьма простого приема, способного принести немалую пользу. По аналогии его можно сравнить с тем, что мы совершаем машинально всякий раз, переходя от полусна к бодрствованию. Прием, таким образом, заклю-

чается в том, чтобы прекратить поток бессознательных образов путем сосредоточения внимания на доминантной символической теме. Заметим только, что регрессивное движение возвращает нас к нулевой точке медитации.

Более проблематично достижение телесного спокойствия. В нынешние времена в моду вошли упражнения йоги. Но и на Западе были специалисты, которые, опираясь на научные и анатомико-физиологические знания, разработали «позы», способствующие успеху медитации. Например, английский врач Говард Коллиер, у которого мы и позаимствуем некоторые ценные советы, рассчитанные на тех, кто предпочитает медитировать, сидя на стуле, и не желает превращаться в индуса.

Голова (особенно на начальном этапе медитации) должна быть поднята так, чтобы отыскать точку равновесия по осевой линии шеи. Голову не следует наклонять вперед, не надо и откидывать ее назад. Большинство людей закрывает глаза, но прежде следует удостовериться, что вы смотрите прямо перед собой и не рассматриваете пол. Необходимо позаботиться, чтобы не сидеть при этом лицом, обращенным к сильному источнику света. Нижняя часть позвоночника и плечи должны опираться на спинку стула. Ступни ног следует поставить таким образом, чтобы при расслабленных мышцах ног колени не разъезжались в стороны, но оставались на месте. Этого возможно добиться, если, например, скрестить ноги на высоте щиколоток (это лучшая поза для высоких людей) либо сдвинуть ноги. Не следует класть ногу на колено. Руки, слегка соприкасаясь пальцами друг с другом, спокойно лежат на коленях. Необходимо обратить внимание на то, не слишком ли напряжены мышцы вашего тела. Подлинное мышечное расслабление, я полагаю, должно предшествовать медитации. Проще всего показать, что такое мышечное расслабление, чем рассказать об этом. Быть может, следующее описание поможет вам в этом. Мышца расслаблена, если при ощупывании рукой она представляется дряблой и слабой. В то время как я пишу пером, мне легко ощутить мышечное напряжение правого предплечья, правой руки и пальцев, особенно большого и указательного. Чтобы ощутить контраст между тем, что такое мышечное напряжение и расслабление мышцы, мне достаточно подумать о левой руке, лениво возлежащей на листе бумаги. При небольшой практике вы легко научитесь определять наличие напряженности в той или иной группе мышц.

Достаточно сосредоточиться на состоянии той или иной части тела.

Особого внимания заслуживают мышцы головы, лица и шеи. Мимическая группа лицевых мышц особенно подвержена напряжению при состоянии тревоги, сомнения и т. д. Регулярность, глубина и способ дыхания сильнейшим образом влияют на нашу способность расслабляться. Самая распространенная ошибка — сбивчивое, поверхностное или учащенное дыхание. Мы же должны научиться дышать глубоко, как говорят, животом, оставив в покое мышцы грудины. Проверьте себя сами. Положите ладонь на грудь и глубоко вдохните раз, еще раз... Старайтесь при этом, чтобы рука не шевельнулась. Так вы научитесь дышать животом²⁷.

Медитация представляет немалые трудности также потому, что является первой операцией, в ходе которой исследователь впервые обращается к самому себе, вынужденный считаться с недостатками, конфликтами, иллюзиями собственной психической жизни. Дзен-буддисты в своей «Песне медитации» оплакивают тех, кто ищет истину вне самого себя, ибо, говорят они, такие люди, находясь в воде, умирают от жажды²⁸. Достойны сожаления и те, кто пытается отыскать истину в самом себе, но не находит ее, увлекаемый собственной Тенью.

В итоге рефлексии возникает доминантная символическая тема, то есть лейтмотив, выделяющийся на фоне прочих мотивов, которые могут быть приписаны символу. В итоге медитации исследователю открывается доминантная символическая ценность — истина нравственно-го или метафизического порядка, которая лишь намечалась в ходе развития доминантной символической темы. Попробуем объяснить на примере разницу между «темой» и «ценностью». Доминантной символической темой может быть, к примеру, «женственность» символа луны, тогда как доминантная ценность (присутствующая в теме) — это сила заступничества, которую исследователь постарается сообщить миру, в подражание символической теме, или «космический» императив, прекрасно выраженный в философии даосизма, чередовать бурные проявления активности (солнце) с восприимчивостью и спокойствием, не-действием.

Созерцание исследователя направлено на доминантную символическую ценность. Созерцание — это особая форма наблюдения, благодаря которой постепенно преодолевается расстояние между наблюдателем (в нашем

случае исследователем) и наблюдаемым объектом (символической ценностью). Созерцают обычно то, что любят, и то, к чему стремятся. Слияние объекта с субъектом и является итогом успешной созерцательной деятельности, когда происходит отождествление собственного «себя» с искомой ценностью.

Подобного слияния достиг Иисус, когда он заявил: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Евангелие от Иоанна, 14, 6). Достиг его и индийский философ Шанкара, которому приписывают санскритскую фразу "Paramatmo 'sva guru' ham" («Я тот, кто по своей природе верховный дух»). Путь, истина, жизнь, верховный дух — все это приобретенные символические ценности.

Созерцание традиционно сопровождается повторением про себя или вслух формул, которые побуждают к слиянию. Индусы с незапамятных времен располагают для этой цели ритуальными «мантрами». Но и на современном Западе такая психотерапевтическая дисциплина, как «аутогенная тренировка» Шутца, обучает желающих употреблению так называемых формул, которые, согласно Томасу, должны быть «звучными, позитивными и ритмически организованными». Все это придумано для того, чтобы укрепить духовную волю и, следовательно, реальные возможности человека, стремящегося к достижению определенной цели.

Мгновение свершившегося слияния преходяще. Но если слияние было истинным, а не иллюзорным (последнее случается гораздо чаще), оно оставляет прочный след в душе исследователя. Речь идет, таким образом, о внутреннем усвоении символической ценности и, следовательно, обогащении личности. Символ, способствуя духовному росту исследователя, выполнил свою задачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Jung C. G. La simbolica dello spirito, p. 263—264.
2. Jung G. G. Simboli della trasformazione, p. 232.
3. Grevi M., Romano A. Studi sull'ombra, p. 17—18.
4. Jacobi J. La psicologia di C. G. Jung, p. 87.
5. Grevi M., Romano A. Op. cit., p. 14.
6. См.: Jung C. C. Kerényi K. Prolegomeni allo studio scientifico della mitologia, p. 114.
7. Jung C. G. Simboli della trasformazione, p. 232.
8. См.: Idem, p. 228.
9. См.: Idem, p. 229.

10. Jung C. G. La simbolica dello spirito, p. 267.
11. Jung C. G. Psicologia analitica, p. 167.
12. См.: Jung C. G. La simbolica dello spirito, p. 226.
13. Neumann E. L'uomo creativo e la trasformazione, p. 42.
14. Idem, p. 42—43.
15. Idem, p. 45.
16. Цит. no: Rochedieu E. Jung, p. 207.
17. Neumann E. Op. cit., p. 45.
18. Орден герметистов «Золотая заря» носил «магический» характер, руководствуясь неязыческими формами. По мнению Кеннета Гранта, он в основном состоял из людей, недовольных чрезмерной «христианизацией» английского масонства. Окончательно погубил его скандалами Алистер Кроули, о котором можно прочитать в кн.: Grant K. Aleister Crowley e il dio occulto.
19. Abetti G. Storia dell'Astronomia, p. 323.
20. Abbagnano N. Storia della Filosofia. Vol. III, p. 694—695.
21. Религиозное «Общество друзей» возникло в Англии в середине 1600 г. в связи с религиозной деятельностью Джорджа Фокса. Учение квакеров основано на представлениях о «внутреннем свете». Бог, полагают квакеры, непосредственно открывает себя отдельному человеку без посредников вроде Священного писания или церковной традиции. Они допустимы в качестве вспомогательного элемента, но главное — это личное переживание Бога. У квакеров нет разработанной догматики. В их общинах царит максимальная вероучительная свобода, которая позволяет соединять евангельские и пантеистические представления. Квакеры христиане, но прежде всего в этическом смысле. Их интегральный пацифизм хорошо известен. Они не навязывают веру в Иисуса как Сына Божьего, по этой причине они были отторгнуты от официальных направлений протестантизма. Культурная практика квакеров чрезвычайно проста. Они собираются для совместных медитаций, совершаемых в абсолютной тишине. Во время своих собраний квакеры свободно обмениваются своими суждениями о лично пережитом внутреннем опыте.
Английское масонство приняло в свои храмы немало квакеров. Но их прием в ложи создал сложную процедурную проблему. Дело в том, что квакеры, следуя евангельскому завету, отказываются приносить присягу или клясться. В 1835 г. Великая объединенная ложа Англии постановила, что квакеры могут быть освобождены от масонской присяги, произнося взамен слова торжественного обещания (см.: Jones B. Freemasons' guide and compendium, p. 280—281).
22. Eddington A. S. Science and the Unseen World, p. 33.
23. См.: Rivista Massonica, № 5, mag. 1974, p. 259—271.
24. Abbagnano N. Op. cit., vol. III, p. 695.
25. Rivista di Psicologia Analitica, marz. 1976, p. 261.
26. Steiner R. L'iniziazione, p. 18—19.
27. См.: Collier H. The Quaker Meeting, p. 29—30.
28. См.: Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism, p. 151.

Английское оперативное мASONСТВО возникло в начале XI в., когда жители Британии приступили к возведению многочисленных церквей. На строительной площадке храма, как правило, находилась ложа, то есть мастерская, где каменщики отесывали строительный камень, хранили орудия труда, питались и проводили свободное время. Сам термин «ложа» впервые появляется, согласно Б. Джонсу, в 1278 г. в бумагах, связанных со строительством королевского аббатства. Обычно мастер-каменщик был в те времена и архитектором (в этом ему помогали образованные духовные лица) и смотрителем работ. Он обладал огромным престижем. В ту эпоху короли назначали «личного» королевского мастера-каменщика.

Однако строительное искусство более всего процветало во Франции. И в Италии, точнее, в Северной Италии, работали легендарные мастера-комакийцы, чье имя отождествляется с ломбардской архитектурой. Правда, термин „comacinus" вряд ли, как принято думать, происходит от названия города Комо. Будь это так, тогда соответствующее прилагательное звучало бы „comensis" или „comanus". Комакийцами их прозвали за принадлежность к товариществу каменщиков. „Macinus", согласно этому предположению, восходит к индоевропейскому корню „mag" или „так" (делать, придавать форму), то есть тому же самому, от которого происходит слово «ма-сон» (каменщик). Приставка „со" имеет собирательное значение, указывает на принадлежность к группе.

Согласно преданию, средневековые масоны обладали привилегией, подтвержденной папской буллой, свободно передвигаться по европейской земле. Но, как замечает Б. Джонс ¹ какие-либо документальные свидетельства на этот счет отсутствуют. Тот же автор склонен полагать, что передвижение масонов не носило систематического характера. К тому же оперативные масоны имели достаточный объем работы, так сказать, «на месте», ибо возво-

дили они не только церковные здания, но строили и по прихоти своих всемогущих заказчиков. Так, мастер-каменщик Генри де Йевель строил не только Вестминстерское аббатство, но и лондонский Тауэр. Имя Уильяма Уинфорда связано с возведением Винчестерского собора и Виндзорского замка². Масоны, таким образом, работали в светской архитектуре. Идея, встречающаяся в литературе прошлых лет, что средневековые масоны строили якобы только соборы и ничего больше, обусловлена, надо думать, тем фактом, что готические соборы — это самый возвышенный дар, какой масонство принесло человечеству³.

Первоначальное оперативное масонство не имело общей автономной организации. Но с развитием гильдий (от саксонского „guildan” — платить) объединились в свою корпорацию и мастера-строители. Колыбелью организационной деятельности и средоточием масонских интересов стало Лондонское товарищество масонов, о существовании которого имеются сведения, датируемые серединой XIV в.¹

Эта корпорация процветала на протяжении почти двух столетий. Затем наступил ее упадок. В результате «протестантской» реформы Генриха VIII гильдии были лишены многочисленных привилегий. Церковная архитектура также приходила в упадок. Мало-помалу среди масонов вошло в обычай уходить на заработки с собственным инструментом в Сити, то есть не пользуясь покровительством и помощью со стороны корпорации. В XVII в. упадок масонских организаций еще более усилился. Именно с середины этого столетия, как мы увидим далее, начался процесс преобразования масонства из оперативного в созерцательное⁶.

Оперативные масоны ревностно хранили свои «древние предания» (old charges), среди которых была и легенда о происхождении древнего масонства. Из дошедших до нас рукописей явствует, что в свой круг масоны включали Адама, Моисея, Еноха, Гермеса, Пифагора. Как объяснить эту более чем странную генеалогию? Быть может, гипотезой, сегодня получившей распространение среди ряда специалистов, по которой внутри корпорации каменщиков существовала некая ячейка «эзотерических братьев» — хранителей универсального внутреннего знания? Именно они в дальнейшем способствовали вступлению в ряды вольных каменщиков людей умственного труда, не владевших навыками физического ремесла.

Так появились первые «созерцатели» среди масонов.

В оперативном масонстве существовала практика кандидатского стажа, то есть периода первоначального обучения, по окончании которого кандидат становился членом организации — „fellows”, полноправным участником корпорации. Степень мастера не была доступной для всех. Для того чтобы стать мастером, необходимо было иметь особую компетентность и соответствующую квалификацию. В современном же масонстве практически каждый может претендовать на степень «мастера».

В этой связи следует подчеркнуть, что степень мастера была введена в масонстве не ранее XVIII в. Средневековый «мастер» равнозначен, пожалуй, нынешнему «Достопочтенному Мастеру», являющемуся не «степенью», а своего рода «саном».

Наличие в оперативном масонстве ритуального компонента подтверждается учеными, хотя нам и неизвестны его подробности. На одной из конференций в Австралии, состоявшейся в сиднейской ложе «Поиск», Льюеллин Гриффит утверждал, например, что первые указания на фиксированный ритуал, правда, указания разрозненные и случайные, появляются в бумагах шотландского оперативного масонства в 1598 г., а именно в документах ложи Эттчинсона.

Вполне вероятно, что при приеме в оперативное масонство кандидату сообщались сведения о знаках и пароль. Кроме того, судя по всему, ритуальное значение имели отдельные фрагменты, быть может читавшиеся вслух, наиболее древних рукописей.

А. Амбези утверждает⁷, что средневековое масонство являлось ареной «извечного столкновения между ортодоксией и гностиками». Он приводит в качестве примера парижские соборы, в частности Нотр-Дам, соборы Шартра и Брюгге, Кведлинбурга (Саксония) и Льюэмика (Великобритания), в которых сохранились символические фигуры, безусловно чуждые христианской традиции. Среди прочих — Тесей и Минотавр (мифологема, которая является, судя по всему, инициационной темой, где лабиринт символизирует материальный мир, Минотавр — силы преисподней, Ариадна — познание), легендарные звери, змеи, драконы, вороны. Вывод, к которому приходит Амбези, представляется логичным: «Масоны средневековья ввели в образную систему Ветхого Завета и Апокалипсиса такие аллегории и символы, которые не имеют ничего общего с учением Римской церкви, но свя-

Средневековые масонские клейма

заны таинственным образом с культурой предшествующего языческого мира и с гностической тематикой азиатского происхождения, с негодованием отвергавшейся христианством»⁸.

Таким образом, уже в средневековом искусстве появляются признаки эклектики и универсализма (о чем свидетельствует сочетание христианских и языческих символов), претворившиеся в новое время в понятийную структуру масонства. При этом не суть важно, были ли оперативные масоны сознательными последователями эзотеризма или они испытывали простую потребность просвещения католиков-мирян в духе творческой эклектики и универсализма. Очевидно одно: зооморфные и двуполые фигуры, символические геометрические формы (пентаграммы, треугольники, вписанные в окружность, и т. п.), обогащающие большинство памятников священной средневековой архитектуры, не были задуманы как несущие чисто орнаментальную функцию, но мыслились авторами как аллегории, содержащие явное или тайное духовное послание.

Тем же, кто заинтересовался этой проблематикой, особенно с алхимической точки зрения, мы бы рекомендовали прочитать, правда, с известной долей осторожности, работу Фульканелли «Тайна соборов»⁹.

К 1620—1621 г. относятся первые сведения о приеме в масонство «непрофессионалов». В последующие годы это явление получает более широкое распространение. Среди прочих был принят и Элиас Эшмол, эрудит и антиквар, член Королевского общества. Это событие датируется 16 октября 1646 г., тогда он и стал членом ланкаширской ложи.

В истории масонства деятельность Эшмола неизменно ассоциируется, хотя и не без преувеличений, с проблемой влияния на масонство эзотерического движения розенкрейцеров, расцвет которого приходится на XVI—XVII вв. Учение розенкрейцеров¹⁰, о котором на этих страницах нам придется сказать достаточно бегло, было обращено, по словам М. Майера, «на поиск истины, познание человека, его возможностей и его взаимоотношений с иными уровнями бытия, то есть не только в том, что касается материального мира, но и идеи Бога». Символика розенкрейцеров в основном построена на алхимической тематике. Розенкрейцеры стремились к достижению «универсальной трансмутации», иными словами — к уничтожению зла и очищению космоса посредством Любви. Речь идет об активной Любви, выражающейся в изучении природы и практиковании терапевтического искусства. О розенкрейцерах шла молва как о людях, устремлявшихся в самые дальние уголки, чтобы

открывать там больницы и облегчать страдания людей. Разумеется, их деятельность подпитывал мощный «просвещенный» христианский мистицизм. Не случайно движение розенкрейцеров наибольшее распространение получило в Германии, где почти одновременно начинает свою деятельность Якоб Бёме, основатель протестантской мистики. В то же время розенкрейцеры культивировали ветхозаветную и нумерологическую экзегезу, которая вполне укладывается в рамки пифагорейских и каббалистических традиций.

Наиболее известным из розенкрейцеров-англичан был философ и врач Роберт Фладд, среди прочего автор апологии своей общины и еще более известной «Моисеевой философии». Учение Фладда основано на «эманационизме». По его мысли, Бог не творит из ничего, но творит из своей собственной сущности и эманурует бесчисленные проявления существования, несметное количество пространств и моментов времени, благодаря чему вся Вселенная является божественным становлением. Вспомним, что уже неоплатоники предполагали наличие «эманаций», объясняя зло и несовершенство мира «отдаленностью» от эманулирующего центра. С эманацией связан также процесс деградации и ослабления влияний. В начале всего процесса — божественное Целое, Единое, абсолютное совершенство и «сумма» ценностей (истины, добра и т. д.). В конце его — материальный мир, запаздывающая и несовершенная эманация Целого, с которым этот мир должен воссоединиться, чтобы пользоваться высшей свободой, нисходящей от совершенства. Согласно Фладду, вселенское равновесие установлено отношением «свет — тьма», то есть дуальностью, тогда как Божество действует во Вселенной посредством Христа, который (по мнению Фладда и других розенкрейцеров) не только исторический Иисус, но и Логос, принцип истины и любви, вдохновляющий великие души всех времен и народов и являющийся космическим явлением. Жизненный путь розенкрейцера предусматривает последовательность смерть — воскресение, как и всякая инициационная традиция в чистом виде. Смерть должно принимать изо дня в день, умирая, уничтожать свои собственные истины, чтобы воссоздавать их снова и снова, но более прочными, ибо, как предупреждает одна из метафор розенкрейцеров, «велико заблуждение тех, кто полагает, будто философский камень (истина.— *Авт.*) станет прочнее, если перед этим его не раство-

речь. Время и труд заблуждающихся таким образом — потеряны»¹¹.

Розенкрейцеры с огромным вниманием относились к духовной стороне искусства. Розенкрейцер Майер в одном из текстов говорит о высшей музыке, существование которой засвидетельствовано Пифагором и библейским псалмопевцем. По Майеру, совершенный мажорный аккорд между «тони́кой», «терцией» и «квинтой» является образом космической целостности, существующей благодаря действию трех принципов, по-разному, но повсеместно представленных в культуре духовных традиций: Отец, Сын и Дух Святой; Брахма, Вишну и Шива; сера, соль и ртуть в алхимии и т. д. Явной целью подобного рода поисков было желание доказать (посредством выявления аналогических законов) субстанциональное единство науки, искусства и религиозности как дифференцированных выражений одного-единственного устремления в направлении Божества¹².

Но возвратимся к Эшмолу (тем более что нам предстоит еще поговорить о розенкрейцерах в главе, посвященной Древнему шотландскому обряду)¹³. Эшмол — первый «созерцательный» масон, который был инициирован в Германии в братстве розенкрейцеров. Есть данные, имеющие отнюдь не второстепенное историческое значение, которые свидетельствуют в пользу этого тезиса. Одна из работ Майера (английское издание 1656 г.) содержит посвящение, обращенное к Элиасу Эшмолу. Согласно традиции, которую одни поддерживают, другие же отвергают, Эшмол составил первые собственно масонские ритуалы. Правда, не следует забывать, что в дневнике эрудита и антиквара о масонах говорится дважды с перерывом в тридцать шесть лет. Первое упоминание относится к 1646 г. и связано с его принятием в масоны, второе — к 1682 г., в котором Эшмол сообщает о собрании в Масонском зале. Вряд ли можно считать возможным, авторитетно подчеркивает Б. Джонс¹⁴, что такая огромная работа, как написание или пусть даже редактирование под углом зрения розенкрейцерского эзотеризма масонских ритуалов, не нашла никакого, хотя бы слабого отзвука в дневнике. Скорее всего роль Эшмола как соединительного звена между старым и новым масонством была преувеличена. Быть может, и его деятельность в качестве масона не была такой активной, как принято полагать. Правда, она носит продолжительный характер, на что указывают

тридцать шесть лет масонского «стажа», который ему приписывают.

Говоря об Эшмоле, нельзя не упомянуть также таких первых масонов, как Рэнделл Холм, тоже антиквар, сэр Кристофер Врен, профессор математики и астрономии, главный архитектор работ по возведению собора св. Павла, Джон Обри, автор фундаментальной «Натуральной истории Уилтшира», в которой он говорит о возникновении созерцательного масонства.

История «первых шагов» является одной из наиболее слабых сторон историографии масонства. Это — царство легенд и полуполулегенд, тайна громоздится на тайну, неясности следуют одна за другой, то и дело возникают историографические пустоты. Об опасности полагаться на кое-как сделанную историографию масонства предупреждают и сами масоны. Так, Джордано Гамберини писал: «Нам следует иметь четкое представление о своей истории, а не заниматься опровержениями своих собственных теоретиков»¹⁵. Представляется, что автор этих слов прав. Историки то и дело меняют свою точку зрения. То они говорят о том, что масонство сформировалось под влиянием такой-то эзотерической или инициационной доктрины, то вдруг начинают толковать о каком-либо другом учении или ереси. Перебрали, кажется, всех: и поэтов-эзотеристов группы «Верных Любви», куда, как утверждают, входил Данте Алигьери, и рыцарей-тамплиеров, спасавшихся от преследований и принятых, согласно традиции, в оперативную масонскую ложу Килвиннинга в Шотландии. Аналогичная ошибка «теоретической идентификации» была совершена и в том, что касается связей масонства с итальянским Рисорджименто и по целому ряду других исторических периодов.

Не розенкрейцеры, а тем более не тамплиеры создали масонство. Исторический подход к масонству показывает, что скорее всего верна та гипотеза, согласно которой созерцательное масонство является ответвлением оперативного средневекового масонства, отпочковавшимся от исторического ствола благодаря процессу интеллектуальной масонской работы, этапы которой нам неизвестны. Вероятнее всего, это происходило под воздействием и благодаря вкладу отдельных личностей, связанных с масонским движением, людей эрудированных и чуждых самоуспокоению, которых можно, пожалуй, отнести к направлению «английского розенкрейцерства».

Большого при нынешнем состоянии историографии масонства нельзя и не должно сказать¹⁶.

В завершение этой главы нам хотелось бы кратко порассуждать о происхождении определения «вольный», как правило сопровождающего понятие «каменщик» (масон). Получила распространение гипотеза, по которой масон именуется «вольным» только потому, что он не был «закрепощен» разного рода ограничениями и запретами (например, на свободу передвижения), так как являлся членом мощной корпорации. Действительно, в Англии члены других корпораций также пользовались определением «вольный». Однако в этих случаях слово, указывающее на профессию, и определение «вольный» неизменно писались отдельно — в два слова, например Free Sewers (вольные ткачи) или Free Fishers (вольные рыбаки). Мاسоны всегда и неизменно в одно слово — Freemasons. Наличие в лексиконе того времени сложного слова свидетельствует о его специфическом значении.

С филологической точки зрения маловероятно утверждение, согласно которому „free“ (вольный) является, мол, английской деформацией французского слова „frere“ (брат). Остается, правда, еще одна гипотеза. В одном из документов 1350 г. говорится о „mestre mason de frenche pere“ (на французском языке XIV в.: мастер-масон вольного камня). Дело в том, что наиболее квалифицированные масоны-каменщики обрабатывали „freestone“, то есть песчаник или известняк, который легко, «вольно» ведет себя при обработке. Можно предположить, что от выражения „freestone mason“ и произошло по закону элизии и ассимиляции слово „freemason“ — вольный каменщик.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 35.
2. Idem, p. 48.
3. Idem, p. 49—51.
4. Idem, p. 53.
5. Idem, p. 94—95. Джонс предполагает, что преследования Генрихом VIII монашеских орденов были также направлены на пресечение деятельности тайных эзотерических обществ.
6. См.: *Rivista Massonica*, № 5, mag. 1975.
7. См.: Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 33.
8. Idem, p. 90—92.
9. К этим сведениям следует подходить с известной осторожностью,

имея в виду субъективность содержащейся в этой работе информации. За псевдонимом Фульканелли, как полагают также Поуэлз и Берже (в «Утре магов»), скрывается один из наиболее способных сторонников герметизма и алхимии.

10. В прошлом литература о розенкрейцерах на итальянском языке носила совершенно ненаучный характер. Так, например, «История и доктрины розенкрейцеров» Седира представляет собой работу, не лишенную, правда, известной тщательности суждений и обширного реферативного материала, которая написана под влиянием моды конца XIX — начала XX в. на магический оккультизм. В этой книге все смешано в кучу — и философские воззрения Роберта Фладда, и оккультизм Барлета, и произвольно интерпретируемые алхимические символы и операции.

Кроме того, есть такие книги, как «Мудрость розенкрейцеров» Рудольфа Штейнера и «Космогония розенкрейцеров» Макса Гейделя (который, если мы не ошибаемся, сам входил в круг воинствующих штейнерианцев), в которых изложены доктрины, не имеющие ничего общего с исторической розенкрейцерской традицией.

То же можно сказать и о брошюре «Символы розенкрейцеров», принадлежащей перу Франца Гартмана, плодовитого автора XIX в., писавшего об эзотеризме, основателя ордена эзотерического розенкрейцества. В его книге прежде всего бросается в глаза эмоциональное желание стать розенкрейцером, что на деле ему так и не удалось.

Быть может, в этом обзоре мы упустили те или иные названия. Укажем только опубликованный издательством «Атанор» труд под ред. Х. Куррата «Amphiteatrum Sapientiae Aeternae, solis verae christiano-cabalisticum, divino-magicum, nec non physico-chimicum, tertium catholicum» и «Химический банкет Христиана Розенкрейца» В. Андреа. Эти работы в отличие от предыдущих по меньшей мере оригинальны и в известном смысле «научны», хотя и связаны, как подчеркивает А. Амбези, с закатным периодом розенкрейцества.

Не так давно в исследование розенкрейцества внес вклад Альберто Амбези, автор исследования «Розенкрейцеры». На итальянский язык был переведен также объемистый том Ф. Йитса «Просветительство розенкрейцеров». Согласно Амбези, розенкрейцерская закваска обнаруживается в творчестве многочисленных писателей, философов, художников. Сочетание христианских, неоплатонических, каббалистических источников в творчестве Пико делья Мирандолы, Шекспира, Дюрера, Боттичелли является не какой-то случайностью, обусловленной культурной модой того времени, но свидетельством инициации, основной движущей силой которой было движение розенкрейцества.

11. Jones V. E. Op. cit., p. 118.
12. Ambesi A. C. I Rosacroce, p. 159.
13. См.: Jones V. E. Op. cit., p. 119.
14. См.: Ibid.
15. Gamberini G. Massoneria Italiana, storia e storiografia. — *Rivista Massonica*, № 1, 1975, p. 4.
16. См.: Jones V. E. Op. cit., p. 147—158.

24 июня 1717 г. в Лондоне в таверне «Гусь и вертел» появилась первая в мире Великая ложа. Четыре ложи, которые прежде собирались в других лондонских тавернах, наконец объединились, создав тем самым первую масонскую организацию нового времени. На этот день приходился праздник св. Иоанна Крестителя. Об этом событии до нас дошел краткий отчет Джеймса Андерсона, опубликованный во втором издании его «Книги уставов» по прошествии многих лет после памятного дня. Судя по всему, сам Андерсон в тот день не присутствовал в таверне. Однако его свидетельство, составленное со слов очевидцев, можно считать достаточно корректным. Тем более что другой отчет об основании Великой ложи, принадлежащий перу неизвестного автора, мало чем может дополнить сообщение Андерсона¹.

Собранию, состоявшемуся 24 июня 1717 г., предшествовала встреча, имевшая место за год до этого в таверне «Под яблоней» в Ковент-Гардене. Именно тогда лондонские ложи приняли решение, «согласно велению времени», учредить Великую ложу и поставить во главе ее Благородного брата. Итак, на собрании, состоявшемся в день св. Иоанна Крестителя, накануне торжественной трапезы старейший Мастер-каменщик огласил список кандидатов в руководители Великой ложи. Были избраны: дворянин Энтони Сэйер на должность Великого Мастера, капитан Джозеф Эллиотт и плотник Джекоб Лэмболл на должность Великого Смотрителя.

Четыре ложи, ставшие основателями Великой ложи, были заняты не только «умозрительной» деятельностью. По меньшей мере три из них активно работали также в сфере «практической деятельности». По сути дела, речь идет об обществах товарищеской взаимопомощи и взаимовыручки, действовавших на основе старинных установлений, выражением которых была система символических обрядов².

The Report THE Supreme
CONSTITUTIONS
L. 174 - at the Number 296
FREE-MASONS
By the Rev. James Anderson
History, Charges, Regulations, &c.
of that most Ancient and Right
Worshipful FRATERNITY.
For the Use of the LODGES

Фронτισпис оригинала
масонских «Уставов» Андерсона (1723)

1723 и 1730 гг. — даты в истории масонства. В 1730 г. орден принял решение усилить эзотерическую сторону своей деятельности, включив в состав своей символики легенду о Хираме. В 1723 г. были изданы «Книги уставов», написанные в основном Джеймсом Андерсоном. И по сей день они считаются идейным и практическим основанием масонства.

Джеймс Андерсон был пастором пресвитерианской церкви. Кроме масонской «Книги уставов», им написан труд по королевской генеалогии и ряд проповедей, среди которых наиболее известная — о «Единстве Троицы» (1733), свидетельствующая, как утверждают многие, о его глубоких «традиционных» христианских убеждениях. Как бы там ни было, именно благодаря пресвитерианскому пастору Андерсону произошла кодификация вселенского, деистского и неконфессионального характера деятельности ордена масонов, скрепленной «Книгой уставов» 1723 г.³

Первая из «древних обязанностей», содержащихся в «Книге уставов» и касающихся Бога и религии, утверждает, в частности, следующее: «Согласно своему званию, масон обязан подчиняться нравственному закону, и если он правильно понимает Мастерство, то никогда не станет глупым безбожником или распутным нечестивцем. Хотя с древних времен масоны были вы-

нуждены в той или иной стране исповедовать религию той страны или того народа, которая там была принята, сегодня считается более целесообразным придерживаться только той религии, которую исповедуют все люди, оставив для себя свои собственные взгляды. Иными словами, быть вместе с людьми добрыми и искренними, с людьми чести и целомудрия, несмотря на то, как они себя называют или каких убеждений придерживаются»⁴.

Андерсон открыто провозгласил примат этики над догмами, веротерпимость и миролюбие. Религиозный минимум, требующийся от масона, состоит в выполнении нравственного закона, изваянного в каждой человеческой душе. Мы далеки от ортодоксии, будь она протестантской или католической, далеки и от православия, от религий, основанных на доктринальных изъяснениях, которые следует принимать не рассуждая. Мы видим, как Андерсон, хотя и отвергает конфессионализм, в то же время обрушивается с нападками на «вольномумца» Джона Толанда, которого он, надо думать, имел в виду, говоря о «распутном нечестивце»⁵.

Другим идеологом масонства нового времени был Джон Теофил Дезагюлье. Сын эмигрантов-гугенотов, членов Королевского общества, Дезагюлье вошел в историю как один из наиболее талантливых популяризаторов теорий Ньютона⁶. Прекрасный лектор и автор многочисленных исследований по экспериментальной философии, введший в употребление барометр, исследовавший флюиды и рефракции света, в 1719 г. он был избран Великим Мастером⁷.

В XVIII в. история английского масонства ознаменовалась знаменитым диспутом между «старыми» и «новыми» масонами. Начиная с 1730 г. Великая ложа переживает период значительных организационных трудностей. Великие Мастера перестали уделять организационным вопросам хоть сколько-нибудь внимания. Отчасти этот факт может служить подтверждением того, что английские масоны XVIII в. рассматривали свою принадлежность к ордену в качестве формальной почести. Тем не менее интерес общественности к вольным каменщикам в Англии продолжал возрастать. Выходили книги, например известный «Критический разбор масонства» Причарда. Противники масонства организовывали шутовские процессии, пародировавшие масонские ритуалы. Конъюнктурой не преминули воспользоваться и оборотистые дельцы. Так, в одной из таверн красовалось

объявление, что здесь за определенную плату «производят в масоны»⁸. В 1730 г. Великая ложа Англии, желая предотвратить проникновение в ложи авантюристов и избавиться от скомпрометировавших себя членов, приняла решение о замене знаков различия 1-й и 2-й степени. Тем не менее среди братьев-масонов продолжался разброд. Многие ложи не приняли нововведения, установленного Великой ложей. Разногласия возникли и по целому ряду других вопросов. В 1751 г. была основана соперничающая Великая ложа, которая была названа «старой» Лоуренсом Дермоттом, одним из наиболее активных ее сторонников, дабы подчеркнуть почтение к традиционным установлениям ордена. Исходя из этого, Великая ложа, основанная в 1717 г., была поименована «новой».

Среди обвинений, выдвинутых «старыми» масонами против «новых», помимо неприятия новых знаков различия для первых двух степеней, выдвигалось и обвинение в «дехристианизации» обряда, сокращении продолжительности ритуалов, равно как и в отказе от эзотерических церемоний, связанных с присуждением степени Достопочтенного Мастера⁹.

Однако на исходе XVIII в. разногласия между «новыми» и «старыми» масонами утратили прежнюю остроту. Практикующие ложи как той, так и другой системы стали заимствовать друг у друга наиболее привлекательные особенности. Наряду с этим сблизжились и переговоры между двумя Великими ложами, которые привели к заключению Акта о союзе. 27 декабря 1813 г. в день св. Иоанна Евангелиста в Лондоне была провозглашена новая Великая объединенная ложа Англии. Церемония носила торжественный характер. В Фримэ-сонс-холле в двух отдельных залах были открыты две Великие ложи — «новых» и «старых» масонов. Затем в ходе процессии они перешли в общий зал, и Великие Мастера обеих лож заняли места рядом друг с другом. Великий Капеллан провозгласил: «Да будет известно всем людям, что союз между двумя Великими ложами вольных каменщиков Англии подписан. Отныне два братства едины. Пусть же Великий Архитектор Вселенной сделает их союз вечным и нерушимым!»¹⁰

Тем временем масонство уже распространилось на континенте и в Новом Свете.

В Америке орден имел своим крестным отцом Б. Франклина, который издал «Книгу уставов» Андерсо-

на и стал Великим Мастером в 1734 г. Вся его жизнь была неразрывно связана с деятельностью масонства.

Американское масонство унаследовало разногласия между «новыми» и «старыми» масонами. Сторонники провозглашения независимости от метрополии были особенно многочисленны среди «старых» масонов.

Представление о том, что Американская революция, так же как и Французская революция, является якобы порождением масонских лож, нельзя назвать соответствующим реальности. Действительно, духовные вожди масонства были по большей части в лагере сторонников подписавших Декларацию независимости были масонами. Масоном был и Джордж Вашингтон, посвященный в масонство в 1752 г. в ложе Федериксбург-4, штат Вирджиния¹¹. Однако не следует забывать, что немало масонов было и на другой стороне, в том числе и среди английских военных, воевавших против Джорджа Вашингтона.

Тем не менее нельзя отрицать и тот факт, что дух свободолюбия, терпимости и самостоятельности, содержащийся в культурном эпосе масонства первой половины XVIII в., мог одухотворить идеи Декларации независимости. Во всяком случае, можно говорить о существовании если и не причинно-следственной связи, то совпадении во времени между идеями масонства и Декларацией независимости.

Еще и сегодня американское масонство гордится своими «отцами-основателями», и многие вольные каменщики в Америке подчеркивают масонское содержание основополагающих принципов Декларации 1776 г.

Как бы там ни было, масонские ложи получили широкое распространение в армии, сражавшейся за независимость. Самой знаменитой была Американская союзная ложа, действовавшая в системе «старого» масонства. Наиболее активные члены этой ложи были почти все захвачены в плен и убиты англичанами. Только в 1778 г. эта ложа возобновила свою деятельность в Реддинге, штат Коннектикут¹².

После обретения независимости американское масонство в отдельных штатах сохранило свою организационную структуру, то есть такую структуру, которая сложилась еще в колониальный период. Однако Американская союзная ложа обратилась с петицией к Великой ложе Бостона учредить центральную масонскую орга-

низацию во главе с Джорджем Вашингтоном. Но возоблада-
л дух автономии, и Великие ложи штатов сохранили
в неприкосновенности свой суверенитет¹³.

Жизнь американского масонства в XVIII в. протекала
без особых потрясений, если, конечно, не считать
период революционной эпопеи. Иначе обстояло дело в
XIX в.

Начиная с 1826 г. в связи с аферой Моргана
злобная антимасонская кампания захлестнула Соеди-
ненные Штаты. Поводом к ее развертыванию послужило
исчезновение и предполагаемое убийство, в действи-
тельности не подтвердившееся, Уильяма Моргана, кото-
рый объявил о своем намерении опубликовать книгу,
разоблачающую все «секреты масонства». В его смерти
были обвинены масоны. Смерть, впрочем, была легкой,
если учесть, что Морган объявился живым и здоро-
вым в 1831 г. Необходимо, правда, сказать, что повод для
провокации был дан самими масонами, небольшая груп-
па которых выступила на страницах провинциальной
газеты с угрозами в адрес Моргана. С 1826 по 1838 г.
американское масонство вступило в полосу глубокого
кризиса и преследований. Дело дошло до того, что
масоны и их семьи не имели больше права работать на
государственной службе, в школах и религиозных общи-
нах¹⁴.

В период 40-х годов XIX в. и в последующие
годы орден сумел восстановить свои силы и добиться
успеха. Широкое распространение получил так называе-
мый Древний шотландский обряд. Самый знаменитый
его представитель, генерал, языковед, эрудит и поэт Аль-
берт Пайк, в течение долгих лет бывший верховным
командором Южных штатов, внес основополагающий
вклад в культуру масонства. Речь идет о его книге
«Нравственность и догма» (1871), являющейся истолко-
вательным трактатом «высших шотландских степе-
ней».

Постепенно на протяжении XIX в. на территории
Соединенных Штатов начинают формироваться «сопут-
ствующие» масонские организации, сыгравшие значи-
тельную роль в закреплении масонства в американской
жизни. Так, в 1805 г. был создан первый «лагерь» рыца-
рей-тамплиеров. В 1850 г. появился орден «Звезда Вос-
тока», открытый для женщин. В 1870 г. благодаря ини-
циативе У. Флеминга был создан «Староарабский орден
тайного храма»¹⁵.

Тем временем в Европе произошли важные события. Массонство постепенно распространилось повсюду. Правда, сначала его распространение столкнулось с некоторыми трудностями. Начиная с 40-х годов XVIII в. наметилось значительное укрепление его численности. Улучшался и качественный состав лож. В 1773 г. была основана ложа Великий Восток Франции.

Колыбелью масонской жизни во Франции до революции 1789 г. являлась парижская ложа «Девяти Сестер», в которую входили наиболее выдающиеся представители культуры своего времени: Кондорсе, астроном Лаланд, скульптор Гудон. Во время своей дипломатической миссии во Франции членом этой ложи был Б. Франклин. Незадолго до смерти в 1778 г. в ее члены был посвящен Вольтер.

Во французских ложах XVIII в. можно было встретить кого угодно. Здесь бывали священнослужители, аристократы, буржуа, революционеры. Согласно законам математики, было бы невероятным, чтобы в этом множестве людей вдруг определилась какая-то общая линия поведения перед лицом событий, которые грозовой тучей уже сгустились на политическом горизонте Франции. Так что тезис аббата Баррюэля, утверждавшего в своих «Памятных записках к истории якобинства» (1797), будто Французская революция была задумана и подготовлена каким-то масонским «секретным комитетом», тезис, нашедший сторонников среди масонских кругов, следует считать фальшивкой.

Вольные каменщики были как в стане революционеров, так и в стане контрреволюционеров. Господствующей мыслью среди французских братьев-масонов было провести конституционную реформу, которая бы преградила путь насилию¹⁶. На крайних позициях стояли такие масоны, как Дантон и Марат, с одной стороны, и Местр и Тассен — с другой. Тассен — один из руководителей Великого Востока Франции, члены которого были гильотинированы.

Между распространением масонских идеалов и Французской революцией 1789 г. можно усмотреть разве что связь во времени, но отнюдь не причинную связь. То же, что было сказано нами в отношении Американской революции.

Кроме того, архивы французского масонства свидетельствуют, что единство отнюдь не царило в ложах революционного периода. Так, например, речь, содержа-

шая призыв к Генеральным штатам, произнесенная в 1789 г. на заседании ложи «Союз друзей», вызвала оживленную и ожесточенную полемику. Официально выступление было осуждено как «немасонское», так как расходилось с целями организации¹⁷.

В символике Французской революции немало знаков масонства: ватерпас, око в треугольнике, арка. Даже сама трехцветная кокарда, придуманная масоном Лафайетом, казалось бы, указывает на масонские цвета: первые три степени ордена — «голубые», степени с 4-й по 18-ю шотландского обряда — «красные», степени с 31-й по 33-ю — «белые». И тем не менее маловероятно, что такая аналогия могла бы реально существовать, а не быть простым историческим совпадением. (Высшие степени, как известно, еще не были окончательно определены в тот грозный 1789 г.¹⁸)

Французская масонская жизнь была нарушена революционным периодом. Ее возобновление в наполеоновскую эпоху давалось с немалым трудом, как бы подтверждая тот факт, что идеалы свободы, равенства и братства, которые составляли подлинную атмосферу масонских храмов, так и не были соответствующим образом перенесены, а быть может, и не могут быть перенесены в мир «светской жизни». Вероятно, прав был Андерсон, когда в «Книге уставов», написанной в 1723 г., предупреждал, что масонское братство «всегда процветало в эпоху мира». Скорее всего, между великими демократическими идеями Вольтера и взятием Бастилии не было такой безусловной причинно-следственной связи, какую многие пожелали увидеть.

Французская революция несет на себе масонский отпечаток только в том, что касается ее общих информационно-принципов, но отнюдь не в ее политической действительности.

Не подлежит сомнению, что терпимость в отношении религиозных мнений, провозглашаемая в Декларации прав человека 1789 г. и опровергнутая самим ходом революционных событий, характерна и для масонского мировоззрения. Точно так же масонскими или «английскими» были требования соблюдать неприкосновенность личности и законность, которые, хотя и не всегда зафиксированы в виде отдельных постулатов, представляют собой неотъемлемую часть духовности масонского братства. Не являются прерогативой масонства, как обычно полагают, ни определенный антиклерикализм в

духе антикатолического крестового похода, ни «политика» Французской революции.

Тезис о «масонском заговоре» был вскоре опровергнут. В 1801 г. адвокат Жан Жозеф Мунье издал свою книгу «О влиянии, приписываемом философам, франкмасонам и просветителям, на Французскую революцию», которая благодаря логике излагаемого материала и документальности вполне опровергает домыслы, содержащиеся в мемуарах аббата Баррюэля²⁰.

XVIII век прошел под знаком Французской революции. Для масонов это было столетие спиритуалистических течений. К наиболее примечательным относится течение, основателем которого был Мартинес де Паскаллис.

Об этом мыслителе мало что известно. Судя по всему, он был испанского происхождения и посвящен в масоны двадцатилетним молодым человеком. Известно также, что с 1755 г. в масонских кругах Южной Франции он вел пропаганду гностических учений, с которыми познакомился в одной из североафриканских стран. Речь идет о космогонии в ее теософской интерпретации, перекликающейся с основными сюжетами масонской традиции. Свои взгляды Паскаллис изложил в трактате «О восстановлении существ в своем исконном качестве, а также о силе духовной и божественной».

Согласно основанной этим автором традиции, известной под названием мартинистской, Верховное божество не есть прямой создатель материальной вселенной, которая, напротив, является результатом «имитационной» деятельности. Человек-архетип (Адам каббалы, София гностиков, последние из небожителей) создал свой собственный космос, расколовшийся впоследствии на бесчисленное количество «иллюзорных личностных образов». В результате наша человеческая вселенная, которая, будучи имитацией вселенной божественной, несет на себе ее отпечаток, при этом отличаясь от нее в силу многочисленных внутренних несовершенств.

Создавая свою вселенную, демиург, небесный Адам, совершил падение до уровня Адама земного. Так родился нынешний человек, которому, согласно учению Мартинеса де Паскаллиса, предписана жесткая дисциплина, основанная на общении с добрыми гениями и молитве, имеющих целью добиться «восстановления» своей личности, состояния, предшествовавшего грехопадению. Предложенная этим учением литургия мыслилась как

создание условий для конкретного познания глубин духа. Отсюда в истории мартинизма — спиритические видения, светоносные знаки и т. п.

Основной последователь Мартинеса де Паскаллиса — Луи Клод де Сен-Мартен, крупный авторитет масонства. Он сумел отвлечься от конкретики в учении своего наставника, сохранив при этом основополагающие принципы доктрины. Ему удалось, отказавшись от литургии, сосредоточить все внимание на внутреннем просвещении, носящем личностный и медитативный характер. На почве учения Мартинеса де Паскаллиса и Луи Клода де Сен-Мартена выросло движение мартинистов, история которого была бурной, насыщенной расколами, доктринальными спорами, взаимными недоразумениями. Сегодня мартинизм имеет много последователей во Франции и Италии ²¹.

Приговор, обычно произносимый историками мартинистам, не представляется полностью справедливым. О мартинистах принято говорить как о группе экзальтированных личностей, держащих круговую оборону на последнем рубеже средневекового иррационализма. Нам же представляется, что дело обстоит иначе. Прежде чем ликвидировать учение Мартинеса де Паскаллиса, следовало бы сначала попытаться «отменить» каббалу и христианский гностицизм. Но это не так-то легко совершить.

Люди всегда пытались найти объяснение тому, откуда происходит зло. По этому вопросу их мнения разделились. Монисты брались утверждать, будто зло не обладает самостоятельной реальностью, а является случайностью в ходе божественного творения, следовательно, изначально природным благом. Дуалисты постулировали существование начала, противоположного божественному, говоря об Аримане и Сатане, которые правят и обуславливают материальное изменение мира. Так что гностицизм и каббала, а следом за ними мартинистское учение, пытавшееся выступить их наследником, отражают интеллектуальное устремление, основанное на нравственном и рациональном императиве, соединить воедино монизм и дуализм в ходе рефлексии над природой зла. Гностики и каббалисты, равно как и мартинисты, не допускают и мысли о том, что мир со всеми своими жестокостями мог бы напрямую являться порождением божества, в которое они верят. При этом они же отвергают предположение об абсолютном зле, ибо, допустив его, они подрубили бы под

корень идею божественного единства. Таким образом, в ходе их рефлексии космической драмы возникает гипотеза о том, что зло является результатом деятельности некоей промежуточной силы, непротивопоставляемой божеству. Миф о Софии, как его приписывают гностической школе Валентина (II в. н. э.), обладает несомненным очарованием. Лоно божественного света породило зоны, небесные существа, создавшие плерому — божественный мир. Последний из этих эонов, София (Премудрость), покидает плерому, движимая любовью к неведомому Отцу, но оказывается в тенетах Тьмы. Из слез рождается мировая влага. Из печали — материальный мир. София не зло, но любовная страсть, заблуждение и незрелость. София погружена во тьму за любовь. В конце времен София будет возвращена в полноту плеромы²².

В гностических и каббалистических мифах скрыто глубокое значение. Оно способно возвысить нравственность того, кто проникает в их смысл, и пленить читателя. Так, у нас под рукой «катехизис» Ордена мартинистов, изданный после второй мировой войны. В нем содержатся увещевания, имеющие важный этический смысл: «Молитва, великая умная сила, способная открыть нам врата храма, должна практиковаться ежедневно, постоянно, но в чистоте помыслов и по вдохновению. Главное же — она должна быть вселенской. Ты должен молиться не за себя, но за всех. Падший эон ждет руки нашей помощи. Он тоже наш брат, и мы не вправе забыть его. Долг людей действовать так, как если бы между ними не существовало различий, осуществляя вселенское братство и даря милосердие всякому существу, не исключая животных, наших меньших братьев, которым предстоит подниматься по ступеням божественной лестницы и в будущем более достойно помогать великому делу Верховного существа...»

Далее в «катехизисе» говорится: «Если же мы испытываем отвращение к тому злу, которое сотворил неприятель, и поддаемся искушению сравнивать его с собственной чистотой помыслов, например противопоставим нашу щедрость его вероломству, нашу терпимость — его сектантству, нашу честность — его лживости и т. д., пусть даже и не осознанно и не испытывая на мгновение чувства гордыни, то все равно мы тотчас же утратим все преимущества, скажем так, собственного превосходства, ибо мгновенно привяжем себя к низости,

став соучастниками такого же вероломства, сектантства, лживости, которые мы порицаем. Чистота помыслов должна быть способной возвыситься до нашего идеала жизни, ей мы должны желать прибыть туда же, куда и мы сами стремимся,— к совершенной щедрости, совершенной терпимости, совершенной справедливости...»

Наряду со спиритуализмом мартинистов французское масонство XVIII в. пережило также и «герметическую мифологию» Иллюминатов Авиньона, инициационного центра, основанного аббатом Ордена бенедиктинцев Антуаном Пернети. То был глубокий эрудит, владевший знаниями о мифах народов мира, легендами древности и искусством алхимии. В практике созданного им братства многие авторы за христианским флером (церемония посвящения предусматривала совершение мессы и исповедание) усматривают возобновление розенкрейцерства²⁴.

На грани спиритуализма и пошлого оккультизма, масонского горения и шарлатанства возвышается фигура Калиостро (1743—1795), сыгравшего весьма заметную роль в истории французского масонства XVIII в. Уроженец Палермо (его подлинное имя — Джузеппе Бальзамо), он был посвящен в Лондоне в 1777 г. К этому времени он, очевидно, достаточно хорошо овладел практикой теургии* и спиритизма, сочетая ее с основами знаний по фармакопее, полученных им в молодости в одном из монастырей Кальтаджироне. С 1780 по 1783 г. он пребывал в Страсбурге, где слава его росла как на дрожжах. Некоторое время спустя в Бордо он основал свое «Египетское масонство» — причудливое переплетение магии и католической ортодоксии,— во главе которого стоял он сам, именуя себя «Великим коптом»²⁵. Масонские начинания Калиостро были порождением «лжеегиптологии», бывшей в моде во Франции XVIII в. Дело в том, что в 1731 г. аббат Террасон издал свой роман «Сет», получивший широчайшее хождение и неоднократно переиздававшийся. Следом за «Сетом» появилась целая серия романоподобных публикаций о «тайнах» древних египтян. Судя по всему, Калиостро решил воспользоваться этим интересом, ловко используя египтоманию своей эпохи, чтобы привлечь к себе внимание любопытных. Этим мы вовсе не хотим обвинить

* *Теургия* — вид магии, направленной на сотворение чуда. — *Прим. ред.*

Калиостро в трюкачестве, насчет которого историки и гораздо более авторитетные исследователи, чем мы, предпочитают не высказываться однозначно²⁶. Вполне вероятно, что за «египетскими» иносказаниями и посвящениями под сенью пирамид кроется какой-то путь к познанию. Быть может, Калиостро обладал особой психической энергией, которая сегодня составила бы интерес для парапсихологии.

Как бы там ни было, поведение «Великого копта» как масона носило характер необычного по тем временам вызова общественному мнению. Когда в 1785 г. он был приглашен на собрание масонов-филалетов («Друзей правды»), группы спиритуалистов, созданной в Париже маркизом С. де Ланжем, Калиостро ответил, что примет участие в собрании при условии, если филалеты обратятся в «египетских масонов». Он предложил даже собственноручно сжечь архив филалетов в обмен на допуск их к «высшему знанию», которым он якобы обладал. В Лионе Калиостро основал женскую ложу по египетскому ритуалу, названную им «Изис», а во главе ее поставил свою сожительницу Лоренцу Феличиани, которая нарекалась Царицей Савской.

Из-за преследований во Франции и Германии, также и со стороны масонов, относившихся к нему с подозрением, Калиостро переселился в Италию, в Папское государство. Несмотря на заверения в приверженности католицизму, инквизиция подвергла его аресту. На процессе Калиостро признался, или его вынудили признаться, в совершении немыслимых преступлений. Чего стоит, например, его рассказ об обряде посвящения в ложу баварских иллюминатов, масонского общества, которому инквизицией вменялся в вину заговор с целью «свержения трона и алтаря»²⁷. Калиостро был приговорен к смертной казни, затем она была заменена на пожизненное заключение. «Великий копт» умер в 1795 г., находясь в заключении.

В следующем столетии жизнедеятельность французского масонства разворачивалось под знаком растущего и набиравшего силу антиклерикализма.

Наполеон Бонапарт, который сам, согласно многочисленным свидетельствам, возможно, «обрел свет масонства»²⁸, принял в отношении ордена покровительственный тон, считая его прибежищем незрелых или впавших в детство бездельников, развлекающихся игрой в ритуалы и символы. Во времена Империи во Фран-

ции процветали женские ложи, которые посещала императрица Жозефина. Но это были лишь признаки декаданса масонства, утратившего мотивировку посвященности в общее дело. Масонство терпели, иногда с ним заигрывали, сводя, однако, все к салонной игре в знаменитые имена и куртуазность.

Духовность покинула ложи. Позитивизм мало-помалу воцарялся в культурной жизни Франции. Неудивительно, что в 1847 г. в масоны был посвящен даже Прудон, объявивший «войну» Богу не на жизнь, а на смерть. Известно, что Прудон был большим любителем «выходок», и это его объявление войны еще можно понять, если предположить, что речь шла о борьбе с извращенными представлениями и насильственным насаждением веры. Учетом также и несомненную неординарность многих проявлений его мышления. Важно другое — ложи погибли под натиском гораздо менее проблематичного атеизма, во Франции того времени торжествовал дух агностицизма и вольнодумства. И все это на фоне нарастающей политизации, принимавшей иногда двусмысленный характер, как, например, во время Парижской коммуны 1871 г., поддержанной рядом масонских групп²⁹, но неизменно направленной на установление над ложами тотального политического контроля со стороны правящих кругов. Таким образом, смысл и цели масонства были искажены и опровергнуты.

Логическим результатом масонствующего позитивизма явился Конвент Великого Востока Франции, состоявшийся в 1877 г., который упразднил ритуальную формулировку и ландмарку Великого Архитектора Вселенной. С предложением об этом выступил протестантский пастор, убеждения которого носили весьма неопределенный характер. Так, в 1881 г. он отказался от религиозной деятельности, посвятив себя политической карьере, завершившейся дурно пахнущим скандалом. Имя этого пастора — Фредерик Демон. Будучи докладчиком на Конвенте 1877 г., он, например, заявил: «Предоставим теологам труд обсуждать догмы. Предоставим авторитарным церквям труд формулировать запреты. Масонство же пусть остается тем, чем оно должно быть, — организацией, открытой всякому прогрессу, всякой нравственной и возвышенной идее, всякому здравому и либеральному направлению мысли»³⁰. Прекрасные слова, на первый взгляд вполне в духе ортодоксального масонства. Изначально в ложах воспрещены

религиозные диспуты, приветствуется же примат этики. Правда, пастор не объяснил, отчего следует упразднить понятие Великого Архитектора Вселенной, не являющееся особой теологической формулировкой, но, согласно масонской традиции, вселенским подтверждением животворящего божественного начала, действующего в реальном измерении. С этого времени Великий Восток Франции стал именовать себя «сугубо филантропической, философской и прогрессивной организацией». В действительности же превратился в центр «антирелигиозной» пропаганды.

В Германии и Австрии в XVIII в. масонство процветало. Переменчивость настроения правителей, порой занимавших враждебную позицию по отношению к ордену, не помешала, однако, его укоренению в этих странах. Деятельность ордена привлекла на его сторону многие лучшие умы Германии и Австрии, во многом предопределила культурную жизнь этих стран.

В Австрии масонство получило максимальное распространение при Иосифе II, «либеральном» императоре. Ложи стали центрами культурного развития, дружеских, свободных встреч между людьми, составляющими «культурную ткань» общества. Здесь отсутствовали доктринерские диспуты, которые в те же годы потрясали устои культуры в Германии и других странах. Харизматическим главой венского масонства был геолог и минералог И. фон Борн. Ему была свойственна широта интересов. Он вдохновил своими рассуждениями о «египетских тайнах» Моцарта написание «Волшебной флейты». Фон Борн был просветителем-энтузиастом. Ложа «Согласие», руководителем которой являлся прославленный ученый, способствовала в 1784 г. созданию ботанического и зоологического сада в австрийской столице, с тем чтобы способствовать распространению естественных наук. С этой же целью были снаряжены научные экспедиции в Америку и Африку³¹.

В окружении гостеприимных и дружески расположенных венцев был посвящен в масоны один из величайших гениев музыки, Вольфганг Амадей Моцарт. Он был принят в ложу 14 декабря 1784 г.

Все биографы и исследователи творчества Моцарта отмечают, что посвящение в вольные каменщики явилось для композитора важным событием, повлиявшим как на его жизнь, так и на творчество. Моцарт был убежденным масоном до конца своих дней и создал ряд

шедевров под влиянием масонского миропонимания. Под влиянием его энтузиазма отец Моцарта Леопольд также принял посвящение. В 1785 г. Моцарт присутствовал на посвящении в масоны другого великого музыканта — Франца Йозефа Гайдна³².

Не станем цитировать, как обычно принято, говоря о зальцбургском мастере, его биографа и исследователя его творчества Бернарда Паумгартнера. Обратимся к страницам книги Алоиза Грейтера «Моцарт», в которой, на наш взгляд, в наибольшей мере передана интимная сторона масонского служения Моцарта. Согласно А. Грейтеру, масонство для Моцарта имело прежде всего религиозное значение, заполнившее собой пустоты, возникшие вследствие охлаждения к католицизму. «Не благодать и искупление, но мудрость, доброта, братская любовь между людьми, жизнь, воодушевляемая мыслью о смерти, — вот идеалы, верность которым Моцарт старался сохранить. Вряд ли он ожидал, что все люди вдруг кинутся в объятия друг друга, подвигнутые на это чувством человеколюбия. Но в узком кругу, где все были равны друг другу, ему казалось возможным проявление человеколюбия и братства людей, совместно стремящихся к мудрости, исповедующих незыблемую веру в добро, правящее миром, которое лишь временно затемнено злом... Этим идеалам и служил Моцарт в последние годы жизни»³³. Но умер Моцарт в ужасающих условиях. Реальное поведение братьев-масонов ничуть не соответствовало проповедуемым ими идеалам. Когда Моцарт скончался в декабре 1791 г., они равнодушно взирали на то, как его бранные останки были брошены в общую могилу³⁴.

В Германии жизнь масонства протекала в борении самых противоречивых доктринальных тенденций. На двух противоположных полюсах находились неотапливаемые Светлейшего Ордена строгого соблюдения заветов, с одной стороны, и баварских иллюминатов — с другой.

Светлейший Орден был основан в 1751 г. бароном фон Гундом, страстным приверженцем традиций рыцарей-тамплиеров, который на протяжении всей своей «духовной миссии» неизменно утверждал, будто существуют некие Верховные неведомые силы, внушающие ему необходимость восстановить «тамплиерское» основание масонства.

Сейчас трудно установить, действовал ли фон Гунд с чистыми помыслами. Как и многие мистификаторы,

он обещал своим адептам раскрыть истинную масонскую тайну. Вкруг него собирались двусмысленные личности и шарлатаны. Трем масонским степеням (Ученика, Подмастерья и Мастера) он противопоставил особую иерархию, которая предусматривала в шестой степени квалификацию герольда. Все дело было поставлено таким образом, чтобы польстить аристократическому тщеславию тех кругов, к которым обращался фон Гунд. Его орден воспроизвел организационную модель Ордена тамплиеров, но был упразднен самими же масонами на заседании Конвента в Вильгельмсбаде, состоявшемся в 1782 г.³⁵

Орден фон Гунда явился средоточием мечтателей, пытавшихся возродить рыцарство, отчаявшихся оккультистов, стремившихся к возврату исконного масонского спиритуализма. Орден иллюминатов Баварии, основанный в 1776 г. профессором канонического права Адамом Вейсгауптом, был центром рационалистических поисков и социальной практики, находившейся в XVIII в. вне рамок масонской деятельности.

Цель, объявленная баварским орденом, состояла в постепенном образовании человечества в духе примитивного коммунизма, который, согласно Вейсгаупту, должен быть основан на естественной доброте разумного человека. В речи, с которой обращались к кандидату в члены ложи, утверждалось, например, что благодаря образовательной и воспитательной деятельности иллюминатов и их секретных обществ человечество возродится. «Цари и народы исчезнут с лика Земли без кровопролития. Человечество снова станет единой семьей»³⁶.

В свете сказанного парадоксально выглядит тот факт, что в Ордене иллюминатов активно участвовали и принцы крови, и государственные мужи. Иллюминаты предлагали рационалистическое прочтение христианства, которое, заметьте, вовсе не отвергали целиком, предпочитая свести христианское учение к принципам вселенского братства и естественной религии.

Между иллюминатами и Светлейшим Орденом, как уже можно было заметить, существовало огромное различие. И все же (тут мы подходим к самой, пожалуй, курьезной странице истории немецкого масонства XVIII в.) многочисленные масоны в поисках новизны и необычного опыта состояли одновременно как в группах неотамплиеров, так и в группах иллюминатов. С тем чтобы положить конец появлению многих новых

степеней и маргинальных группировок, в конце столетия Фридрих Людвиг Шредер, выдающийся деятель театра, предложил провести реформу масонства. Его предложение было с одобрением принято многочисленными ложами и одобрено масонской интеллигенцией, в частности такими видными ее представителями, как Гёте, Лессинг и Фихте³⁷.

В XIX в. немецкое масонство по-прежнему развивалось в направлении универсализма. Немало масонских групп, прежде сдерживаемых догмами христианской религии, открыли доступ и нехристианам³⁸.

В XVIII в. масонство появилось и в России под юрисдикцией Великой ложи Англии. В 1765 г. в Петербурге сложилась, однако, автономная масонская организация. Ядром ее была группа католиков, сочетавших ритуал первых трех масонских степеней с церемонией адептов высших степеней, собиравшихся в особых храмах.

В царствование Екатерины II масонство пережило свой «золотой век». Николай Новиков, ставший во главе организации, во многом способствовал расцвету русского масонства. В 1781 г. вместе с профессором Московского университета Шварцем Новиков основал общество, поставившее своей целью распространение культуры в народе. В 1787 г. в связи со страшным голодом, обрушившимся на Россию, он сумел организовать своевременную и обширную помощь голодающим в таких масштабах, которые прежде в этой стране не были известны. Императрица с симпатией взирала на филантропические предприятия масонов, которые, как известно, вызвали глухое недовольство государственной бюрократии. Благотворительные труды Новикова и его сподвижников были успешными и обнажали никчемность бюрократической машины. Известие о Французской революции, которая, как полагали в России, была делом рук масонов, напугало Екатерину, приказавшую, не мешкая, арестовать Новикова. С 1792 г. он несколько долгих лет провел в тюрьме.

Император Александр I, вступивший на престол в 1801 г. после убийства Павла I, был посвящен в масоны и способствовал деятельности лож, практиковавших так называемую «шведскую систему», основанную на строгом соблюдении христианских установлений. Орден был подчинен строжайшему правительственному контролю, так что Великий Мастер ордена Вебер

находился в непосредственном подчинении у министра полиции. Эта ненормальная ситуация повлекла за собой протест целого ряда лож, которые основали в 1815 г. Великую ложу «Астрея», по имени древнегреческой богини справедливости, нашедшей спасение на небе, когда люди начали ковать оружие для войны.

Новая организация терпимо относилась к самым различным масонским системам. Во главу угла она ставила идеалы демократии. Естественно, что царская полиция сосредоточила все свое внимание на «Астрее», позаботившись о внедрении в организацию шпионов и провокаторов из числа своих агентов. В атмосфере всеобщей подозрительности Великий Мастер «правительственной» ложи Кошелев обратился к императору с просьбой о введении единомыслия и однообразной дисциплины в русском масонском движении, в противном же случае — о запрещении его деятельности. Александр I приказал ложе закрыть. К началу XX в. в России сохранились только отдельные разрозненные ячейки, главным образом мистического толка, которые продолжали свою миссию полулегально³⁹.

В Италии XVIII в. масонство в основном отражало реальность страны, раздробленной на многочисленные карликовые государства. Везде были ложи, действовавшие под влиянием тех или иных иноземных покровителей — англичан, французов, австрийцев. Раздробленность движения проявлялась не только в политическом плане, но и в доктринальном.

В Венеции масонами были Казанова и Гольдони⁴⁰. Первый наряду со своими авантурными приключениями

*Печать «нерегулярной»
масонской ложи*

интересовался магией и каббалой. Гольдони, насколько известно, рассматривал масонство как наиболее подходящую компанию для дружеских вечеров за обильно накрытым столом.

В Тоскане «английские» ложи состояли из деистов и свободных мыслителей. В Пьемонте во второй половине столетия утвердилось направление тамплиеров-окультистов и течения мысли, связанные с французским спиритуализмом.

30 июня 1805 г. в Милане состоялось основание ложи Великий Восток, которую возглавил вице-король Эжен Богарне. В наполеоновскую эпоху это была первая попытка учредить центральную масонскую организацию, распространяющую свою деятельность на всю Италию. Андерсон, как известно, упоминает о Великой ложе Италии в своей «Книге уставов». Однако до сих пор так и не было найдено никаких следов существования подобной организации. После падения империи итальянская организация оказалась в кризисном состоянии. Ложи оказались совершенно неподходящим местом для наиболее беспокойных деятелей, осуществлявших конспиративную работу в масштабах всей страны. С этой целью были созданы многочисленные тайные общества, которые, как правило, пытались подражать языку и обычаям масонов. Думается, есть и другие исторические основания говорить о том, что между масонством и тайными обществами эпохи Рисорджименто существовала определенная организационная связь. Возьмем для примера общество карбонариев. При изучении ритуалов, принятых в обиходе карбонариев, обращает на себя внимание наличие многих точек соприкосновения с масонскими ритуалами⁴¹. Более того, известно, что масоны пользовались привилегированным статусом при приеме в карбонарии. Вот отчего когда Мадзини, находясь в крепости, обратился к Пассано с просьбой сообщить ему имена карбонариев, с которыми он мог бы переписываться, то его собеседнику пришлось прежде посвятить его в масоны (нарушив тем самым все необходимые правила), присвоив высокую степень, а уж затем сообщить требуемые имена. Только таким образом Мадзини мог установить переписку с карбонариями определенного уровня.

И все-таки между масонством и карбонариями не было, так сказать, неизбежной связи. Нет достаточных доказательств и совпадения их организационной структу-

ры. Даже такие апологеты масонства в период Рисорджименто, как У. Баччи, вынуждены были говорить о соперничестве между ними⁴².

Правда, выдающиеся масоны были среди деятелей Рисорджименто. Это и Федерико Конфалоньери, соратник Сильвио Пеллико, и Джузеппе Гарибальди, и Кавур. Как раз вокруг этих двух фигур и поляризовалась в то время масонская жизнь в Италии.

Во многом идеям Кавура обязана деятельность Великого Востока Италии, ложи, которая обосновалась в Турине с 1859 г., выйдя из состава ложи «Аузония», ревностной хранительницы трех первых степеней масонской символики. Гарибальди же был лидером «Шотландской» ложи, Верховный совет которой заседал в Палермо⁴³.

С 1861 г. и в последующие годы во многих итальянских городах происходили масонские «учредительные собрания», которые привели к тому, что в 1874 г. была наконец сформулирована унитарная масонская конституция, принятая в Риме, ставшем уже столицей единого государства⁴⁴.

В последние двадцать лет на исходе столетия столкновение между католической церковью и масонством в Италии приобрело драматический накал. Это было время, когда масоны организовали подписку по сбору средств на сооружение памятника Джордано Бруно в Риме. Памятник, созданный скульптором Этторе Феррари, который некоторое время спустя станет Великим Мастером Великого Востока Италии, был открыт 9 июня 1889 г. в присутствии более трех тысяч братьев-масонов, собравшихся под своими знаменами, обычно хранящимися в ложах.

Однако нельзя утверждать, что итальянское масонство, выступившее в конце XIX в. с антиклерикальных позиций, исповедовало атеизм. В 1894 г. Джозуэ Кардуччи, великий итальянский поэт, масон, имевший 33-ю степень Древнего шотландского обряда, произнес знаменитую речь о непресекающейся свободе Республики Сан-Марино. Идея Бога, сказал тогда Кардуччи, почти полностью изгладилась в «латинских» умах, и виной тому праведная реакция на предрассудки, носителем которых является католицизм⁴⁵. Однако, продолжал он, ни распушенность священнослужителей, ни гордыня философов не в состоянии изъять Бога из истории. Ибо Бог — «высшее мировоззрение, к которому устремлены народы»,

и «солнце людей высокого ума». Речь идет не о том или этом Боге, но о «едином и вселенском Боге народов». Речь идет, заключил Кардуччи, о Боге свободы и раскрепощения, которого знали Данте и Леопарди, Вашингтон и Мадзини⁴⁶.

Выступление Кардуччи весьма понравилось редакторам «Пикколо Мессаджеро»⁴⁷, периодического издания Итальянской евангелической церкви (протестантской), руководимой пастором Саверио Ферой, который в 1889 г. был посвящен в ложе «Двадцатое сентября» во Флоренции с присвоением 33-й степени шотландского обряда. Имя пастора связано с активным участием протестантизма в деятельности итальянского масонства на рубеже XIX—XX вв.

В 1908 г. произошел исторический раскол итальянского масонства. В ходе дискуссии в палате депутатов итальянского парламента по вопросу о преподавании католических догматов в средней школе группа депутатов-масонов, стремившихся заручиться поддержкой клерикалов накануне предстоящих выборов, не поддержала законопроект Биссолати, тоже масона, который выступил против обязательного преподавания религии в школе.

Большинство лож заявило протест. Великий Мастер и Великий Спикер предложили публично осудить поведение депутатов-оппортунистов. Саверио Фера, однако, поддержал их право на свободу голосования. Оказавшись в меньшинстве, он тем не менее продолжил борьбу иным способом. Фера присвоил документы и казну своей ложи. Затем он провозгласил основание масонского ордена, известного по месту пребывания его штаб-квартиры как «Масоны с площади Джезу». Судя по всему, за спиной Феры стоял Джолитти, возглавлявший тогда итальянское правительство. Раскол 1908 г. вызвал в последующей истории итальянского масонства немало потрясений.

Большинство масонов в эпоху первой мировой войны высказывались за вступление Италии в войну во имя защиты демократических принципов, поступая тем самым вопреки решениям международного масонского движения, стоявшего на позициях пацифизма и нейтралитета. В том, что касается фашизма, влиятельные масонские круги оказали давление на руководство ордена, потребовав от него поддержать программу начинающего фашизма «Сан-Сеполькро» (1919)⁴⁸. Так продолжа-

лось, однако, только до тех пор, пока движение, возглавляемое Муссолини, не обнаружило подлинную сущность своих намерений, скрываемых до поры до времени под демагогическими лозунгами «национального патриотизма» и наведения в стране демократического порядка.

«Зеленая змея» — так фашисты именовали масонство в своих публикациях начиная с 1923 г. — становится одной из главных мишеней насилия, чинимого фашистскими боевиками. Последовал систематический разгром масонских лож. Дворец Джустиниани в Риме, в котором находилось руководство итальянских масонов Великой ложи, был взят фашистами в осаду. Генерал Капелло, масон, организовал вооруженный отряд масонов для защиты своей штаб-квартиры. Руководителей ордена шельмовали в печати, подвергали запугиваниям и преследованиям. Наконец, фашистами была объявлена «охота на масона», начавшаяся глухой ночью 25 сентября 1925 г. во Флоренции. «Охота на масона» продолжалась две недели. В это время масонов было разрешено убивать, многие из них были тяжело ранены⁴⁹.

Большинство масонов с самого начала повели себя как непримиримые противники фашизма. Но и те, кто первоначально поддался фашистской демагогии, вскоре пересмотрели свои взгляды и также вступили на путь антифашистской борьбы. Характерным примером в этом смысле является жизнь и судьба Великого Мастера Домицио Торриджани. В 1923 г., выступая на собрании Великой ложи Нью-Йорка, Торриджани заявил о верности итальянского масонства идеалам Рисорджименто и провозгласил «верность духу терпимости в отношении всех верований, идеалам свободы и братской дружбы между народами, идеалам социальной справедливости, иными словами — идеалам демократии». Говоря о национальном патриотизме (именно в тот самый момент, когда этот лозунг широко использовался фашистами в империалистических целях), он сказал, что «масоны умеют сражаться с оружием в руках за свою Родину, умеют они и отдать за нее жизнь. Но они помнят также и об общем для всех народов наследии гуманизма и цивилизованности, которое необходимо защищать так же, как и свои отеческие алтари. В защите нуждаются все угнетенные и все слабые мира сего»⁵⁰.

Торриджани, умерший совершенно слепым в 1932 г., собственной жизнью доказал верность провозглашенным идеалам. До последнего часа он боролся за их торжество

у себя на родине. Находясь в ссылке на острове Липари, он вместе с коммунистом Джулио Вольпи организовал курс лекций для сосланных антифашистов, за что подвергался преследованиям полиции и фашистских активистов. В Понце, куда он затем в наказание был переведен, ему удалось даже основать ложу, символически названную именем Карло Пизакане. В этой ложе объединились братья самых различных политических тенденций — либерал Плачидо Мартини, коммунист Сильвио Кампаниле, зверски уничтоженные фашистами в Ардеатинских карьерах, масоны Албанезе, Челани, Магри и Дзакканьини. Уроки Торриджани не пропали даром, о чем свидетельствует антифашистская борьба Ферруччо Валобры, Марио Яккиа, Альфредо Кремьо и многих других масонов, которые во время партизанской войны во главе отрядов и Комитетов Национального освобождения воплотили на практике лозунг Карло Росселли и Марио Анджелони: «Сегодня в Испании, завтра в Италии»⁵¹.

Самое мощное на протяжении первых десятилетий XX в. французское масонство было раздавлено войной и нацистской оккупацией. По некоторым данным, во Франции за этот период было расстреляно 945 братьев-масонов, 6 тысяч арестовано и депортировано в концлагеря Германии.

В самой Германии дело обернулось еще хуже — там гестапо уничтожило не менее 1265 масонов⁵².

В то время как во Франции, после того, как закончилась «полоса смерти», организационный разброд и соперничество между различными ложами продолжились, в Германии сохранившиеся Великие ложи, подвигнутые страданием к более глубокой солидарности, приняли решение объединиться в единое масонство, которое и было провозглашено на Франкфуртском съезде 19 июня 1949 г.

В других странах Европы масонство после войны так и не возродилось. Его закат продолжался. Например, в Испании массовое участие масонов в рядах антифранкистов во время гражданской войны обошлось им тотальным запрещением ордена. Правда, известно, что каудильо все равно запустил бы антимазонскую машину репрессий на полный ход даже и в том случае, если бы братья-масоны и относились к нему менее враждебно.

В социалистических странах Восточной Европы масонские ложи прекратили свое существование. Они подверглись серьезной критике средствами пропаганды, так

*Патент капитула розенкрейцеров
шотландского обряда*

же как и деятельность наиболее видных масонов, например президента Чехословакии Э. Бенеша, ушедшего из жизни еще в 1948 г. Можно сказать, что в этих странах масонство иссякло как течение мысли. Когда Бертольд Брехт предлагал учредить «хотя бы одну масонскую ложу, посредством которой можно было бы войти в контакт с зарубежным масонством, разумеется с целью расширения сферы коммунистической пропаганды»⁵³, это предложение не было принято всерьез. Таким образом, здесь масонству был вынесен исторический приговор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Jones V. E. Freemasons' guide and compendium, p. 168—169.
2. Idem, p. 166—171.
3. Согласно Джонсу, существует прямая связь между андерсеновскими уставами и рукописями «древних обязанностей». Нам же представляется, что «универсалистская» реформа, сформулированная в первой «обязанности» (почитать Бога и религию), является

действительным нововведением в масонскую практику, хотя ей и предшествует тот творческий дух, с которым оперативные масоны подходили к исповедуемой ими католической вере.

4. Massoneria Italiana-Grande Oriente d'Italia «Antichi Doveri, Costituzioni, Regolamento», p. 3—4.
5. Джон Толанд (1670—1722) является представителем наиболее радикального крыла английского рационализма. Он был особенно одиозной фигурой в английской культуре своего времени, его обвиняли в интеллектуальной распушенности и безбожии. Толанд способствовал созданию тайных философских обществ, известных под названием «сократических», для которых он разработал особый ритуал. Сведения об этом ритуале можно почерпнуть в труде самого Толанда «Пантеистикон», в котором немало общего с масонскими воззрениями.
По мнению А. Меллора, инвективы направлены не против Толанда, а против герцога Филиппа Уартона, масона, бывшего также Великим Мастером, который любил развлекаться в обществе друзей в клубе «Адское пламя», где собирались любители горячительных напитков и крепкого слова.
6. См.: Casini P. L'universo-macchina (origini della filosofia newtoniana), p. 18, 186.
7. См.: *Rivista Massonica*, № 7, set. 1976, p. 397.
8. См.: Jones V. E. Op. cit., p. 195.
9. Idem, p. 201—202.
10. Idem, p. 222.
11. См.: Gamberini G. Mille volti di Massoni, p. 37.
12. См.: J. Royal Case. American Union Lodge, February-August 1976.—*The Philalethes*, № 1, febr. 1976.
13. См.: Fay V. La Massoneria e la rivoluzione intellettuale del sec. XVIII, p. 242—243.
14. См.: Lennhoff E. Il Libero Muratore, p. 171—172.
15. См.: Vacci U. Il libro del Massone Italiano, vol. 2, p. 41; Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maconnerie et des Francs-Masons, p. 202.
16. См.: Lennhoff E. Op. cit., p. 76—77.
17. См.: Palou J. La Franc-Maconnerie, p. 184.
18. Idem, p. 188.
19. См.: Antichi Doveri, p. 4. — In: Massoneria Italiana — Grande Oriente d'Italia. Antichi Doveri, Costituzioni, Regolamento.
20. См.: Mellor A. Op. cit., p. 169.
21. При исследовании мартинистского учения несомненный интерес может представить флорентийский журнал «Знание» («Conoscenza»). Менее доступен «Трактат» Мартинеса де Паскаллиса, не так давно изданный во Франции.
22. Изложение мистических космогоний гностицизма содержится в «Христианских гностических текстах» (изд. Латерца) под ред. Дж. Вентуры и «Христианских гностических космогоний» (изд. Атанор). Первая книга — это антология оригинальных текстов. Во второй книге собраны истолкования христианско-гностических учений.
23. В Италии в настоящее время имеются две основные группы мартинистов. Первая именует себя «Избранниками Коэна» и не ведет никакой активной деятельности, переживая период реорганизации в поисках подлинной основы «мартинизма». Эту группу возглавляет масон, подчиняющийся штаб-квартире, расположенной во дворце Джустиниани. Вторая группа — Орден мартинистов, куда

- принимаются женщины. В настоящее время его возглавляет лидер малочисленной так называемой «египетской» фракции, следующей ритуалам мемфис-мишраимского направления. Орден мартинистов находится под влиянием традиций, чуждых мартинизму, например теософии школы Блаватской и т. п.
24. См.: Ambesi A. C. I Rosacroce, p. 244—249.
 25. См.: Mellor A. Op. cit., p. 242.
 26. Франкович (C. Francovich) в своем жизнеописании Калиостро (см.: Storia della Massoneria in Italia dalle origini alle Rivoluzione Francese, p. 435—475) говорит о своем герое как о человеке, вся жизнь которого была сплошной авантюрой, чередованием взлетов и падений. При этом, подчеркивает биограф, Калиостро никогда не изменял своим внутренним убеждениям.
 27. См.: Francovich C. Op. cit., p. 468—469.
 28. См.: Lennhoff E. Op. cit., p. 79; Palou J. Op. cit., p. 218—222.
 29. Специальное исследование о связях масонов с Парижской коммунуной написано Дж. Гамберини (см.: Gamberini G. La Comune di Parigi. — *Rivista Massonica*, № 2, feb. 1975, p. 83—92).
 30. Palou J. Op. cit., p. 264.
 31. См.: Lennhoff E. Op. cit., p. 133.
 32. Idem.
 33. Greither A. Mozart, p. 57—60.
 34. Idem.
 35. См.: Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 151.
 36. Francovich C. Op. cit., p. 324.
 37. См.: Lennhoff E. Op. cit., p. 100—115.
 38. Idem, p. 208.
 39. См.: Damm A. von. The Masonic Movement in Russia in brief. — *The Philalethes*, № 1, feb. 1976.
 40. См.: Francovich C. Op. cit., p. 133—147.
 41. См.: Mac Kenzie N. Le societa segrete. Ap. 2, p. 324—327.
 42. См.: Bacci U. Il libro del Massone Italiano, vol. 2, p. 69. Работы У. Баччи, которая неоднократно цитируется на наших страницах, не является, строго говоря, «научно-исторической», так как в ней слишком много от художественной прозы. На наш взгляд, А. Мола вполне справедливо определил ее как «археологическое застолье», когда гостеприимный хозяин выложил на стол все свои съестные припасы. «Книга итальянского масона вышла из-под пера столь живописной, что может поспорить с прославленными натюрмортами. В этой книге читатель найдет и розенкрейцеров, и тамплиеров, и трубадуров, и избранников любви, и альбигойцев, и патаренов, затем натолкнется на терапевтов, эссеев, каббалистов, но и это еще не все, так как вскоре он познакомится с друидскими и пифагорейскими обрядами, элевсинскими мистериями, тайнами кабиров, культом Исиды, Митры, Великой Матери, персами — Орозоманом и Ариманом... И все это без малейшего намека на филологические науки, критические изыскания, документальный материал, научный аппарат...» Нам трудно сказать, опечатка ли виновата или Мола преднамеренно пишет «Орозоман», тогда как у Баччи сказано «Оромаз», что более принято в итальянской литературе, посвященной Ахура-мазде — Премудрому Господу, этическому божеству, которого прославлял в надписях Дарий I, желая тем самым добиться успеха в осуществлении своих военно-политических планов: «Vasna Auramazdaha») («Под покровительством Премудрого Господа»). Однако сколь приблизительными ни были бы «археологические»

установки У. Баччи (что подтверждает, например, неверная этимология имени религиозного реформатора Заратустры), нам все-таки хотелось бы спросить А. Мола, весьма авторитетного историка, приходилось ли ему когда-либо, пусть поверхностно и бегло, заниматься исследовательской работой в области истории эзотерических учений? Со своей стороны такую работу мы скорее бы назвали «реконструктивной», нежели документальной, так как в данном случае критический инструментарий классической историографии вынужденно уступает место субъективным критическим суждениям исследователя. Мы говорим «вынужденно» потому только, что иначе и невозможно, когда имеешь дело с недоговоренностями, иносказательностью, криптографичностью и двусмысленностью источников. Разумеется, немалую помощь в таком случае могут оказать филологические науки. Но мы полагаем, что так или иначе допустимо применять методы психологической теории архетипов и при изучении истории и вскрывать, как это делал У. Баччи, значимые связи и «духовные заветы» там, где филология оказывается бессильна из-за полного отсутствия материала.

43. См.: Comba A. Patriottismo cavouriano e religiosita democratica nel Grande Oriente Italiano. — *Rivista Massonica*, № 1, gen. 1974, p. 3—27; Vacci U. Op. cit., vol. 2, p. 196—197.
44. См.: Vacci U. Op. cit., vol. 2, p. 166.
45. Idem, p. 368—369.
46. См.: *Rivista Massonica*, № 5, mag. 1974, p. 289—290.
47. См.: Spini G. L'evangelo e il berretto frigio (Storia della Chiesa Cristiana Libera in Italia 1870—1904), p. 190—191.
48. Работа А. Мола (Storia della Massoneria Italiana dall' Unita alia Repubblica), содержащая внушительный документальный материал, в то же время имеет один недостаток, так как излагает, по сути дела, только «политическую историю» итальянского масонства, пренебрегая «культурной историей» этого движения.
49. См.: Mola A. Op. cit., p. 504.
50. Torrigiani D. Per l'unita della Massoneria Universale (Discorso alla Gran Loggia di New York il 2 maggio 1923) — *Ordine Massonico*, dic. 1965, p. 7.
51. См.: Mola A. Op. cit., p. 606—607.
52. См.: Gamberini G. appendice a «Il Libero Muratore» di E. Lenhoff, p. 339, 347.
53. Idem, p. 348, 350—351.

В 1785 г. Вольфганг Амадей Моцарт по случаю при- суждения его отцу Леопольду масонской степени Под- мастера написал великолепную арию для голоса и фор- тепьяно «Gesellenreise», вошедшую под номером 468 в ка- талог Кёхеля. Слова, принадлежащие Ф. Ратшки (F. Ratschky), можно изложить примерно следующим образом: «Скоро ты поймешь, что путь твой прям. Знай, что это тропинка, ведущая к мудрости. Будь настойчив, не сбивайся с пути, так ты приблизишься к источнику Света».

Степень Подмастера, согласно масонской иерархии, подтверждает правильность избранного пути и обязывает всякого, кто вступил на него, быть настойчивым и не- преклонным. У. Порчатти усматривает в этой степени те- му активного начала. «Степень Ученика обязывает посвя- щенного понимать великую тайну своего существования и путем самосовершенствования становиться более дос- тойным собственной жизни. Степень Подмастера обяза- вает трудиться для других, приносить пользу в жизни...»¹

Исторически эта степень унаследована масонством нового времени от оперативного масонства. При этом Андерсон в своей «Книге уставов» сделал одно добавле- ние. Оперативные масоны знали степень «Fellow» (по- мощник, товарищ), Андерсон же назвал ее «Fellow Craft» (товарищ по ремеслу, подмастерье).

Судя по всему, невозможно, хотя бы отчасти, вывести этот термин из французского понятия «compagnonnage». Французский исследователь масонства А. Меллор не ви- дит здесь никакой связи. Точно так же и Б. Джонс опровергает подобные гипотетические предположения².

В практике современного масонства, как известно, ученичество завершается не раньше чем через год пребы- вания в масонах. Инициация в степень Подмастера совершается согласно ритуалу, который, по мнению мно-

гих авторов, не так насыщен духовностью, как ритуал посвящения в Ученики и Мастера.

А. Меллор и Ж. Буше пишут даже, что ритуал посвящения в Подмастерье содержит вполне «светские» элементы. По мнению С. Фарины, напротив, «степень Подмастерья, несмотря на всю свою значимость, нередко присуждается инициаторами без особого рвения, следовательно, и иницируемые не до конца понимают смысл происходящего. Это, несомненно, связано с чрезвычайной простотой формы, принятой при посвящении в эту степень. Но если взглянуть внимательно в происходящее, то нельзя не признать, что степень Подмастерья содержит весьма полезные и ценные поучения. Впрочем, простота церемонии вполне объяснима. При посвящении в 1-ю символическую степень масонство обращается к непосвященным, которым надлежит уяснить общие принципы и начала доктрины. При этом важно объяснить это в торжественной обстановке с демонстрацией характерных символов своего языка. При посвящении во 2-ю степень масонство обращается к братьям, уже воспринявшим его заветы и лишь дожидаящимся благоприятного случая, чтобы применить их на практике. В связи с этим общая картина до крайности проста и образно небогата...»³.

Ритуал инициации разворачивается посредством пяти символических путешествий и созерцания пламенной звезды, в которой заключена литера «G».

При совершении первых четырех символических путешествий посвящаемый в степень Подмастерья имеет при себе по паре следующих рабочих инструментов: молоток и долото, линейка и шпатель, линейка и циркуль, линейка и угольник. Они символизируют различные операции, которые каменщик-масон совершает при работе с камнем: отесывает его, придает ему правильную форму, поднимает его и укладывает в нужном месте и т. д. Имея в виду перенос по функции, это инструменты, символизирующие работу масона над собой.

При совершении пятого путешествия руки посвящаемого ничем не заняты. Согласно Фарине⁴, этот ритуал символизирует необходимость для Подмастерья отложить в сторону рабочий инструмент и заняться теорией архитектуры, то есть заняться чисто духовной работой, связанной с самосовершенствованием, которая будет завершена при посвящении в степень Мастера.

Каждое из пяти символических посвящений сопро-

вождается поучением, которое произносит Достопочтенный Мастер. Тема его поучений (над которой так любят насмехаться некоторые критически настроенные авторы) — пять чувств, архитектура, семь свободных искусств, пять посвященных, труд и свобода.

Поучение о пяти чувствах раскрывает начала нравственности и духовности. Зрение — «генератор воображения». Слух — «усилитель голоса совести». Осязание — водораздел между человеком и предметами, которые, свидетельствуя о сопотивлении материалов, делают возможными измерения и их понимание. Вкус и обоняние — пути грубой чувственности, которой следует не бояться, а воспитывать и утончать.

В центре поучения об архитектуре — три стиля: дорический, ионический и коринфский. В легенде о происхождении коринфского стиля, на наш взгляд, можно усмотреть предвосхищение темы смерти и воскресения, излагаемой в предании о Хираме, о котором мы еще расскажем в следующей главе.

Возле могилы коринфской девушки была оставлена корзина с ее любимыми цветами. Над гробовой плитой был устроен черепичный навес. Корзина стояла возле куста аканфа, травянистого растения, произрастающего на всей территории Средиземноморья. Весной корни аканфа проросли, и его ветви обвили корзину. Натолкнувшись на черепичный навес, завернулись под ним, словно свиток. Восхищенный Каллимах заметил увитую аканфом корзину и, потрясенный невиданной формой, запечатлел ее в орнаменте коринфской капители.

Мы сопоставили эту легенду с преданием о Хираме. Несомненно, между ними существует важное различие с точки зрения как формы, так и содержания. Предание о Хираме, возникнув на основе античных мифов, повествующих о смерти и воскресении, имеет ярко выраженный масонский характер. Библейские здесь только имя и этический пафос. «Коринфское» сказание не обладает признаками масонства. Хирам воскресает в новой телесной оболочке. Она реальна и не фантазмагорична. Коринфская девушка так и остается спать вечным сном под гробовой плитой. Только кусты аканфа служат напоминанием о прошедшей жизни. Однако как в той, так и другой легенде смерть преображена. И в Коринфе и в Иерусалиме живое растение (аканф и акация) является вестником преображения. Но о символике растений мы поговорим в следующей главе.

Подмастерье получает образование в области свободных искусств. Семь свободных искусств, в которые входит «литературный тривиум» (грамматика, риторика и логика) и «научный квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка), были фундаментом средневекового обучения. В них со всей очевидностью проявляется культурный универсализм, к которому тогда стремилось христианство. В масонской символике универсализм является лейтмотивом. Свет семи свободных искусств символически освещает все мироздание: небо (астрономия), формы и землю (геометрия), слово (грамматика и риторика), мысль (логика) и эмоции (музыка).

Некоторые авторы полагают, что наставление в семи свободных искусствах сводится к «мирскому» катехизису, выдержанному в духе известного сциентизма, существующего как бы на обочине масонского движения. Мы не разделяем этой точки зрения. Достаточно вдуматься в, казалось бы, простые слова поучения Мастера о музыке, «владеющей силой пробуждать огонь энтузиазма или вселять успокоение в сердца людей», чтобы заметить, насколько подобное «терапевтическое» прочтение музыкального творчества связано с пифагорейскими представлениями о музыке. Джамблико излагает их, например, следующим образом: «Пифагор верил, что музыка во многом способствует укреплению физического здоровья. Весной он выполнял такое вот музыкальное упражнение: в центре круга помещался музыкант, играющий на лире, вокруг него располагались певцы. Хоровому пению в это время года он отводил немалое время. Но и в течение всего года музыка использовалась как терапевтическое средство. Существовал набор мелодий, призванных усмирять страсти, преодолевать состояния депрессии или упадка духа. Считалось, что лечить подобные состояния лучше всего музыкой. Были у Пифагора мелодии для преодоления гнева и возбуждения...»⁵

Не прошло и двух с половиной тысяч лет, как отзвучали пифагорейские мелодии, и вот мы видим: во всем мире стали возникать научные общества по изучению музыкальной терапии. Во главе итальянского общества, как известно, находятся видные ученые. Почетным председателем является Чезаре Музатти, известный психолог.

Возвращаясь к вопросу об эзотерическом толковании семи свободных искусств, заметим, что и арифметика может быть интерпретирована таким способом. Вспомним хотя бы о каббале⁶.

Дело в том, что каббалу можно рассматривать как чрезвычайно интересную теософскую систему, расцвет которой связан с развитием габраизма начиная с VII в. н. э. «Каббала» означает «передача традиции», буквально — «приобретение» доктрины. Наиболее известные каббалистические тексты — Книга Творения (*Sepher Yesirah*) и Книга Сияния (*Zohar*). Доктринальное наследие школы находилось в центре внимания герметистов и неоплатоников в Италии XV—XVI вв., в особенности же Пико делла Мирандола, который в своем слове «О достоинстве человека» утверждает с присущей ему страстностью, что взял на себя обязательство ответить публично, пользуясь только числами, на 74 вопроса, считающихся главными среди вопросов о физике и божестве. Пико делла Мирандола полагал также, что «истинное толкование закона, данного Господом Моисею, закона богооткровенного... называется каббалой, то есть в переводе с еврейского на латынь «гесертio». Это, разумеется, возможно в связи с тем фактом, что доктрина была передана не посредством письменного документа, но посредством соответственного хода откровений, получаемых одним от другого...»⁷.

Но оставим Пико делла Мирандолу, который сдержал слово, написав «Выводы каббалистики» (*Conclusiones Cabbalisticae*), и обратим внимание на изложение каббалистического учения. Согласно этому учению, божество можно понимать двояко: как абсолют, и тогда оно *En Soph* — бесконечное, или как объект познания. В последнем случае мы имеем дело с двумя эманациями, являющимися атрибутами объекта познания. Это десять *Sefirot*: *Kether* — венец, *Hosmah* — мудрость, *Binah* — разум, *Hesed* — добро, *Din* — суд, *Tiphereth* — слава, *Nesah* — сияние, *Hod* — мощь, *Yesod* — основа, *Malkuth* — царство.

Десять *Sefirot*, о символично-доктринальном значении которых мы не станем говорить подробно, образуют «архетип человека», Адама-Кадмона, искаженным и размытым образом которого является земной человек. Все души возвращаются в лоно божественного блаженства (представления о «вечных муках», таким образом, воспрещены) посредством процесса очищения, свершающегося благодаря многократному опыту существования души в физическом теле (представления о метемпсихозе допускаются). Согласно каббале, если какая-то душа опаздывает в процессе очищения, то в таком слу-

чае другая, более развитая душа как бы удочеряет ее и питает ее духовно.

В данном случае нас, однако, не интересует теология (или теософия) каббалы. Нам хотелось бы только напомнить, что в ее лоне развились:

а) символия числа, в силу которой числа первого десятка (как, впрочем, и в пифагорейской нумерологии) наделены особым значением и соотношенностью с вышеперечисленными эманациями;

б) «гематрия», метод библейской и текстовой интерпретации, основанный на численном эквиваленте буквы. Этот метод многие считают произвольным и фантастическим. Мы же вспомнили о нем только для того, чтобы подчеркнуть эзотеризм арифметики, одного из семи свободных искусств, которые появляются в ритуале посвящения масона в степень Подмастерья.

Существует тайна числа. П. Вирио, перефразируя стиль Книги Сияния, пишет, например, так: «Число есть множество, состоящее из единиц»⁸. Ив самом деле: четыре — это всего лишь четырежды один. Подобные ссылки на единицу превращают науку о числах в некую мистику.

Совершив пятое символическое путешествие, то путешествие, когда руки у него ничем не заняты, посвящаемый в Подмастерье заканчивает трудиться над неотесанным камнем. Напомним, что работа началась с тех пор, как он был посвящен в Ученики. С этого момента масон трудится над камнем, имеющим кубическую форму. Отныне ему позволено созерцать пламенную звезду и «познавать» литеру «G»⁹

С геометрической точки зрения звезда, согласно Буше, соответствует пентаграмме пифагорейцев¹⁰. У них пентаграмма была символом здоровья и, быть может, опознавательным знаком. Буше отождествляет пентаграмму с символом, о котором сказано в знаменитом отрывке из Джамблико: «Рассказывают, что один пифагореец, совершая длительное путешествие в пустынных краях, очутился наконец в каком-то приюте, где из-за усталости и тягот пути надолго заболел, так что все деньги, бывшие у него, кончились. Хозяин из сострадания и симпатии к этому человеку продолжал держать его у себя, не отказывая ни в чем. Но болезнь усугублялась. И бывший при смерти странник вырезал на доске некий символ, обратившись к хозяину с просьбой выставить этот знак на дороге после того, как он умрет, быть может,

какой-нибудь прохожий откликнется на призыв... Спустя немало лет в этих местах проходил другой пифагореец и, узнав по знаку человека, начертавшего символ, стал расспрашивать хозяина о том, что случилось, и заплатил ему денег больше, чем было потрачено...»¹¹

Кроме пифагорейского толкования пентаграммы, существует по меньшей мере еще три основные немасонские интерпретации этого знака, называемого также пентагальфой, пентагероном и пр. Речь идет о толковании христианско-тринитарном, магическом и алхимическом. Есть и каббалистическая интерпретация, которая, впрочем, излишне темна.

Согласно Б. Джонсу, в христианско-тринитарной символике пентаграмма представляет пять ран Иисуса Христа или, в более изощренном прочтении, световое постижение двух великих мистерий веры: Троицы (Отец, Сын и Дух Святой) и двойственной природы Христа (Человек — Бог). Второе толкование очевидным образом связано с «числовой» транскрипцией двух мистерий: 3 + 2 равно пяти лучам пентаграммы¹².

В магической символике пентаграмма весьма распространена. В «белой» магии пентаграмма представляет человеческий микрокосмос, пять оконечностей тела и пять его тайных центров силы, которые «белая» магия как раз и претендует пробудить ото сна. В «черной» магии пентаграмма является символом сил преисподней. В действительности же глупейшая и нелепейшая практика, известная под названием «черной» магии, не имеет, как напоминает М. Холл в своем «Энциклопедическом абрисе масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровой символической философии», никакого подлинного символического строя. Более того, «черная» магия заимствует символы из «белой» магии, переворачивая их знак, разрушая их целостность и искажая до гротеска. Именно так и обстоит дело с пентаграммой, фигурирующей в «черной» магии в перевернутом виде, когда два луча обращены вверх, а один луч вывернут вниз. Кроме того, в «черной» магии символ пентаграммы также разрушен, так как две конвергирующие линии не соединены, и искажен деформацией — длина лучей разная¹³.

Что касается алхимического толкования пентаграммы и самой пламенной звезды, то напомним тезис барона Чуди, который в своем рассуждении «О пламенной звезде или обществе франкмасонов» (1766) отождествлял ее

с «квинтэссенцией», обладавшей, по мнению алхимиков, властью преобразать материю и, следовательно, являвшейся корнем, ядром, получаемым в результате алхимических операций, главным образом благодаря целой череде «дистилляций»¹⁴.

У масонов пламенная звезда символизирует человеческий гений, на который Подмастерье взирает с почтением. Человеческий гений понимается масонами как луч божественного света. Судя по всему, масоны разделяют ту интерпретацию, которую современный индийский философ Шри Ауробиндо дает понятию «созерцание звезды» в области философских представлений, не являющихся специфически масонскими. «Звезда — это неизменное обещание света, который грядет. Звезда превращается в солнце, когда опускается свет». (Из книги «Девять знаков света о йоге».)

Внутри пламенной звезды находится литера «G», один из наиболее известных символов масонства. Этой литере в Италии приписывают целый ряд значений: «G» в слове «Grande», «G» в словах «геометрия», «гносис», «гений», «генерация» и т. д. В Англии символическое значение «G» признают только за словами «God» и «geometry» — Бог и геометрия.

С библиографической точки зрения масонская интерпретация литеры «G» — геометрия — восходит к книге «Дух масонства» («The Spirit of Masonry»), написанной Уильямом Хатчинсоном в 1775 г. по особому поручению Великой ложи. Мотивировка автора этого сочинения, на наш взгляд, типично деистическая и механистическая, вполне в духе ньютонизма, господствовавшего тогда в английской культуре. То же можно сказать и о формулировке «Великий Архитектор Вселенной», которая, казалось бы, имеет прочные основания в традиции, а на поверку оказывается изобретением ньютонианцев. Итак, Хатчинсон писал, что геометрия, по мнению масонов, «содержит в себе детерминированность, дефиницию и доказательства порядка, красоты и мудрости Бога в его творении»¹⁵. В общем, звучит как научно-популярное изложение «космологического доказательства», столь дорогого сердцу такого ньютонианца, каким был Сэмюэль Кларк.

Судя по всему, применение литеры «G» в качестве символа геометрии восходит к 1525 г.¹⁶ В этом году в Страсбурге была издана «География» Птолемея, в орнаменте которой были показаны: колонна, арка, херувим,

символическое изображение угольника и циркуля с литерой «G» в центре. Вне всякого сомнения, эта литера ассоциируется в данном случае с искусством геометрии, «проекцией» которой может считаться география.

В одном из исследований, подготовленном более полувека назад Джоном Торпом по поручению Общества масонских исследований, выдвинута гипотеза, что литера «G» появилась в центре пламенной звезды в результате своеобразной метаморфозы. Дело в том, что, как утверждает автор гипотезы, английские ложи XVIII в., желая провести различие между трудом, совершаемым масоном степени Подмастерья, и трудом Ученика, поместили в изображение звезды угольник. Угольник (gallows square), бывший в обиходе в то время, имел форму греческой гаммы, соответствующей в латинской графике «G». Так постепенно и произошла подмена литерой изображения угольника¹⁷. Однако данная гипотеза не представляется исчерпывающей и должна быть дополнена как действительными (God), так и геометрическими (geometry) толкованиями. Представляется произвольной интерпретация О. Вирта, который полагает, что литера «G» является искажением алхимической идеограммы соли (B)¹⁸.

Бросив по необходимости беглый взгляд на ритуал и символику, вернемся к вопросу о роли степени Подмастерья на масонском пути. Итак, это промежуточная степень. Подмастерье ожидает того времени, когда он сможет стать Мастером. Духовное содержание его инициации не рассчитано на длительный срок, так как вскоре он будет призван завершить свой масонский опыт. Если мы правы, то непродолжительность срока пребы-

*Ребис — символ алхимии:
в правой руке — циркуль,
в левой — угольник.*

*Гравюра из книги Базилио Валентино,
известного алхимика XVI в.
Алхимия не «предыстория химии»,
а самостоятельная эзотерическая
и символическая наука*

вания в степени Подмастерья можно объяснить точными историческими причинами.

В период формирования ритуала и доктрины нынешних масонских степеней английское масонство было разделено на две Великие ложи: ложи «старых» и «новых» масонов. Первая делала акцент на значении степени Мастера и, по сути дела, пренебрегала степенью Подмастерья. Когда в 1813 г. обе ложи воссоединились, то верх взяли уставы «старых» масонов. Таким образом, степень Подмастерья, пользовавшаяся престижем среди «новых» масонов, была как бы лишена своего значения.

Степень Подмастерья получила статус «слабой» степени. Заметим, что по-английски «подмастерье» в данном случае звучит как «Fellow-Craft». Так что налицо парадокс, ибо «Craft» означает «власть» и «сила»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Porciatti U. G. *Simbologia Massonica* — *Massoneria Azzurra*, p. 134.
2. См.: Mellor A. *Dictionnaire de la Franc-Maconnerie et des Francs-Masons*; Jones V. E. *Freemasons' guide and compendium*, p. 294—295.
3. Farina S. *Il libro dei Rituali del Rito Scozzese Antico ed Accettato*, p. 171.
4. См.: Farina S. *Op. cit.*, p. 174.
5. Giamblico. *Vita Pitagorica*, p. 110—111.
6. Б. Джонс с сожалением отмечает, что слово «каббала» обросло таким количеством домыслов и нелепых истолкований, что, всякий раз обращаясь к нему, исследователь должен быть предельно аккуратным. Б. Джонс называет «печальной ошибкой» попытки объяснять масонство через каббалистическое учение.
7. *Rivista Massonica*, № 1—3, gen. — mar. 1966, p. 22—23.
8. Virio P. M. *Lo splendore della Kabbalah*, p. 103.
9. См.: Farina S. *Op. cit.*, p. 165.
10. См.: Voucher J. *La simbologia massonica*, p. 229.
11. *Idem.*
12. Jones V. E. *Op. cit.*, p. 522. Здесь же Джонс говорит о «трех точках», нередко сопровождающих аббревиатуры масонских имен, и напоминает, что равнобедренный треугольник широко использовался в чертежах готических храмов. Таким образом, вполне допустимо «оперативное» происхождение «трех точек».
13. См.: Hall M. P. *An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy*, p. 104.
14. См.: Mellor A. *Op. cit.*, p. 311—312. Вообще Меллор положительно отзывался о Чуди (Tschudy), хотя и не согласен с его объяснением алхимического происхождения символа пламенной звезды.
15. Цит. по: Jones V. E. *Op. cit.*, p. 299.

16. *Idem*, p. 299.
17. *Idem*, p. 300.
18. См.: *Voucher J.* *Op. cit.*, p. 243—244.
19. См.: *Jones В. Е.* *Op. cit.*, p. 293. Начиная с XIII в. слово «craft» приобрело в английском языке значение «искусство, ремесло» и связанных с этим значением определений мастерства и умения.

В храме опускается траурная завеса, украшенная жемчужинами — символом слез. Солнце закрыто вуалью. В центре храма гроб Мастера Хирама и ветвь акации. Все готово к посвящению Подмастерья в степень Мастера. Глубокая тишина предшествует началу ритуала, воспроизводящего древние мистерии смерти и воскресения. Этим ритуалом завершается приобщение к масонству. Посвящения в еще более высокие степени лишь подтвердят введение в степень Мастера, украсят какими-то новыми качествами, но уже ничего не смогут добавить к сути происходящего сейчас.

Брат-наставник случайно обнаружил, что вокруг храма, «погруженный в глубокую медитацию», скитается Подмастерье. Достопочтенный Мастер опасается, не из числа ли он убийц Мастера Хирама. Но опасения напрасны. Подмастерье взыскует Света, воздаяния за свой труд. Он ждет степени Мастера. Достопочтенный внимательно осматривает его руки и фартук. Они незапятнанны. Подмастерье должен перешагнуть через гроб Хирама и остановиться в ногах у покойного Мастера, глядя в противоположную сторону. Подобно тому как в античных мистериях происходило отождествление живого с божеством, так и сейчас — Подмастерье с этого момента Хирам. Гроб, в котором прежде было заключено тело Мастера, теперь пуст и готов принять Мастера.

Кто же такой Хирам?

О нем сказано в Писании во Второй книге Паралипоменон (2, 3—16; 3, 15—17; 4, 11—12) (у евреев «Летопись») и в Третьей книге Царств (5, 2—12; 7, 13—40) (у евреев в «Первой царей»). В действительности в этих двух текстах два разных Хирама: царь Тирский, у которого Соломон просил ливанские кедры для возведения храма, и «сын одной женщины», «умеющий делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней

и из дерев...». В книге Бытия сказано и о третьем Хираме (Ираме), старейшине Едома (36, 43).

Нас интересует, разумеется, второй Хирам, один из строителей храма в Иерусалиме. Он был сыном одной вдовы, из колена Неффалимова. Важно, что и мasons именовали себя «Детьми Вдовы». Он владел умением выделывать всякие вещи из меди, железа, камня и дерева (III кн. Царств, 7, 13—14). Он также поставил столбы пред храмом и дал правому имя Иахин, а левому имя Воаз (III кн. Царств, 7, 21). Но в Библии нет и намека на убийство Хирама. Не сказано в Библии и о том, что Хирам будто бы являлся смотрителем работ по возведению храма, как об этом повествуется в масонской легенде.

Отметим эти неточности, в свете которых масонская легенда представляется нам более самостоятельной, чем принято думать, перейдем к сказанию о Хираме, связанному с посвящением масона в степень Мастера.

Под началом у Хирама Ученики, Подмастерья и Мастера. Каждое из подразделений имеет свои знаки, пароль и токкату для опознавания и получает «жалованье». Три Подмастерья возжелали стать Мастерами раньше срока. Заметив, что Мастер Хирам ежевечерне посещает храм, чтобы проверить, как движется работа, они устраивают засаду у трех врат храма. Первый, вооружившись угольником, становится у Западных ворот. Второй, держа линейку, устраивает засаду у Южных. Третий же, сжимая в руке молоток, прячется на Востоке.

Хирам, осмотрев храм, выходит через Западные врата. Первый Подмастерье просит его о произведении в Мастера. Хирам ласково отвечает: «Когда завершишь срок и приобретешь достаточное умение, обещаю, что предложу тебя совету мастеров». Подмастерье пытается узнать пароль Мастеров, но Хирам отвечает: «Безумец! Не так я узнал заветное слово, не так я просил мне доверить его. Работай, будь настойчив, и ты будешь вознагражден». Первый Подмастерье пытается тогда ударить Мастера по голове. Хирам успеваеет увернуться от смертельного удара. Но он тяжело ранен. Мастер пробует бежать к Южным вратам. Но тут его подстерегает второй Подмастерье и угрозами домогается заветного слова. Хирам отказывается, и удар обрушивается на его шею. Покачиваясь, бредет он к Восточным вратам, где третий Подмастерье, так ничего и не добившись от Мастера, обрывает его жизнь ударом молотка в лоб. Хирам умер.

И вот мы снова в храме. В этот момент сказание и ритуал посвящения как бы пересекаются друг с другом, образуя драматическое целое. Во время рассказа о судьбе Хирама посвящаемый успевает пережить убийство Мастера. Теперь он Хирам. Смотрители, каждый в сопровождении семи Мастеров, отправляются на поиски тела Хирама, которое спрятали убийцы. Вот на земле они замечают следы борьбы, ветвь акации, которую бросили здесь Подмастерья, чтобы скрыть следы преступления, угольничек, циркуль. Вот и бездыханное тело Хирама. Ниспадает покров, скрывающий посвящаемого в Мастера. Достопочтенный Мастер узнает в нем Хирама, «праведника, сохранившего верность долгу до последнего вздоха».

Смотрители пробуют «поднять» бездыханное тело, прикасаясь по очереди к пальцам правой руки. Но напрасно, потому что символически «плоть сходит с костей». Достопочтенный Мастер напоминает, что без помощи ближнего человек есть ничто. Все братья принимают теперь участие в «пробуждении» Мастера ото сна. Достопочтенный, помогаемый двумя Смотрителями, продолжает «поднимать» Хирама, накладывая «руку на руку, ступню на ступню, колено к колену, грудь к груди».

Хирам воскресает. Он воскресает к жизни в новом Мастере, который приносит присягу. Другие Мастера радостно приветствуют его. Достопочтенный Мастер возносит хвалы Великому Архитектору Вселенной за то, что «Мастер нашелся и лик его более светел, чем прежде». Смотрители обращаются к братьям соединиться, чтобы «отпраздновать возвращение света и истины»¹.

В литературе есть сложные и, на наш взгляд, искусственные, так называемые «астрономические» толкования сказания о Хираме². Мы не станем излагать их содержание подробно, ограничившись только одним центральным тезисом: Хирам — это олицетворение солнца в момент зимнего солнцестояния, когда, одержав победу над тьмой, оно «умирает», чтобы воскреснуть и снова повторить цикл восхождения, продолжающийся вплоть до момента летнего солнцестояния. История Хирама, таким образом, повторяет миф об Озирисе. Нам же представляется, что и в обряде и в «философии» степени Мастера более ярко выражен этический мотив. Хирам не является, подобно солнцу, неким природным феноменом, равнодушно внимающим добру и злу. Он праведный и добродетельный человек. Вполне спра-

ведливо предположить, что лейтмотив Хирама вобрал в себя природные мифы о смерти и воскрешении наряду с иудейским этицированным монотеизмом. В подтверждение этого тезиса существует немало доводов. Прежде всего иудейско-библейский фон ритуала, когда храм разделен на две части — «Hekal» и «Debhig» (святое место и святиейшее место в Иерусалимском храме), восклицание «huzza» (указывающее на силу, нисходящую с небес), то есть то же восклицание, которое и сегодня звучит под сводами синагог. Укажем и на динамику воскрешения Хирама, которую мы бы определили как «хоральную» и которая во многом напоминает столь же хоральное «воскресение праведников», запечатленное в великих библейских видениях и евангельских картинах. Так что мы имеем здесь дело не только и не столько с мифом солнечного круга, сколько с новым качеством.

Если предположить, что Хирам солярное божество Озирис, то с такой же уверенностью можно предполагать, что он и Иисус Христос. Такого мнения придерживался ученый-масон Кови Крамп³, который утверждал, что очевидные различия, существующие между хирамическим и христианским сказаниями, не могут рассматриваться в качестве аргументов против выдвигаемой им гипотезы по той причине, что:

а) легенда о Хираме дошла до нас как бы процеженной и, вне всякого сомнения, модифицированной в том, что касается исходного материала, который нам недоступен;

б) типичным приемом всякой эзотерической символической логики является попытка «замаскировать» символическое содержание текста (вспомним хотя бы алхимический символ распятой змеи, представляющий сегодняшнему человеку богохульством, тогда как в античности змея считалась символом здоровья и «спасения»).

Скорее всего Хирам — это не Иисус Христос, не Озирис, не Адонис и не Жак де Моле, Великий Магистр рыцарей-тамплиеров, погибший от рук короля, папы и лжебрата. Те же «подмастерья» — сказания о Хираме, символизирующие, по традиции, фанатизм, невежество и деспотизм.

Хирам — это один из многих образов и воплощений двойного воскрешения: безусловного, онтологического, природного (каким является воскресение солнца) и страданного, мыслимого и завоеванного в борьбе (каким является воскресение из мертвых «праведников»).

Мы ни в коей мере не собираемся недооценивать солярный аспект и натуралистическое содержание масонской легенды, что, помимо прочего, засвидетельствовано наличием в ритуале ветви акации.

Акация — растение родом из Восточной Африки, называемое иначе по деликатным и нежным соцветиям «мимозой». Разновидностей мимозы сотни, но только две из них, согласно Б. Джонсу, имеют символический смысл в представлениях масонов. Это *Acacia Vera* и *Robinia Pseudacacia* ⁴.

В библейском круге это растение (*shittah*; мн. ч. — *shittim*) — символ сакральности и бессмертия. В книге Исход сказано, что ковчег, стол и алтарь должны быть «из дерева ситтим» (27, 1). Древние египтяне оказывали этому дереву «божественные почести». О нем же такой известный масон, как Альберт Пайк, писал: «Подлинная акация — это также колючий тамариск, растение, которое росло возле бездыханного Озириса. Его почитали священным арабы, которые воздвигли из него идола *Al-Huzza*, разрушенного потом Магометом» ⁵.

Согласно М. Холлу ⁶, возможно, что почитание этого растения связано с тем фактом, что люди античности считали его божественным из-за чувствительности к прикосновению. Не идет ли речь о стыдливой мимозе? По коптской легенде, мимоза была первой среди растений, почтившей Христа.

М. Холл подразделяет символогию акации на четыре отдельные интерпретации:

- а) воскресение солярного божества (Озириса);
- б) невинность, на которую указывает греческое название акации, потому, быть может, что листья этого растения чувствительны к прикосновению;
- в) бессмертие и регенеративность, наличие элемента сопротивляемости времени и трансформациям (акация как вечнозеленое растение);
- г) эмблема мистерии, в данном случае масонской, если вспомнить указание А. Маккея в его «Энциклопедии франкмасонства» о том, что по традиции во всех античных мистериях при совершении ритуала непременно присутствуют священные растения: лотос в мистериях индийцев и египтян, мирт в ряде древнегреческих мистерий и вереск у друидов.

Сакральность растительного мира связана с древнейшими культурами вегетации. О духовном содержании этих культов поразительно четко сказано у М. Элиаде: «Так

называемые культы растительного мира не являются результатом опыта непосвященных людей, так сказать, итогом наблюдений над природой, например весной, когда растительный мир оживает. Ничего подобного. Все наоборот. Религиозный опыт обновления (возобновления, возрождения, воссоздания) мира предшествует и оправдывает ценностное значение весны как воскресения природы.

В культах растительного мира... естественное явление весны и возобновления вегетации не всегда обладает таким же значением, каким обладает знак-провозвестник космической мистерии. Группы юношей обходят дом за домом в своей деревне, показывая, например, зеленую ветвь, букет цветов, певчую птицу... По большей части эти обряды совершаются *до того*, как в природе естественным образом начнется весна»⁷.

В истории масонства впервые акация появляется в издании 1738 г. «Книги уставов» Андерсона. О ритуальной значимости акации впервые говорится в диалоге 1760 г.: «Чье имя назвал Мастер-масон? Мое — я акация, явилась я из праведной и совершенной ложи»⁸.

На этом мы и завершим наше отступление в мир растительной символики, напомнив также о том внимании, с каким ревнители алхимии всегда относились к растениям. В свете открытий в области фотосинтеза растения по праву могут быть названы величайшими алхимиками природы. Благодаря солнечной энергии и особой квинтэссенции, зеленым зернам пигмента, именуемым хлорофиллом, они в состоянии превращать углекислый газ и воду в углеводы, высвобождая при этом кислород. В круговороте веществ в природе они играют незаменимую роль, поддерживая жизнь на планете.

Итак, мы рассмотрели лейтмотив смерти и воскресения, содержащийся в инициации масона, становящегося Мастером. Теперь обратимся к тому же лейтмотиву в обряде масонских похорон, являющемся, на наш взгляд, одним из наиболее важных проявлений масонского спиритуализма.

Похоронный обряд масонов открыт также и не для посвященных (родственников и друзей покойного). Все они имеют право войти в храм. Но, как предписывает устав, они не могут присутствовать при начале и завершении службы.

Храм в траурном убранстве. Он украшен символами зодиака. Согласно ритуалу, служба начинается в

полночь, ибо это «тот час, когда самая глубокая тьма окутывает покрывалом горя природу, замершую в ожидании света звезды, которая ее оживит».

С приходом непосвященных братья образуют цепь единения. Но в ней недостает одного звена. Горе братьев безмерно. Снова, в который уже раз, потеряно животворящее «слово». Мощно звучат слова молитвы, с которой Достопочтенный Мастер обращается к Великому Архитектору Вселенной, «неизменному началу всех изменений», прося о даровании вечной жизни усопшему брату.

Руководители ложи и братья совершают «путешествия», осыпая цветами смертный одр. Ладан дымит в кадилах. Теперь пора и непосвященным отдать долг любви и надежды покойному. Сопровождающий их Мастер уже роздал родным и друзьям веточки акации (мимозы). Смерть, произносит Достопочтенный Мастер, «всего лишь посвящение в таинства второй жизни». Память об умершем брате вдохновит нас на дальнейший поиск истины и света.

Цепь единения восстановлена. Все торжественно обещают «простить все обиды» во имя того, чтобы воцарились мир и согласие. После ухода непосвященных служба заканчивается. Символически уже наступил рассвет, «час, когда солнце показывается на горизонте и вселяет радость во все живые существа». «Как рождающаяся звезда разгоняет тьму ночи, так и надежда на то, что наш брат найдет отдохновение у Великого Архитектора Вселенной, пусть рассеет всю нашу боль и превратит в радость все наши горести». По ритуальному обычаю собравшиеся «братаются», похлопывая друг друга по плечу. Так они «прославляют» ушедшего в мир иной брата.

Разумеется, обряд масонских похорон более сложен и более изощрен, чем наше краткое описание. Достаточно указать хотя бы на троекратный удар молотка различной интенсивности, которым Достопочтенный Мастер символизирует рождение, зрелость и последний вздох человека. Но и о других масонских ритуалах мы сочли необходимым высказаться столь же кратко. В других книгах читатель найдет более подробные описания⁹. Мы поставили своей целью дать читателю возможность составить представление об основных характерных чертах масонской духовности.

Задержим внимание читателя на трех символах, которые появляются в траурном масонском обряде: знаки

зодиака, цепь единения и ладан. С. Фарина полагает, что расположение четырех зодиакальных символов (Близнецы и Лев на Севере, Весы и Водолей на Юге) указывает на то, что «смерть собирает свою жатву во все времена года»¹⁰.

Подобное толкование справедливо. Однако можно предположить и иное: не имеем ли мы здесь дело с дальним отзвуком гностицизма, согласно которому звездный небосклон считался величайшей космической тюрьмой, узилищем, в котором разыгрывается драма смерти? Думаем, можно рискнуть и другой аналогией. Вспомним, что в зороастрийском ритуале «*daeva*», дивы, обитающие на небе существа, считались силами зла. Центральным в зороастрийском ритуале был культ огня. В масонском ритуале огонь появляется дважды: в кадилнице и в словах, обращенных к Великому Архитектору, который поименован как «священный огонь, оплодотворяющий все, что живет».

Вероятнее всего, мы имеем дело не со случайными совпадениями. Цепь единения — это ритуально-символическое изобретение масонов, живущих в латинских странах. Английский ритуал такого обычая не знает¹¹. Цепь единения образуют братья, которые, скрестив руки (правая рука находится под левой), держатся вместе. Традиционно такая цепь символизирует дух братства и вселенскости вольных каменщиков. Однако ритуальное упоминание о потерянном «слове», когда в цепи недостает одного звена, заставляет думать, что и сама цепь является символом прямой передачи инициационного знания. Согласно традиции, такое знание передается непосредственно от одного человека к другому (или от мастера к преемнику). Это знание не может «просеиваться» посредниками или суррогатами в виде книжного образования, то есть образования безобразного или безличностного. Так, например, по обычаю одной из самых древних инициационных школ, какой является школа древней, или ведической, Индии (ведической — по названию священного текста «Веды»), по завершении обряда посвящения, называемого «*урапауапа*», юноша вручался наставнику, истинному духовному мастеру-учителю, который устанавливал с подопечным прямую связь передачи знаний. Таким образом, учитель и ученик являются цепью единения.

В работах С. Де Гуайта¹² мы находим, например, следующее соображение: «Ряд вопросов, связанных с

проблемой ритуала, может быть поставлен также в том, что касается цепи единения. К чему, скажем, скрещивать руки на груди, вместо того чтобы просто взяться за руки, как дети, водящие хоровод? Думаю, что масонский обычай сближает людей друг с другом и позволяет достичь большей сосредоточенности, то есть реализовать замысел цепи единения более полно...» Но есть ли какой-нибудь магический компонент в цепи единения? Образуют ли масоны свою цепь для того только, чтобы более полно зазвучал их голос, взывающий к Великому Архитектору? Имеем ли мы дело с неким «теургическим» ритуалом? Думаем, что нет. Масонское представление о Боге, насколько известно, лишено такого понятия, как умилоствление. Нет в нем и двусмысленности отношений доверие — подозрительность, любовь — ненависть, заклинание — понуждение, которые так или иначе во многом характеризуют традиционную религиозную жизнь. Магия цепи единения более утончена. Она вся как бы обращена вовнутрь. Ее задача сообщить участникам дополнительный заряд энергии любви, укрепить сердце. Всякое сравнение цепи единения с практикой «церемониальной магии» или медиумической цепи спиритов лишено основания.

Литургическое и ритуальное использование ладана известно во многих религиях — в буддизме, синтоизме, католицизме и т. д. Курение ладаном часто сопровождает молитву, возносимую божеству. Нам же представляется важным подчеркнуть значение ладана особенно в религиозном обиходе мандеизма, считающего ладан символом божественного существа, которое возносится на небо. Равным образом можно толковать и кадение ладаном в траурном масонском обряде, где это действие является символом «имманентного бога», человеческой души, возвращающейся на свою горнюю родину. Любопытно также отметить, что приверженцы мандеизма, религиозной общины, насчитывающей сегодня всего несколько тысяч человек, сосредоточенных главным образом в странах Персидского залива, являются гностиками. Само слово «manda» означает «познание». Религиозный расцвет мандеизма приходится на эпоху «золотого века» синкретизма — первые века н. э.¹³

Общая служба в память братьев, ушедших на Вечный Восток, совершается в итальянских масонских ложах ежегодно 10 марта.

В Англии устраивают «Sorrow Lodges» («Ложы скорби»), ритуал которых в значительной мере обусловлен библейской святостью. Совершается ритуальная процессия. В храме, убранном в черный и красный цвета, на особом столе помещаются знаки покойного масона и читаются отрывки из Священного писания¹⁴.

В «Ceregonie du Souvenir» («церемонии поминовения»), существующей в Великой национальной ложе Франции, также подчеркнуты библейские мотивы. Ритуал открывается с обращения к Великому Архитектору Вселенной. Вершина всего обряда — чтение Братом Милосердия знаменитого отрывка из последней главы книги Екклезиаста: «Помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!» Доколе не померкли солнце и свет, и луна, и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха, и замолкнут дщери пения; высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; — доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его. Суета сует, сказал Екклезиаст, все — суета!» (Екклезиаст, 12).

В завершение церемонии Великий Мастер говорит о смиренномудрии масонского труда: «Наступило время сказать последнее прости тем, кто, изучив заветы Ордена, соблюдая законы, записанные на скрижалях книги Святого Закона, соизмерив свои поступки с угольником и циркулем, полагаясь при всех обстоятельствах на Бога, снял наконец фартук масона...»¹⁵

Однако еще раз вернемся к легенде о Хираме и попытаемся восстановить то, каким образом она была введена в круг масонства.

Изучая древние рукописи оперативных масонов, например «Роема Regius», мы не найдем там упоминаний о Хираме. Но уже «Рукопись Кука» говорит о «Kyngris

son of Tygu», то есть сыне Тирского царя, который был «his maist masen» — его (Соломона) мастером-каменщиком¹⁶.

Итак, в первой половине XV в. Хирам признавался вольными каменщиками. Начиная с этого времени и вплоть до 1724—1725 гг. (когда, по словам Джонса, легенда о Хираме систематически стала использоваться при посвящении в степень Мастера) располагается период ритуальной «драматизации» героя легенды. Теперь уже невозможно установить с большей или меньшей мерой достоверности авторство этой пьесы или хотя бы дату ее написания.

Нам представляется необоснованной гипотеза о розенкрейцерском авторстве «драмы о Хираме», хотя бы потому, что центральная легенда розенкрейцеров повествует о том, как было найдено неповрежденное тело Кристиана Розенкрейцера. Будь розенкрейцеры авторами легенды о Хираме, то она вошла бы в масонский обиход с середины XVII в. и была бы принята многочисленными английскими розенкрейцерами, которые получили бы членство в масонских ложах.

Впрочем, гипотеза о том, что легенда о Хираме относится к периоду после 1717 г. (когда была создана первая Великая ложа Англии), скептически оценивается и таким авторитетом в области истории масонства, каким является Б. Джонс¹⁷. Он полагает невероятным, что новая масонская организация, пусть и обладающая весьма гибкой структурой, могла бы в течение всего нескольких лет «навязать» применение откровенно нового текста многочисленным лохам, разбросанным по всей Великобритании и являвшимся ревностными хранителями традиций.

Во всяком случае, установлено, что один из элементов легенды о Хираме был известен и в течение долгого времени применялся масонами при посвящении в степень Подмастерья. Речь идет о «пяти точках» контакта между Достопочтенным Мастером и посвящаемым в Мастера. Согласно Джонсу, эти точки соприкосновения символизировали попытку узнать секреты мастерства у мертвого тела¹⁸.

Говоря о происхождении легенды о Хираме, следует также иметь в виду, что в ее содержании отражены воспоминания о древнейших «жертвоприношениях, связанных с закладкой фундамента», и «жертвоприношениях, связанных с окончанием работ».

Первые были ритуалом устойчивости. В начале строительных работ совершалось человеческое жертвоприношение, и тело замуровывалось в основание здания. Древние полагали, что жертвоприношение делает возводимое здание устойчивым и прочным. Этот жестокий обычай имел повсеместное распространение. Б. Джонс приводит пример одного из полинезийских храмов, центральная колонна которого «поставлена» на человеческой жертве. Немало похожих примеров можно найти и в Европе и в Африке¹⁹. Говоря о старом континенте, Б. Джонс приводит легенду, согласно которой один из проповедников Евангелия в Ирландии (VI в. н. э.) заживо погреб своего монаха в основании монастыря во имя умилоствления «духа земли». Подобный факт совершенно не удивителен, если вспомнить о сопротивлении языческих элементов христианству, особенно в тех странах, где была чрезвычайно сильна близкая к природе духовность народа. Другие примеры, содержащиеся в исследовании Б. Джонса, относятся к кругу японской культуры. В японской культуре известны «hitobashira», люди-столбы, которые добровольно погребали себя под первым камнем какой-либо каменной постройки — замка, плотины, моста и т. д.²⁰

Помимо жертвоприношений, связанных с ритуалом закладки здания, древние строители совершали жертвоприношения по случаю завершения строительства. В одной из легенд рассказывается, что создатель храма Василия Блаженного в Москве был ослеплен по завершении строительных работ. Таким образом хотели не допустить, чтобы он построил где-нибудь еще более прекрасный храм²¹. Эти и подобные жертвоприношения также являются ритуалом, гарантирующим устойчивость, и совершаются не только для того, чтобы умиливать божество, способствовавшее благополучному завершению работы.

Полагаем все же, что древнейшие жертвоприношения, связанные со строительными работами, не имеют прямого отношения к легенде о Хираме как с хронологической точки зрения (когда сформировалась эта легенда, от прежних ритуалов сохранилось разве что отдаленное воспоминание, если иметь в виду Великобританию), так и с формально-содержательной. Более вероятно гипотеза, что жертвоприношения являются своего рода субстратом коллективной памяти, на основе которого мasons в совершенно иной духовной атмосфере новой

исторической эпохи сформировали свою собственную легенду.

«Si vis vitam, para mortem» — желаешь жизни, готовься принять и смерть, говорил Зигмунд Фрейд, переделывая известное латинское изречение «si vis pacem, para bellum» — хочешь мира, готовься к войне²². Нам представляется, что в этом утверждении Фрейда содержится зерно масонского поучения, связанного со степенью Мастера. По этому поводу С. Фарина писал, например: «В то время как мир непосвященных советует гнать от себя мысли о смерти, масонство, напротив, стремится выработать у своих адептов привычку к мысли о смерти, как бы поднимая их выше безотчетного страха, который сам по себе в состоянии отравить самые радостные мгновения жизни»²³.

Снятие и удаление субъективного переживания смерти из психической жизни человека, скажем мы, чревато опасностью, непосредственно угрожающей самой жизни, ибо психика человека оказывается безоружной перед лицом неизбежно повторяющейся смерти. Психология глубинного у Карла Юнга основана на утверждении, что в нашем психическом универсуме существуют зоны тьмы (Тень), которые никогда не устранимы до конца в ходе нашего земного существования. С ними нам приходится сосуществовать и каким-то образом с ними «договариваться». Отказ от признания существования Тени, согласно учению Юнга, означает создание опасного расщепления нашей личности, которая, как всякая живая реальность, зиждется на двуполюсности, на знаке «плюс» и знаке «минус», на свете и тени. Смерть же, по сути дела, есть не что иное, как космическая тень.

Фрейд не ограничивался акцептацией разумом смерти, что уже само по себе немало, но дополнил своей собственной интерпретацией генезис идеи о будущей жизни, которая нам представляется по меньшей мере произвольной и научно не обоснованной. Суждения Фрейда по этому вопросу были им изложены в 1915 г. под общим названием «О том, как мы относимся к смерти». Фрейд утверждает, что закон эмоциональной амбивалентности в отношении любимых нами лиц доминировал в чувствах «первочеловека» (равным образом он доминирует и в чувствах современного человека). Он, таким образом, описывает процесс присвоения этим человеком идеи о загробной жизни. «Перед бездыхан-

ным телом любимого человека он вообразил духов. Чувствуя за собой вину за то, что нашел в своем воображении успокоение, человек, переживая горечь утраты, в скором времени превратил этих духов в демонов, которых следует страшиться... Постоянно воспроизводя в своей памяти усопших, человек вообразил иные формы существования. Так зародилась в нем идея о жизни, продолжающейся после кажущейся смерти»²⁴.

Заметим, что первая часть фрейдистского тезиса опровергается с религиозно-исторической и этнологической точек зрения:

а) история религий показывает, что идея о духах и демонах связана в своем генезисе с небесными явлениями и атмосферными феноменами, отчего «перво-человек» (если допустить в качестве объективной данности подобную риторическую фигуру) и вообразил «духов» прежде, чем он оказался перед бездыханным телом любимого человека;

б) представления, существовавшие у первобытного человека (представления, заметим, реконструируемые на основе наблюдений над некоторыми африканскими или полинезийскими этническими группами), связаны с идеей жизненной одухотворяющей силы, несводимой к материальному измерению, то есть, по сути дела, речь идет о представлениях, которые объяснимы деятельностью некой надличностной силы (напомним такие категории, как «mana», «orenda», «wakenda»); следовательно, идея существования духа не является изначально «индивидуальной»²⁵.

Вторая часть фрейдистского тезиса напоминает скорее полемический выпад. Отождествление метафизического ответа на событие смерти с воспоминанием об усопших нам представляется необоснованным. У нас есть серьезные причины сомневаться в том, что великие религиозные философии античности, построенные на идее бессмертия, являются всего лишь фантазией на тему неких воспоминаний первобытного человека, мнемоническая деятельность которого якобы не может быть более ясной и интенсивной, чем наша. Наконец, скажем мы отнюдь не из полемических соображений, фрейдистский тезис обратим, и мы вправе предположить, что идея бессмертия и связанная с ней культовая практика развились не благодаря некоему избытку памяти, но для того, чтобы увековечить эту память, постепенно стирающуюся чередованием явлений.

Нам представляется также недостаточно обоснованным и фрейдистский тезис о происхождении идеи перевоплощения. Фрейд утверждает, что «первочеловек», выработав идею будущей жизни за гробом, предоставил религиям декларировать, что это будущее существование как раз и является наиболее ценной и подлинной жизнью, сведя брэнное существование, завершающееся смертью, к простой подготовке к жизни вечной. «Таким образом, — продолжает Фрейд, — является логичным продолжить жизнь и в прошлое, вообразив предыдущие существования, метемпсихоз и перевоплощения...»²⁶

В действительности же, если серьезно подойти к истории философии и религий, нам следует считаться с тем фактом, что наиболее древние «органичные» формулировки доктрин перевоплощения, как они изложены, например, в Упанишадах, связаны с цикличностью, вечным возвращением природных феноменов, с непосредственным восприятием жизненного континуума посредством преобразований. Речь вовсе не идет о том, как того хотелось бы Фрейду, что происходит какая-то искусственная операция, совершаемая разумом, с целью «продлить» или «опрокинуть» будущую жизнь в прошлое. Как это ни парадоксально, но фрейдистский тезис недостаточно психологичен. Большой психологичностью при всей кажущейся поверхностности обладает, к примеру, тезис Р. Дэвида, полагавшего, что идея перевоплощения обязана своим возникновением «игре памяти» («tricks of memory»), то есть ощущению, испытываемому всеми людьми, что они «уже бывали» в том месте, которое в действительности они видят впервые²⁷.

Эти страницы мы отнюдь не намерены посвятить опровержению фрейдистского тезиса о происхождении идеи бессмертия. Завершим это невольное отступление от темы, заметив только, что великому венскому психиатру мы обязаны открытием того, что «никто, по сути дела, не верит в свою собственную смерть, или, что то же самое, все мы подсознательно уверены в собственном бессмертии»²⁸. Объясняется это тем фактом, что, говоря словами Фрейда, «невозможно представить свою собственную смерть, и всякий раз, когда мы пытаемся это сделать, мы убеждаемся в том, что в действительности мы продолжаем представлять себя в качестве зрителя»²⁹. На наш взгляд, эта внутренняя, подсознательная убежденность в собственном бессмертии заслуживает глубокого осмысления.

Масонское поучение, связанное с легендой о Хираме, и ритуал степени Мастера являются логическим развитием и истинным смыслом 20-й ландмарки по Маккею: «Каждый вольный каменщик должен верить в воскресение к будущей жизни»³⁰. Сформулированная подобным образом ландмарка расположена сразу как бы в двух иудейско-христианских категориях — «верить» и «воскресение». В действительности же от масона не требуется верить в воскресение. Главное для него — верить в перевоплощение или эволюцию духовной части себя как человека в иных измерениях. Все гипотезы о жизни после смерти представляют собой неадекватные попытки (во всяком случае, дискуссионные) перевода на человеческий язык того состояния, которое в силу радикального разрыва, каким является смерть, остается недоступным и закрытым для обычных познавательных способностей человека и тем более его языка. Единственный долг масона — усвоить устремленность к вечности, которая была передана ему инициационной традицией.

Что же касается слова «верить», то мы полагаем, что Маккей, а вместе с ним и вся масонская традиция отнюдь не вкладывают в него смысл слепой веры, полагаясь вместо этого на доверие надежды. Существует глубокое различие между верой-доверием и верой слепой, верой во что-то. Верить в жизнь после смерти — значит убедить себя в том, что такая жизнь существует. Во всяком случае, подобная вера пассивна. Доверять жизни после смерти — значит признавать эту жизнь в качестве желаемой ценности, то есть сознательно полагаться на ее раскрепощающее значение. Такая вера-доверие — это надежда и стремление. Нам представляется, что масонство построено на вере в возможность воскресения, а не в то, что воскресение на самом деле существует. По сути дела, об этом сказано у апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Послание к евреям, 11, 1).

Масонское учение о смерти С. Фарина толкует следующим образом: «В физическом смысле смерть приводит к разложению различных частей, из которых складывается человеческое тело, но не к их уничтожению (она уничтожает их с функциональной точки зрения, но не субстанциально. — *Авт.*). Все они остаются существовать и после смерти, переходя в новые формы. Коль скоро материальная основа человека переживает самую смерть, то тем более переживает ее нравствен-

ная основа. В интеллектуальном смысле и в этом реальном мире дух обретает способность пережить смерть своими делами. Но подобное бессмертие исключительно. Оно уготовано только отдельным избранным и ограничено неопределенной длительностью истории и общечеловеческой памяти, которые могут быть прерваны или вообще исчезнуть в силу превратностей судьбы. Интеллектуальное же бессмертие в том смысле, как его понимает масонство, является даром для всех и для каждого и не имеет иных пределов, кроме предела вечности»³¹.

Другой масон, Х. Л. Хэйвуд, посвятил бессмертию такие вот прекрасные слова: «Эта надежда, своего рода внутренняя уверенность, поддерживаемая не тем или иным фактом, но красками и оттенками жизни во всей ее целостности. Эта надежда возрастает в нашем разуме благодаря восторженности наших же мыслей, нашего опыта, наших мечтаний, подобно тому как источает аромат роща, живущая своей невидимой жизнью у края летнего поля. И сколь велико наше смущение, когда кто-нибудь попытается выведать у нас рациональные доказательства этой надежды. И сколь неразумными станем мы всякий раз, когда эта надежда вдруг оставляет нас. Всегда и везде человек верил в бессмертие. И не потому, что это внушили ему попы на проповедях. Не потому, что его секрет был раскрыт учеными. Но потому, что сама жизнь научила человека бессмертию. Это нечто, что вселенная постоянно нашептывает Человеку»³².

Вряд ли после этого вызовет удивление, что смерть является одним из центральных вопросов, находящихся в поле зрения масонского спиритуализма. Масонство, будучи инициационной, символической и эзотерической школой, ставит задачей развитие в своих сторонниках мыслительных способностей и интуиции. Изначально смерть является носителем сомнения как для человека верующего (разверзая вдруг провалы в божественном космическом порядке), так и для атеиста, который, столкнувшись со смертью, чувствует нравственную недостаточность материи и, подгоняемый этим стимулом, начинает измышлять нечто трансцендентное этой материи. Сомнение же, коль скоро оно не факт системы или отчаяния, является одним из движителей мысли, интуиции и познания.

Нам трудно сказать определенно, оказывает ли введение в степень Мастера какой-либо конкретный эффект

на поведение масона. Всякие обобщения, как мы убеждаемся, говоря о масонстве, произвольны. Внутренняя жизнь человека — неприкосновенная святыня. Тем не менее нам хотелось бы завершить эту главу отрывками из письма, с которым масон Джузеппе Рангони, Достопочтенный Мастер, обратился к братьям незадолго до смерти: «Гораздо больше физических страданий меня огорчает то, что не могу исполнить свой долг и быть вместе с вами... Но я спокоен, потому что готов уйти на Вечный Восток, потому что я убежден — жизнь человека не может быть целью ради самой этой жизни. Мой внутренний храм, построенный камень за камнем из тех символов, которые масонство предоставило в мое распоряжение, и состоявшийся благодаря вашей помощи, готов стать частью великого храма истины всех людей. Пусть Великий Архитектор Вселенной рассудит, достойна ли моя постройка того, чтобы о ней вспомнили и тогда, когда между колоннами храма обо мне останется только один отзвук»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Farina S. Il libro dei Rituali del Rito Scozzese Antico ed Accettato, p. 201.
2. См.: Boucher J. La simbologia massonica, p. 271—272.
3. См.: Jones V. E. Freemasons' guide and compendium, p. 319—320.
4. См.: Idem, p. 490.
5. Цит. по: Hall M. P. An encyclopedic outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy, p. 95.
6. См.: Idem, p. 95.
7. Eliade M. Il sacro e il profano, p. 96—97.
8. Jones V. E. Op. cit., p. 490—491.
9. Интерес, в частности, представляет «Книга итальянского масона» Улиссе Баччи (1-е изд. 1908). В первом томе полностью изложены ритуал посвящения в ученики, похоронный ритуал масонов и другие церемонии ордена.
10. Farina S. Op. cit., p. 138.
11. См.: Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie et des Francs-Maçons. V.: "chaîne d'union", p. 90.
12. Цит. по: Boucher J. Op. cit., p. 346.
13. Можно найти немало общего в символике мандеизма и масонской традиции. Среди прочего, например, употребление термина «Свет» для обозначения познания, почитание Иоанна Крестителя, день которого масоны отмечают в праздник летнего солнцестояния, сакральность числа «3». Так, ревнителю мандеизма трижды льют воду на голову воспринимающего крещение, их церковная иерархия состоит из трех степеней, во время праздника "Pantscha", приходящегося на период между восьмым и девятым месяцами мандеистского календаря, они совершают три омовения ежедневно. Известно значение числа «3» в масонстве благодаря его пифагорей-

ско-геометрической и универсальной (относящейся к архетипам) значимости. В «Символики духа» Юнг пишет: «Три есть «одно», ставшее познаваемым, которое без противопоставленности «одного» «другому» пребывало бы в состоянии, лишенном какой бы то ни было определенности. Таким образом, число «3» фактически является подходящим синонимом процесса развития во времени и выступает в роли параллели самооткровения Бога в качестве абсолютной единицы в процессе развития числа «3». Отношение триады с целым может быть выражено равносторонним треугольником: $a - b = c$, то есть тождеством числа «3», где в каждом из трех так или иначе указанных углов всякий раз содержится вся триада целиком. Данное интеллектуальное осмысление идеи равностороннего треугольника является предпосылкой мышления, осуществляющегося на основе логического образа триады — троичности».

14. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 492.
15. Mellor A. Op. cit., p. 205. V.: "Souvenir, Ceremonie du".
16. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 304.
17. См.: Idem, p. 305.
18. Ibidem.
19. Ibid., p. 325—326.
20. См.: Le Grandi Religioni, vol. VI, p. 310.
21. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 326.
22. См.: Freud S. Il nostro modo di considerare la morte. — In: Musatti C. Freud — con antologia freudiana, p. 243.
23. Farina S. Op. cit., p. 210.
24. Freud S. Op. cit., p. 236.
25. См.: Bianchi U. Introduzione alla Storia delle Religioni. UTET.
26. Freud S. Op. cit., p. 237.
27. См.: Bellini A. Le religioni dell'India. — In: Storia delle Religioni. UTET 1944, p. 405.
28. Freud S. Op. cit., p. 230—231.
29. Idem, p. 230.
30. См.: Le carte fondamentali della Universale Massoneria di Rito Scozzese Antico e Accettato (Intr. di U. Porciatti), p. 102.
- Н. Farina S. Op. cit., p. 213.
32. A Treasury of Masonic Thought, p. 251.
33. *Rivista Massonica*, № 5, magg. 1975.

Итак, мы проследили путь масона до момента его достижения степени Мастера.

Три универсальные степени ордена означают, что тот, кто удостоился их получения, приобрел всю полноту знаний, какая только возможна при посвящении в вольные каменщики. Однако Мастер имеет возможность совершенствоваться и расширять понимание этого учения путем приобретения дополнительного опыта в так называемых ритуалах (обрядах) *. Это Древний шотландский общепринятый обряд, Итальянский символический обряд и Обряд Королевской арки.

Обряд в данном случае условный термин для обозначения специфики масонского пути, являющегося не столько ритуальным, сколько доктринальным. В этом смысле слово «ритуал» соответствует христианскому употреблению понятия «обряд» в таких случаях, как армянский, несторианский обряды, а также обряды других восточных церквей. Во избежание путаницы английские масоны в данном случае склонны употреблять понятие «allied bodies», то есть «союзные организации». Поясним на примере: Древний шотландский общепринятый обряд (ритуал) в действительности несводим к какому-то одному обряду, так как является иерархией степеней, посвящение в которые сопровождается особым инициационным ритуалом. Итальянский символический обряд вообще не обладает собственной ритуальностью, так как является федерацией масонов, продолжающих осмысление первых трех степеней. Наконец, Обряд Королевской арки является своеобразным орденом внутри собственно масонского ордена и строит свою обрядность на библейской основе, издревле пользующейся среди англий-

* В русской традиции более употребительным в данном случае является термин «обряд». — *Прим. ред.*

ских масонов особенным предпочтением. Так, в преамбуле к уставу Великой объединенной ложи Англии можно прочесть, что в 1813 г. акт о воссоединении двух Великих лож «старых» и «новых» масонов провозгласил «наличие в старом масонстве только трех степеней (Ученика, Подмастерья и Мастера), включая сюда Орден Священной Королевской арки». Об этом масонском ордене нам представится случай рассказать в следующей главе. Что касается Итальянского символического обряда, то мы отсылаем читателя к предыдущим главам, где было сказано о трех «голубых» или «синих» степенях, на которых, собственно говоря, и сосредоточено все внимание итальянских масонов.

Сейчас же нам хотелось бы подробнее остановиться на том, что такое Древний шотландский общепринятый обряд. Он состоит из тридцати дополнительных степеней, которые вместе с тремя «голубыми» степенями образуют пирамиду из тридцати трех степеней. В Италии, например, не все степени этой пирамиды приняты на практике. Здесь инициация сведена к степеням Тайного Мастера (4), Рыцаря-избранника Девяти (9), Князя Розенкрейцера (18), Рыцаря Кадош (30) и трем «административным степеням» (31 — 32 — 33). Остальные степени присуждаются «информационным письмом», иначе говоря, вписываются как дополнительные степени к той, которую уже имеет член ложи. Таким образом, когда, например, Рыцарь-избранник Девяти посвящается в степень Князя Розенкрейцера, он автоматически становится обладателем всех промежуточных степеней, хотя и не был в них особым образом посвящен.

В Америке масоны восходят постепенно от одной к последующей степени шотландского обряда.

«На практике, — отмечает А. Амбези, — Мастер, следующий шотландским путем, совершает восхождение на пути совершенствования: находясь на четвертой степени, он более углубленно постигает смысл обряда третьей степени посредством медитации; достигнув девятой степени, он должен научиться владеть собственными низменными инстинктами благодаря внутреннему самоуглублению и деятельности в мире непосвященных; пребывая на восемнадцатой степени, он обязан самореализоваться как адепт в полноте индивидуальной инициации; на тридцатой степени он преобразует полученную инициацию в деятельность и заявляет о себе перед лицом человечества как воин вселенной и вечности»².

В данной главе мы постараемся проследить, насколько программа шотландского обряда соответствует действительности. Для наглядности ниже мы воспроизводим организационную структуру шотландского обряда и список степеней шотландской иерархии.

Орден	1. <u>УЧЕНИК</u>	} <i>Голубые (синие) универсальные степени (градусы) ордена</i> 1° - 3°	
	2. <u>ПОДМАСТЕРЬЕ</u>		
	3. <u>МАСТЕР-КАМЕНЩИК</u>		
	4. <u>ТАЙНЫЙ МАСТЕР</u>		
	5. <u>СОВЕРШЕННЫЙ МАСТЕР</u>		
	6. <u>ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ</u>		
	7. <u>СУДЬЯ</u>		
	8. <u>ХРАНИТЕЛЬ ЗДАНИЙ</u>		
	9. <u>РЫЦАРЬ-ИЗБРАННИК ДЕВЯТИ</u>		
	10. <u>РЫЦАРЬ-ИЗБРАННИК ПЯТНАДЦАТИ</u>		
Древний шотландский общепринятый обряд	11. <u>ПРЕКРАСНЫЙ РЫЦАРЬ-ИЗБРАННИК</u>	} <i>Красное масонство</i> <i>Капитулярные степени (градусы)</i> 4° - 18°	
	12. <u>ВЕЛИКИЙ МАСТЕР-АРХИТЕКТОР</u>		
	13. <u>КОРОЛЕВСКАЯ АРКА</u>		
	14. <u>ВЕЛИКИЙ ИЗБРАННИК</u>		
	15. <u>РЫЦАРЬ ВОСТОКА ИЛИ МЕЧА</u>		
	16. <u>КНЯЗЬ ИЕРУСАЛИМСКИЙ</u>		
	17. <u>РЫЦАРЬ ВОСТОКА И ЗАПАДА</u>		
	18. <u>КНЯЗЬ РОЗЕНКРЕЙЦЕР</u>		
	19. <u>ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА</u>		
	20. <u>ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ВЕЛИКИЙ МАСТЕР (ВЕЛИКИЙ МАГИСТР) (ПОЖИЗНЕННО)</u>		
	21. <u>НОАХИТ ИЛИ ПРУССКИЙ РЫЦАРЬ</u>		
	22. <u>РЫЦАРЬ КОРОЛЕВСКОГО ТОПОРА ИЛИ КНЯЗЬ ЛИВАНА</u>		} <i>Черное масонство</i> <i>Философские степени (градусы)</i> 19° - 29°
	23. <u>ХРАНИТЕЛЬ СКИНИИ</u>		
	24. <u>КНЯЗЬ СКИНИИ</u>		
	25. <u>РЫЦАРЬ МЕДНОГО ЗМЕЯ</u>		
	26. <u>КНЯЗЬ МИЛОСЕРДИЯ</u>		
	27. <u>ВЕЛИКИЙ КОМЕНДАНТ ХРАМА</u>		
	28. <u>РЫЦАРЬ СОЛНЦА</u>		
	29. <u>ВЕЛИКИЙ РЫЦАРЬ СВ. АНДРЕЯ</u>		
30. <u>РЫЦАРЬ КАДОВ</u>			
31. <u>ВЕЛИКИЙ КОМАНДОР</u>	} <i>Белое масонство</i> <i>Административные степени (градусы)</i> 30° - 33°		
32. <u>ПРЕКРАСНЫЙ РЫЦАРЬ КОРОЛЕВСКОГО СЕКРЕТА</u>			
33. <u>ВЕРХОВНЫЙ ИНСПЕКТОР</u>			

Степени шотландского обряда начинаются с 4. Подчеркнуты степени, инициация в которые существует в Италии. Степени с 4 по 18 присуждаются Капитулом. Степени с 19 по 30 — Ареопагом. Ритуальные Ученые советы по присуждению 31 — 32 — 33 степеней соответственно называются «Верховный суд», «Верховная консистория» и «Верховный совет».

Всякий раз, когда речь идет о Древнем шотландском общепринятом обряде, особенно в антимасонской литературе, его отождествляют с двумя стереотипами. Первый стереотип — могущество обладателя 33°, являющегося влиятельной особой, секретно управляющей масонством, посредством которого это могущественное лицо обеспечивает себе господство над миром непосвященных. Второй стереотип — оккультизм: капитулы, ареопаги, консистории являются местом сборища поклонников сатаны, некромантов или, в лучшем случае, фанатичных ревнителей традиций средневекового рыцарства. Когда в прошлом веке Лео Таксиль решил использовать, как подчеркивает Меллор, невероятную доверчивость общественности, опубликовав свои «Разоблачения масонских таинств», то он прежде всего начал с обвинений против одного из крупнейших представителей шотландского обряда, американца Альберта Пайка, который якобы является верховным жрецом «люциферова масонства», совершающего «палладианские оргии». О Пайке говорилось как о масоне, обладающем особой привилегией лично встречаться с самим дьяволом по пятницам в три часа пополудни. В апреле 1897 г. Таксиль публично заявил, что все написанное им было озорным розыгрышем, который он устроил из желания подзаработать. Но «таксизм» пережил своего основателя, и до сего времени встречаются люди, которые убеждены, что масонство опасно для общества и душевного здоровья и что именно шотландский обряд — темное дно масонского ордена. Все домыслы такого рода в случае, если они не создаются преднамеренно, коренятся в культурно-психологической атмосфере непонимания смысла шотландского обряда. Его ритуальная сторона, несомненно, расцвечена разноцветными символами и пышно звучащими титулами, о «невинности» и психологической значимости которых нами было сказано несколько слов в первой главе. Однако фактическая сторона состоит в том, что, согласно масонскому праву, некто, обладающий 33-й степенью шотландского обряда, не имеет большей власти

по сравнению с любым другим Мастером. Согласно тому же обряду, он не обладает никакими директивными полномочиями в самом ордене. Что касается социального статуса обладателей высших шотландских степеней, то следует иметь в виду, что 33-я степень присваивалась и главам государств, и никому неизвестным ремесленникам, и прославленным революционерам, которые выступали с оружием в руках против тех же глав государств. Так же и в своем шотландском течении масонство с социологической точки зрения неопределимо³. Да и могло ли быть иначе, коль скоро иерархия шотландского обряда не строится в соответствии с социальной иерархией непосвященного мира, а существует в виде шкалы постепенного приобщения к знаниям, сравнимой, если допустимо подобное сопоставление, с тем, как присуждаются ученые степени в системе высшего образования.

Домыслы о том, что шотландский обряд освящает практику оккультизма, надо полагать, происходят из-за непонимания разницы между оккультизмом и эзотеризмом. Поясним, что оккультизм основан обычно на мистификации, якобы подтверждающей возможность активизировать паранормальные силы и даже управлять ими путем произнесения или начертания определенных ритуальных заклятий. При этом оккультизм претендует на так называемое «благоприятное расположение светил» и вмешательство на своей стороне душ покойных предков. Подчеркнем в этой связи, что такие известнейшие исследователи гнозиса, как Пико делла Мирандола и Рене Генон, в разное время разоблачали глупость и опасность астрологии и спиритизма. Эзотеризм же является методом познания внутренней сущности вещей. Греческое слово «esotericos» означает понятие «внутреннее и личностное». Эзотерическое познание возможно благодаря научному поиску и индивидуализации тех связей, которые образуют целостность при всем многообразии проявлений сущего и мыслящего субъекта. При этом речь идет также об установлении тождества, как ритуального, так и психологического, между собственно самостью и «ценностями». Так, Князь Розенкрейцер — это гнозис. Рыцарь Кадош — справедливость. Кроме того, эзотеризм предполагает сравнительное изучение великих духовных и философских учений. Наконец, посредством индивидуализации научного поиска или, говоря иначе, определения места и «атмосферы», способ-

ных поддерживать эмоционально упорядоченную духовную аскезу, происходит своеобразная интенсификация мыслительных способностей человека. По эзотерической традиции, глубокий мыслительный процесс вообще невозможен без глубоких эмоциональных переживаний, создаваемых разыгрываемой в храме ритуальной психодрамой и ее ритуальной эстетикой. Шотландский обряд — своеобразная антология эзотеризма, а отнюдь не сценическая площадка оккультизма. Впрочем, это подтверждают все мало-мальски серьезные исследования символического и ритуального багажа масонства.

Как и когда появился Древний шотландский обряд? Каково его духовное содержание?

Разумеется, шотландские степени не были придуманы кем-то за один раз. Процесс оформления этих степеней продолжался не один год. Палу⁴, например, выдвигает предположение, правда недостаточно обоснованное, что шотландский обряд в домасонскую эпоху был обрядом корпорации лесорубов. В этой связи французский автор напоминает о существовании Шотландского замка в районе От-Марш и таких заповедных мест, как Шотландские роши во французских кантонах Крессанже и Лере.

Более вероятной нам представляется гипотеза, согласно которой шотландский обряд возник в XVIII в. под влиянием довольно пестрого и разнородного движения, центральной фигурой которого был полулегендарный Андре Мишель Рамсей. Но о нем мы поговорим в дальнейшем.

Прежде следовало бы обратить внимание на хронологию. Историк масонства Р. Гульд сообщает об одной ложе «шотландских мастеров», собравшейся в Лондоне в 1733 г. Приблизительно в то же время под началом Великого капитула, заседавшего в Эдинбурге, состоялись первые посвящения масонов в высшие шотландские степени. Во Франции в 1743 г. лионские масоны под влиянием Рамсея совершали посвящения в степень Малого избранника, которая со временем исчезла, уступив место степени Рыцаря-избранника Девяти и Рыцаря Кадош⁵. В 1762 и 1786 гг. с введением так называемых лозаннских Уставов и Уставов Фридриха II создание общей схемы шотландского обряда было практически завершено.

С организационной точки зрения становление обряда продвигалось медленно. Первые два Верховных совета

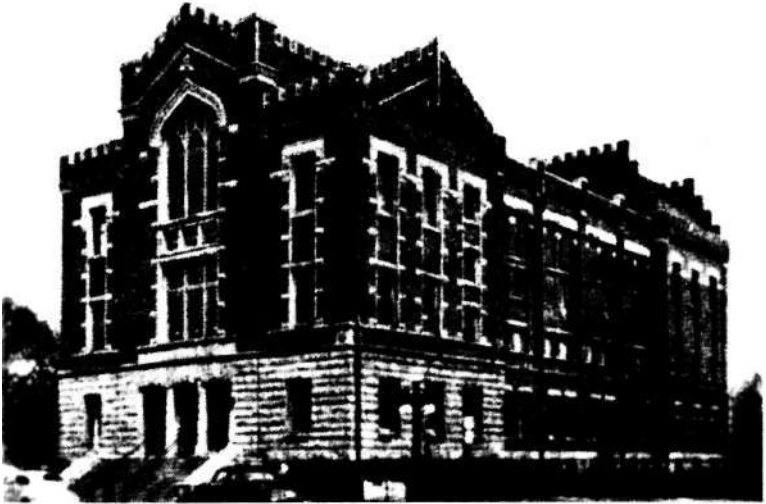
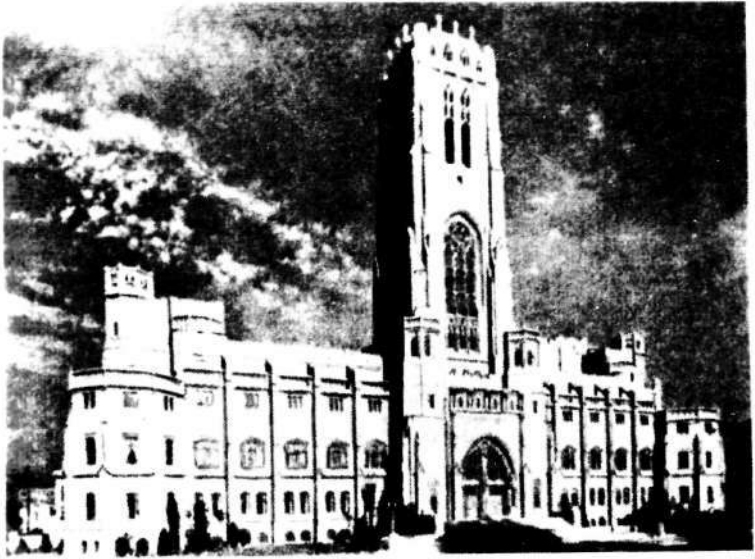
(высшие органы власти на определенной территории) были учреждены в Чарлстоне (Южная Каролина, США) в 1801 г. и в Париже в 1804 г.

В Италии первый Верховный совет был учрежден в Милане в 1805 г. В период между 1814 и 1859 гг., когда военно-политические события привели к разобщению организационной структуры масонства, инициации совершались на индивидуальной основе представителями высшей масонской иерархии шотландского обряда, обеспечившего, таким образом, непрерывность масонской работы в Италии. Это объясняет, отчего в объединенной Италии вплоть до первых десятилетий нашего столетия шотландский обряд пользовался такой широкой известностью, которая во много крат превосходила реальное влияние ордена на ход событий в этой стране. Воспользовавшись такой обстановкой, представители шотландского обряда в Италии включили в свой состав первые три «голубые» степени масонского ордена, чем превысили свои полномочия. Только в 1922 г. Великий Восток Италии «нормализовал» свои отношения с шотландским обрядом, предоставив ордену полную независимость от обряда. Обстановка в среде итальянского масонства в то время была осложнена еще и тем, что представители Итальянского символического обряда вели борьбу с шотландским обрядом за влияние на орден. В результате шотландский обряд лишился права посылать своих представителей в Совет ордена и в Исполнительный комитет Великого Востока.

Учредительное собрание 1949 г. окончательно подтвердило правомочность этой реформы итальянского масонства. Таким образом, организационная структура итальянского масонства впервые была приведена в соответствие с нормативами Всемирной общины⁶.

История шотландского обряда заслуживает, однако, специального исследования. Мы же остановимся на фигуре А. Рамсея. Его понимание деятельности вольных каменщиков, изложенное в знаменитой речи, с которой он выступил в марте 1737 г. на собрании парижских лож, оказало как положительное, так и отрицательное воздействие на стиль шотландского обряда.

О положительном воздействии можно говорить потому, что благодаря Рамсею в обряде утвердился эклектизм и универсализм, характеризующие мировоззренческую открытость этого направления в масонстве. Говоря о негативном воздействии Рамсея, следует выде-

*Внешний вид масонских храмов шотландского обряда
в Индианаполисе (вверху) и Канзас-Сити (США)*

лить тот факт, что подчеркивание рыцарского компонента в качестве источника масонского ордена внесло в деятельность масонства «фантастическую» струю, разрушавшую его универсалистскую открытость.

Рамсей, как мы увидим, рассматривал историю рыцарства исключительно с апологетической точки зрения, игнорируя все, что в этой истории было связано с разрушительной и насильственной стороной.

А. Рамсей родился в Шотландии приблизительно в 1686 г. в пресвитерианской семье, но в 1710 г. обратился в католичество, предпочтя, правда, его квиетистское направление в духе Фенелона. Двадцать лет спустя он присоединился к масонам, будучи уже безудержным ревнителем рыцарских традиций и рыцарской геральдики. Его дядя был конюшим одного из рыцарских орденов, эмблема которого входила в геральдику луарского дома Бульонов, домашним учителем и историком которых был А. Рамсей. Его политические симпатии были отданы партии Стюартов.

Если проанализировать его знаменитую речь, то нельзя не обратить внимания на следующий интересный тезис: древние законы, оправдывающие военный захват и экспансию одного народа в ущерб другому, не могут стать универсальными законами. Дурно понимаемый патриотизм приводит к разрушению любви ко всему человечеству. Масонство возникло для того, чтобы возратить подлинное звучание истине, извванной в человеческой природе: «Весь мир — это одна великая Республика, где все народы — одна семья»⁷.

Этой истине подлинного космополитизма и будут верны многие масоны на протяжении последующих столетий. Однако в той речи Рамсей попытался дать историческое обоснование своему космополитизму и не нашел ничего лучше, как сослаться на его мнимых провозвестников — крестоносцев. Говоря об участниках крестовых походов как о «людях высочайшей пробы», «лишенных изменных интересов», Рамсей оказался на грани гротеска. Здравый смысл вообще покидает Рамсея, когда он перестает различать истинный космополитизм и колонизаторские устремления католических монархий, крестовые походы которых несли смерть и разрушение.

Рамсей, движимый сыновней преданностью к рыцарям-крестоносцам, даже утверждал, что обычай «дивертисмента» (типичный в обиходе французских лож XVIII в., устраивавших балы и светские приемы) является яко-

бы наследием эпохи крестовых походов и что таким образом рыцари желали сделать более привлекательным и вождельным «изучение философии». Здесь фантазия Рамсей не ведаёт границ, так как вряд ли кто-нибудь ещё возьмётся предположить, будто в уставные требования рыцарских орденов входило распространение любви к философским занятиям. Вряд ли кто-нибудь ещё скажет, что рыцари были поборниками «невинных удовольствий», когда доподлинно известно, что образ их поведения выражен иной гаммой: от аскетизма до насилия над женщинами, захваченными в стане противника.

В своей речи Рамсей провёл параллель между масонскими «тайнами» и уставными «паролями» рыцарей-крестоносцев, предупреждавших друг друга об опасности, «когда, — фантазирует Рамсей, — «сарацины» проникали в их лагерь и рыскали среди шатров, чтобы перерезать горло кому-либо из неправовверных»⁸. В действительности же исторические исследования доказывают только, что секреты мастерства корпораций каменщиков средневековья являются той единственной культурной почвой, на которой выросла масонская традиция заветного знака, слова и токкаты.

«Имя «вольные каменщики», — обращался Рамсей к парижским масонам, — не следует понимать буквально, в его грубом и материальном смысле, как если бы наши отцы-основатели действительно были простыми каменотесами или талантливыми прорабами, стремившимися усовершенствовать свое ремесло. Наши отцы-основатели были не просто талантливыми архитекторами, посвятившими все свои знания и умение делу воздвижения зримых храмов, они были князьями веры и воителями, которые желали просвещать, строить и защищать живые храмы...» — то есть отдельных людей, так как здесь Рамсей имеет в виду рыцарскую присягу защищать пилигримов, женщин, детей и стариков⁹.

В цитируемом отрывке из речи Рамсея, «отца-основателя высших шотландских степеней», снова говорится о рыцарском происхождении масонства, хотя в поддержку его тезиса нет каких-либо исторических доказательств. Вряд ли подобными доказательствами можно счесть легендарные предания вроде того, где повествуется о том, как преследуемые тамплиеры были по-братски приняты и посвящены в масоны килвиннгской ложей в Шотландии. В поддержку рыцарской версии нет и логических доказательств. Очевидность происхождения современ-

ного масонства как ответвления средневековой корпорации вольных каменщиков настолько исчерпывающая, что не оставляет места для поиска какой-либо альтернативной генеалогии.

В завершение своей речи Рамсей обратился к тем временам, когда по возвращении из Святой земли «князья веры и воители» (судя по всему, Андре Мишель Рамсей не сомневался, что два эти занятия не всегда сочетаются должным образом) основали свои ложи в Европе. Затем, по словам Рамсея, ложи повсюду пришли в упадок. И только в Шотландии им удалось сохранить свое прежнее великолепие ¹⁰.

Наряду с сумасбродными фантазиями, психологически объяснимыми тем, что аристократ стыдился признать, что средневековые масоны действительно в большинстве своем были заняты тяжелой физической работой, Рамсей высказал и ряд интересных мыслей. Кроме рассуждений о космополитизме, в его речи содержится также аналогия, указывающая на связь масонства с мистериями античности, а также важная с исторической точки зрения идея, которую можно считать самой революционной идеей XVIII в. Это идея "Энциклопедии". Предоставим читателю возможность судить об этом, приведя знаменитый отрывок из парижской речи Рамсея: «Все Великие Мастера в Германии, Англии, Италии и в других странах обращаются с призывом ко всем знающим и умелым людям, входящим в наше братство, соединить усилия, чтобы снабдить необходимым материалом Универсальный словарь свободных искусств и прикладных наук, за исключением только теологии и политики. В Лондоне уже началась работа, и благодаря встрече с нашими братьями ее можно будет завершить в считанные годы. В словаре предполагается не только дать объяснение технических терминов и их этимологии, но изложить также историю всех наук и ремесел и их принципы... Эта работа будет расти из века в век, следуя возрастанию Света...» ¹²

Печатающие слова, особенно если учесть, что Рамсей взялся претворить их в дело. В 1741 г., четыре года спустя после произнесения своей знаменитой речи, он приступил к написанию первого энциклопедического словаря, который вышел в свет уже после его смерти в 1752 г.

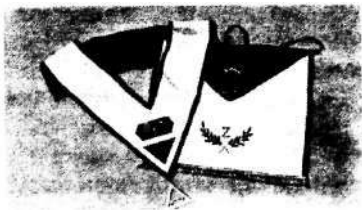
Мы не считаем Рамсея просто «авантюристом», как о нем иногда говорят. Энтузиазм, которым проникнуто каждое слово его парижской речи, слишком искренен,

чтобы с подобными идеями мог выступить нечестный ловкач. Его неумную любовь к рыцарской аристократии также можно простить: Рамсей не мог знать тех выводов, к которым пришла историческая критика, судившая о крестовых походах как о предприятии, не имевшем ничего общего с «идеализмом». Рамсей не догадывался, что рыцарская присяга, обязывавшая воина защищать слабых и беззащитных, вовсе не отменяет факта соучастия рыцарства в преступлениях своей эпохи. Известно, что рыцарство и феодалы-угнетатели были двумя сторонами той же медали.

Рамсей мог не знать, что в то самое время, как воспевалась рыцарская любовь к Прекрасной Даме, рыцари безнаказанно насиловали женщин. Все говорили только о том, что рыцари исповедуют любовь к мистической Даме, стремятся обессмертить свое имя под знаком всемогущего эроса и т. п. Но никто не говорил, что в повседневной жизни поведение рыцаря отнюдь не было выше стандартов поведения той эпохи. Не стоит вспоминать и о рыцарской нетерпимости к нехристианским религиям. Этой нетерпимости смогли избежать, да и то отчасти, разве что осевшие на Святой земле рыцари, которые вынуждены были соприкасаться с окружающей их местной культурой. Так что парадокс Рамсея, искреннего поборника терпимости и универсализма, состоит в том, что свои устремления он освятил ложной эмблемой рыцарских традиций.

Мы полагаем также, что Рамсей, пропагандируя рыцарское предание, с одной стороны, вернул культуре лучшие и благородные черты рыцарства, с другой же — и это самое главное — предоставил возможность французской аристократии, переживавшей в тот момент глубокий кризис идентичности, признать движение вольных каменщиков.

Различные степени шотландского обряда «рыцарские» не только по названию. Несмотря на этот специфический фон, шотландский обряд тем не менее подпитывается самыми разнообразными традициями. Главным образом это библейский эзотеризм и тематика розенкрейцерства со всеми герметическими, гностическими и алхимическими их направлениями. В историческом плане следует отвергнуть попытки приравнять шотландский обряд к многочисленным вариантам рыцарских орденов. В частности, речь идет об исследователе геральдики Лучиано Пелличчиони ди Поли, который в своей

*Знаки отличия 4-й степени шотландского обряда.
Символы — сломанный ключ,
урна, литера «Z»,
лавровая и оливковая ветви*

монографии «Рыцарские ордена в масонстве» пишет, к примеру, о том, что Кристиан Розенкрейцер практиковал обряд, учрежденный царем Хирамом Тирским¹³. Кроме того, нам представляется неоправданным сравнивать специфический масонский эзотеризм со стремлением молодых дворянских повес украшать свою жизнь знаками отличия и почетными званиями. Степени, принятые в шотландском обряде, не были изобретены царствующими особами, чтобы подчеркнуть особую торжественность своего свадебного обряда, как, например, был учрежден орден «Золотого Руна», когда Филипп Добрый, герцог Бургундии, в 1430 г. сочетался браком с Изабеллой Португальской. При внимательном рассмотрении в шотландских степенях еще и сегодня можно заметить следы глубокой работы, связанной с переосмыслением традиций первоначального масонства. Речь идет о переосмыслении в новых условиях символики «смирненного и славного» труда средневекового каменщика.

Попытаемся прокомментировать теперь некоторые степени шотландского обряда.

Четвертая степень принадлежит «Тайному Мастеру», посвященному в культ долга и благоразумия.

Мастер становится Тайным Мастером после того, как символически он отыщет «потерянное слово». Он принимает обет хранить это слово, что требует от него проявлять лояльность, постоянство и чувство долга. «В горе и радости чувство долга неотвратимо звучит в нас, как бой часов, отмеряющих время», — гласит поучение, вменяемое Тайному Мастеру. Его долг — углублять в тайне своего сознания личностное понимание легенды о Хираме.

При посвящении в степень Ученика уже упоминалось «завещание», в котором изложены его обязанности. Теперь же в момент посвящения в первую степень шотландского обряда (тоже своего рода ученичества) тема долга снова становится ведущей. Та же тема циклически возвращается вплоть до самых высоких степеней.

Согласно Джузеппе Мадзини, «долг состоит в следующем: отдельный человек во всех проявлениях и поступках своей жизни, свершаемой во имя любви к Богу и человеку, воплощает собой все то, что, как он верит, является относительной правдой или абсолютной истиной»⁴. Подчеркнем, что этическая норма, предписывающая человеку повиноваться голосу собственной совести, соотносить свои поступки с Высшим законом нравственности, имеет древние корни. Священный текст индуистов «Бхагавадгита» (записанный в позднее время, но сформировавшийся за несколько веков до н. э.) содержит основополагающую формулировку закона нравственного долга. Кришна объявляет, что истинно свободный человек — тот, кто не пытается судорожно вцепиться в плоды своего труда, тот, кто поступает согласно внутренней ценности своих поступков¹⁵. Однако «долг» не может пребывать исключительно на стороне индивидуального сознания. Ведь слишком часто чувство долга оказывается искаженным под давлением эмоций или общественно-культурных обстоятельств. Если бы «долг» измерялся только индивидуальным сознанием, то в таком случае можно было бы оправдать любой, даже самый жестокий поступок. Достаточно сказать самому себе, что мой поступок был продиктован совестью, пусть даже и при помутненном сознании. Подобное оправдание неправомерно, да и невозможно. При исполнении долга индивидуальное и универсальное (если угодно, социальное) должны идти рука об руку, как об этом писал Кант, полагавший, что человек должен действовать таким образом, чтобы максимум его воли неизменно имел ценность принципа универсального закона. Массонство, претендующее на синтез индивидуального и универсального, говорит о долге как о свободе действующего человека.

По Мадзини, Тайный Мастер признает, что основа должностования заключена в Боге. Крупнейший деятель итальянского Рисорджименто писал так: «Если допустить, что нет священного, нерушимого, не созданного людьми закона, то по каким нормам судить, является ли тот или иной поступок справедливым или несправедливым? Во имя кого, во имя чего станем мы тогда протестовать, видя угнетение и неравенство? Без Бога нет другого господина, кроме Факта...»^{16*}

* По-итальянски — «Fatto», то есть содеянное, уже свершившееся. — *Прим. перев.*

В четвертой степени шотландского обряда содержится также определенная связь с еврейским монотеизмом: Великий Архитектор Вселенной не должен изображаться в виде какого бы то ни было существа. Его нельзя надевать пороками и страстями человека, подобно тому как поступали «язычники» со своими богами.

Цепь, украшающая грудь Тайного Мастера, содержит изображение урны и сломанного ключа. Ключ этот сделан из слоновой кости, и на нем изображена литера «Z». Символически Тайный Мастер владеет ключом от урны, в которой пребывает Истина, Сияние (символизируемое литерой «Z», которую, согласно У. Порчатти, следует понимать как инициал одного из древнееврейских слов, выражающих идею сияющего света¹⁷). Но ключ, как сказали мы, сломан. Обязанность Тайного Мастера починить его, то есть сложить воедино утраченное и обретенное слово — постоянно воскрешать в себе Мастера Хирама посредством углубленного изучения смысла посвящения в третью степень.

Символ ключа вполне объясняет всю символику степени Тайного Мастера. Все темы этой степени сводимы к легенде о Хираме, смысл которой в смерти и воскрешении. И (случайное совпадение? подражание? воздействие архетипа?) лейтмотив — многие античные божества мистерий и царства мертвых представлены как владельцы ключа. Ключ в руке Зона, божества, участвующего в мистериях Митры. Ключ у Януса, открывающего врата равноденствий. Ключ у Гекаты, греческой богини азиатского происхождения, которая царствует в загробном мире и выводит призраки умерших из мрачного узилища. Хирам, заметим, также покидает свое узилище. Итак, издревле ключ символически ассоциируется с инициацией, с темой смерти и возрождения к жизни. Христианство не исключение из этого «символического закона». Иисус вручает Петру ключи от «царства небесного», то есть того измерения, которое достижимо только путем преодоления многочисленных «испытаний». В Откровении Христос предстает перед Иоанном как имеющий ключи от ада и смерти¹⁸.

Девятая степень Рыцаря-избранника Девяти основана на продолжении легенды о Хираме. После того как было найдено бездыханное тело строителя храма, Соломон избрал девять мастеров, поручив им отыскать и представить ему живыми убийц Мастера. Девять Мастеров отправились в путь. Один из них, по имени Иаоберт,

вдохновляемый жаждой отмщения, раньше других подошел к пещере, которую неизвестный указал Соломону как прибежище Подмастерья, лишившего Хирама жизни. Убийца был на месте, спал на земле, и Иаоберт, послушавшись Соломона, взял его кинжал и убил его. Затем вместе с другими Мастерами он торжественно принес Соломону голову убийцы Хирама. Соломон жестоко упрекнул Мастера: «Несчастный! Теперь ты и сам убийца... Кто дал тебе право приговаривать к смерти и убивать?.. Вот человек, который осмелился поверить, что преступление может послужить истине. Справедливость он подменил своей личной страстью...»

Один из царедворцев тотчас занес свой кинжал, чтобы казнить Иаоберта, но Соломон остановил его. «Так что же, человечеству вечно идти кровавым путем смертной казни? Неужели за тираном будет идти тиран, — говорит Соломон в масонском ритуале, — неужели так вы надеетесь добиться освобождения?» На этом фрагменте из ритуальной практики строится последующее масонское рассуждение, посвященное «вечному закону, по которому революция, насытившись кровью жертв, которые были напрасны, становится, в конце концов, реакцией в самом тяжком смысле этого термина»¹⁹.

Обряд степени Рыцаря-избранника Девяти воспроизводит схему легенды. Но его поучение, несущее на себе ярко выраженный социально-этический отпечаток, получило превратное толкование.

Антимасонская пропаганда, как, например, анонимный комментатор в книге «Иллюстрированное масонство шотландского обряда», не брезгует следующими домыслами: «Правильное понимание девятой степени, равно как и других степеней, приведет 999 человек из тысячи к убеждению, что вся эта масонская система, в особенности же девятая степень, придумана для того, чтобы сделать людей мстительными и невосприимчивыми к кровопролитию»²⁰.

Нам же представляется, что поучение степени Рыцаря-избранника Девяти идет в противоположном направлении, предостерегая человека от опасности мстительных, поспешных, основанных на предвзятости форм правосудия. Во всяком случае, это поучение призывает человека отказаться действовать по принципу «смерть за смерть». Тот же антимасонский источник, говоря о присяге, которую приносит масон при посвящении в степень Рыцаря-избранник Девяти (эта присяга, как, впро-

чем, и другие шотландские степени, предусматривает суровое символическое наказание всем, кто осмелится ее нарушить), цитирует высказывание Адамса о том, что «даже мясник, в котором есть хоть сколько-нибудь сердца, не стал бы так калечить животное, как масоны, соглашающиеся претерпеть казни, если выдадут свои масонские тайны»²¹.

Это одна из бьющих на эффект фраз, которая и сегодня может произвести впечатление на несведущую аудиторию. Очевидно, что любая присяга — это символ, иными словами, нравственное обязательство, выраженное в символической форме. Издревле нарушение присяги считалось святотатством. В древнеримской армии клятва на верность императору именовалась «*sacramentum*» — от «*sacrum*» — святое. Присяга — обязательство, которое берет на себя «присягающий», то есть прикасающийся к святому. С психологической точки зрения вполне понятно, что всякая «клятва» должна быть обставлена таким образом, чтобы утратить «клятвопреступника» посредством образов, предрекающих ужасы наказания. Психоанализ рассматривает присягу в качестве вербализации сверх-я, то есть зоны, ответственной за наказание в нашей психике, которая в области подсознания не ведаёт никаких полумер: преступление или вина здесь равны смерти.

Во всяком случае, в истории не известно ни одного случая, когда бы масонские клятвопреступники понесли наказание. Изученные нами документы не содержат ни одного факта о том, что кто-нибудь из Рыцарей-избранных Девяти, замеченный в разглашении тайны, был отдан на съедение грифонам. Напротив, в прошлом именно в масонских ложах и ритуальных залах готовились призывы к отмене смертной казни.

К тому же и сам Всемогущий (лицо, председательствующее во время посвящения в Рыцаря-избранника Девяти) объясняет новому Рыцарю, что в присяге «слышны отзвуки того времени, когда был составлен ее текст». Что касается послушания в ордене и шотландском обряде, то для масона оно заключено не в «слепом и пассивном выполнении законов и уставов, о которых он знает либо понаслышке, либо запомнил кое-что после беглого прочтения, но в устремленности к знаниям и желании глубже проникнуть в содержательную сторону этих знаний...». Короче говоря, это и есть дисциплина — от латинского «*discere*» — понимание²².

Таким образом, чувство долга и верность взятым на себя обязательствам не исключают самостоятельности суждений и свободы выбора отдельного человека.

Любопытно, что и с масонской стороны толкование степени Рыцаря-избранника Девяти носит, на наш взгляд, искаженный характер. У. Порчатти, один из наиболее известных итальянских исследователей шотландского обряда, полагает, что данная степень несет на себе отпечаток доктрины баварских иллюминатов, анархо-масонского движения, основанного в 1776 г. Вайсгауптом. Если оставить в стороне вопрос о прямом историческом влиянии, то, действительно, можно заметить определенную аналогию содержания, о чем мы скажем несколько позже. Но при этом Порчатти усматривает связь между иллюминатами и Рыцарями Девяти в отношении к правосудию. Нам представляется, что таким образом Порчатти не понял спиритуализм девятой степени и проигнорировал методы и цели последователей Вайсгаупта. Баварские иллюминаты принципиально отказывались от применения насилия и считали регенерацию человека (которая, по их представлениям, совпадает с примитивным, анархическим и космополитическим коммунитаризмом) строго постепенным процессом, осуществимым благодаря воспитанию и образованию. Об этом подробно пишет в своем исследовании Франкович²³. Похожи ли эти ревнители педагогики утопии на «палачей»?

Аналогия в содержании деятельности баварских утопистов и адептов девятой степени шотландского обряда, на наш взгляд, состоит именно в том приоритете, который они отдают умеренному и рациональному правосудию, противопоставляя ее правосудию, основанному на предвзятости и страстях. Их общий приоритет — воспитание и образование, а не борьба за нового человека, убеждение, а не принуждение, прощение, а не месть. В ритуале девятой степени Соломон прощает Иаоберта. История засвидетельствовала, что баварские иллюминаты прощали (или мечтали простить) своих врагов, духовных и светских тиранов, видя решение проблем в нравственной реформе общества, способной воссоединить человечество без того, чтобы одна его часть вышла из столкновения побежденной, а другая победительницей.

Мы приведем сейчас отрывок из английской антологии «Сокровищница масонской мысли», в котором Альберт Пайк высказывается на тему «истина и правосудие». Нам представляется, что этот отрывок может служить

комментарием к поучению девятой степени, хотя, судя по всему, он не был написан с этой целью.

«Правосудие вовсе не заключается в том, чтобы отмерить другому человеку соответствующее вознаграждение или наказание, которое, по нашему разумению, заслужил этот человек или же заслуживает то, что мы именуем его преступлением, в действительности же чаще всего оказывающееся его заблуждением. Правосудие отца не является несовместимым с прощением ошибок и обид, причиненных сыном. Бесконечная справедливость Бога не состоит в том, чтобы точно отмеривать наказание за человеческие слабости и грехи.

Мы же проявляем чрезмерную склонность возводить в ранг законов справедливости свои собственные мелкие и утлые познания о том, что есть добро и справедливость. Мы даже осмеливаемся утверждать, будто Бог примет наши законы и сделает своими Законами. Мы чересчур склонны измерять все вокруг собственной короткой меркой и называть ее законом правосудия.

Мы постоянно превозносим свою подлую любовь к мести и казни, именуя их ошибочно правосудием.

Но правосудие в отношении других и правосудие к нам самим совпадают. Мы не можем определить свои обязанности посредством прямых линий, математически рассчитанных по линейке. Мы можем охватить свои обязанности — свой нравственный долг только при помощи окружности, прочерченной циркулем. Круг человечности и человечества — предел, за которым их нет. Мы же лишь точка посередине, капля в безмерном океане, атом или элементарная частица, связанная с каждым другим атомом массы посредством таинственного закона притяжения, который называется гармонией...

Как естественно, почувствовав себя оскорбленным, желать отмщения. Как легко убедить себя, что мы желаем мести не ради личного удовольствия, а для того, чтобы не допустить повторения зла, носитель которого будет поощрен безнаказанностью, извлечет корысть из своего поступка... Нет, недаром мстительность называют правосудием дикарей. Чувство мести возможно лишь в гневе. Следовательно, оно недостойно великодушного человека. Великодушный человек не потерпит, чтобы его душевное равновесие было нарушено чьей-то неблагодарностью или злодеянием...»²⁴

Знаменитый американец говорит в продолжение своего размышления о том, что в случае если человеку не

удается избавиться от мстительности, то ему следует попытаться умерить свой пыл, положившись на справедливость и милосердие. В заключение Пайк обращается к примеру стоической этики, предельно ясно изложенной в известных словах Марка Аврелия о том, что каждое утро необходимо начинать со слов, сказанных самому себе: «Мне предстоит сегодня иметь дело с людьми, которые любопытны, лезут не в свои дела. Мне предстоит встретить людей неблагодарных, наглых, хитрых, злонамеренных, общительных до назойливости. Но такими они стали, не ведая, что есть добро, а что зло. Я же тот, кто сумел осмыслить природу добра и природу зла... Я понял природу человека, совершающего дурной поступок, и уразумел, что он такой же брат мой, пусть не по крови и семени, но брат, потому что он тоже частица божественного разума и божественного деяния. Я понимаю — недостатки других не способны причинить мне никакого ущерба. Чужое уродство мне не во вред. Вот отчего не могу я гневаться на ближнего своего. Не могу и видеть себя его врагом...»²⁵

Тринадцатая степень шотландского обряда называется степенью Королевской арки и построена на символике, входящей в систему масонства Королевской арки, о которой будет сказано в следующей главе.

Семнадцатая степень — Рыцарь Востока и Запада — выдержана в стилистике Откровения Иоанна Богослова. Почетный знак степени представляет собой восьмиугольник, на лицевой стороне которого изображен Агнец с книгой Семи Печатей, на оборотной стороне символическое изображение весов и двух скрещенных мечей.

Мы не станем излагать всю легенду этой степени. В легенде нет и намек на какие-либо подлинно исторические события. Заслуживает внимания лишь ее центральное ядро, являющееся, по сути дела, страстным призывом к синкретизму. Речь идет о соединении Востока (учения инициационных направлений ессеев и терапевтов) с Западом (христианским рыцарством). Связь с Апокалипсисом апостола Иоанна, одним из наиболее интересных текстов христианского гносиса, насыщенным символикой и тонко обрисованным доктринальным подтекстом, очевидна в степени Рыцаря Востока и Запада благодаря центральной символической роли числа «семь», которое чрезвычайно часто встречается в тексте Откровения. По мнению М. Холла (если оставить в стороне многочисленные символические значения, приписываемые

числу «7»), «семерка» символизирует в данном случае мистическую природу и судьбу человека, ибо это число состоит из «3» (Троица, божественная Триада, духовный мир) и «4» (четыре элемента, четыре измерения, материальный мир). Человек же — сумма материи и духа. Геометрически «7», согласно пифагорейской традиции, выражается кубом, состоящим из шести сторон и одной вершины, то есть духа, от которого исходят шесть направлений — вертикальное, горизонтальное, северное, южное, восточное и западное²⁶.

В связи с данной символикой следует напомнить и о тематике третьей степени ордена, которая уже была нами рассмотрена. Таким образом, видна неслучайность эпизода, в котором Мастер, пережив сакрально смерть Хирама, призван трудиться над кубическим камнем в течение семи лет. Число «семь», человеческое измерение и куб тракуются масонством совместно в знак уважения символических связей гораздо более древних, чем триста лет существования «созерцательного» масонства. Помимо пифагорейского референта, следует также иметь в виду один из основных текстов каббалы — «Sepher Yesirah». В нем семь букв еврейского алфавита, имеющих двойное произношение, символизируют антитезы человеческой жизни.

Но обратимся к семнадцатой степени шотландского обряда. В одном из американских толкований этой степени содержится весьма примечательный диалог²⁷, который мы не преминем предложить вниманию читателя:

- Сколько лет тебе?
- Я очень стар.
- Откуда идешь ты?
- Из Патмоса.

Патмос — остров в Эгейском море, куда апостол Иоанн был сослан, как сказано в Откровении, «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (Откровение, 1, 9), то есть в связи с гонениями на христиан, которым они подвергались при императоре Домициане, правившем с 81 по 96 г. н. э.²⁸

На этих страницах мы не в состоянии дать развернутый комментарий Апокалипсиса. Напомним только, что в этом тексте Иоанна, или того, кто скрывается под этим именем, ибо авторство апостола многими оспаривается, содержится аллегорическое описание конца света, или, лучше сказать, завершение человеческого цикла. После заключительной катастрофы, после крушения

царств и убийства дракона мир, погибший в грехах и зле, узрит наконец явление града избранных — Нового Иерусалима: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже...» (Откровение, 21, 1—4).

По мнению ряда авторов, Апокалипсис не только является воплощением библейского обещания заключительного освобождения, но и свидетельством христианской инициации. На одной из лекций, состоявшихся в Нюрнберге 18 июня 1908 г., Рудольф Штейнер утверждал, например, что из текста Иоанна выводимы три основных этапа пути духовного познания: «Первое, что воспринимает человек, есть мир образов, являющихся символическим выражением духовного мира, затем — мир музыки сфер, являющийся символическим выражением высшей духовной сферы, и, наконец, мир духовных существ, которые человек может только представить в своем воображении, опираясь на сравнение со своей собственной сущностью, то есть с тем, что в нем самом действует, повинуюсь силам добра и силам зла.

По этим ступеням должен взойти участник инициации. Эти ступени отчетливо представлены в Апокалипсисе Иоанна. Отправная точка — физический мир. В семи письмах сказано то, что обычно говорится в ходе общения с физическим миром... После семи писем наступает мир семи печатей. Это мир образов первой ступени инициационного пути. Следом приходит мир гармонии сфер. Мир этот может воспринимать тот, кто имеет духовный слух. Он представлен семью трубами. И еще один мир, в котором иницируемый воспринимает его сущность. Он представлен существами этой ступени. Этот мир отвергает силы, противостоящие добру...»²⁹

Не знаем, насколько обоснованны эти рассуждения Штейнера. Мы привели их с той целью, чтобы читатель мог сам судить об образности текста, прочитанного мыслителем, которого нередко обвиняют в фантазировании только потому, что не согласны с его «причудли-

выми» мнениями. Подчеркнем, что Штейнер не был масоном, хотя, как он сам пишет в своей автобиографии, и был награжден почетной грамотой «яркеркерских масонов» («египетского» толка) и даже учредил особую ритуальную секцию в антропософском обществе, основателем которого он и был ³⁰.

Во всяком случае, его гипотезы о внутриличностном толковании апокалипсических видений (которые традиционной теологией обычно относятся к эсхатологии, то есть учению о конце времен) не лишены смысла. Например, пользуясь его методикой, можно было бы интерпретировать символику Нового Иерусалима как выражение внутреннего благодного состояния, достижимого посредством отказа от властолюбия (ср. падение царств у Иоанна) и победы над Тенью, материально-телесной частью личности (ср. убийство дракона). В связи с последним эпизодом нам хотелось бы заметить, что убийство дракона эквивалентно лишению его силы, его трансформации или его приручению. Нам представляется весьма показательной конвергенция форм гносиса и тонко психологизированной религиозности (какая представлена христианским гностицизмом, каббалой и алхимией), подтверждающая, что в конце времен дух зла будет искуплен и допущен в царство добра. Заметим также, что, согласно психологическому учению К. Юнга, Тень не следует отвергать как нечто ужасное, ее необходимо включать в комплексную структуру психики.

Говоря об апокалипсических референтах в степени Рыцаря Востока и Запада, мы хотели бы обратить внимание читателя на один из известных документов розенкрейцерства, «Confessio», где утверждается: «Господь наш, Иегова, перевернул порядок мира. Суббота грядет, и Он спешит возвратить мир к началам, ибо его период или цикл подошел к концу» ³¹. Мы имеем здесь дело со свидетельством того, что розенкрейцеры XVI—XVII вв. основывали свои верования на Апокалипсисе. На это же указывает один из крупнейших авторитетов в истории розенкрейцерского движения, Фрэнсис Йэйтс ³². Ожидание великих перемен является постоянной темой иудаизма и христианства. При более внимательном рассмотрении это — наследие еще более дальних предков. Например, индуистская концепция времени исходит из того, что по завершении тысячи «махаяуга» («mahā-yuga») (летосчисление великих богов) материя возвратится в неразличимое состояние и будет реорганизована сози-

дательным божеством. Так же как и в Апокалипсисе, согласно «манав-дхарма-шастри» («manava-dharma-sastra»), обновлению творения предшествует период «калиюга» («kali-yuga»), характеризующийся постепенным упадком человеческой жизни и неслыханным возрастанием зла, хотя следует отметить, что между древнеиндийской концепцией времени (абсолютно циклической) и иудейско-христианской (более линейной) существует немало различий, на которых мы не станем сейчас останавливаться³³.

Вероятно, розенкрейцеры отождествляли апокалипсическое видение истории с универсальной и всеобщей реформой (Allgemeine und General Reformation), призванной слить воедино ценности первоначального христианства с началами научного мировоззрения. Известно, что Ньютон проявлял живой интерес к учению розенкрейцерства и, быть может, поддерживал контакты с представителями эзотеризма, хотя мы и не располагаем документальными подтверждениями его принадлежности к какому-либо ордену. Ньютон занимался изучением символогии и пророчества Откровения Иоанна Богослова³⁴.

В этой связи представляется интересным тот факт, что «апокалипсическая» степень Рыцаря Востока и Запада непосредственно предшествует степени Князя Розенкрейцера, то есть восемнадцатой степени. Рыцари Востока и Запада, говорится в ритуальном тексте, скитались в лесах и горах с тех пор, как был разрушен храм, претерпевая страдания за Слово. Затем они обратились с просьбой к розенкрейцерам и были приняты в их ряды.

Восемнадцатая степень шотландского обряда, по наблюдениям наиболее внимательных исследователей, обладает рядом неповторимых особенностей. Отчасти это связано с ее названием, уводящим к великим гностическим традициям прошлых эпох, отчасти — с особой торжественностью самого обряда. Нам представляется, что особенности этой степени связаны с тем, что в ней выражен синтез двух основных течений спиритуализма — универсалистско-масонской и христианско-гностической школ. Говоря о христианско-гностическом направлении, мы имеем в виду не разноцветие доктрин христианского гностицизма первых столетий, а широкое религиозное течение, в центре которого находилась фигура исторического Христа и Христа-Логоса. Этот вид религиоз-

ности был лишен догматических пут, являясь открытым для поиска в духе эзотеризма.

Например, христианско-гностической является доктрина Якоба Бёме, не вписывающаяся в гностические системы офитов, валентинианцев, карпокрацианцев и т. п.³⁵

Христианская составляющая в розенкрейцерской степени, разумеется, не связана ни с одной из форм исторического христианства. Это невозможно в контексте масонского универсализма. Христианский мотив в розенкрейцерстве выражен посредством темы любви как основной темы христианского предания, драматургия которого, по удачному определению Штейнера, построена на «солярном архетипе Любви».

Происхождение степени по-прежнему дискуссионно. Некоторые авторы предполагают, что она была введена иезуитами, хотя спиритуализм этой степени не имеет ничего общего с умонастроением иезуитства. В крайнем случае его можно определить как специфическое направление «либерального протестантизма» вроде того, какого придерживались последователи Фаусто Социно, видевшие в Христе духовного наставника, а не Сына Божия традиционной теологии³⁶.

Розенкрейцер не должен обожествлять Христа. Впрочем, и в самом христианском предании, считающем Иисуса Сыном Божиим и Господом, не говорится на эту тему однозначно. Как подчеркивает теолог и библиист Ф. Сальвони (католик, перешедший в протестантство), у евреев слово «бен» (сын) указывает не только на «родственные» связи, но и на связи «духовные», иными словами, «быть сыном кого-то» в библейском смысле не является указанием на некую специфическую реальность родства, а свидетельствует о «похожести на кого-то, о том, что этот кто-то передает через свое подобие свою волю»³⁷. Выражение «Иисус Сын Божий» (вспомним, что и Давид поименован в Библии точно так же, не говоря уже о философах, героях и чудотворцах, обожествляемых эллинизмом) не обладает, следовательно, тем значением, которое ему исключительно приписывают отцы церкви.

Что касается слова «Господь», подчеркивает У. Паньотта, известный исследователь религиозных течений, в частности социнианства в Италии, то греческий термин «kyrios» не совпадает с древнееврейским «adonai» (величие Бога), но совпадает с другим термином — «adon»

(господин, сеньор), являющимся переводом арамейского «mag», прозвища, которое Иисус получил в Палестине³⁸. Господином называли и Давида, которого никто не обожествлял, что, впрочем, в контексте строгого еврейского монотеизма вообще считалось богохульством и могло бы вызвать возмущение основателя ислама, Магомета, который в одной из сур Корана высказывается со всей определенностью: «Лжеверующий тот, кто говорит: мессия, сын Марии, есть Бог»³⁹. Апостол Петр обращается к Иисусу как к рабу Божию, точно определяя позицию Иисуса и Бога.

В восемнадцатой степени шотландского обряда особенно отчетливо проведено сопоставление религиозности и рациональности. При этом для масонства характерно, что рациональность несводима к рационализму, то есть произвольному расширению функций рациональной деятельности и перенесению их на всю сферу человеческого опыта.

Нам представляется, что розенкрейцер в масонстве вполне мог бы согласиться с таким вот рассуждением либерального протестанта: «Слово Разум, как и многие другие слова, имеет немало различных значений. Иногда это слово означает способность человека распознавать истинное — будь то в мире фактов, будь то в мире прекрасного... Но есть у слова Разум и тот смысл, когда оно обозначает процесс рационального познания, как, например, в том случае, когда методом дедукции мы приходим к выводу, что приливы вызваны притяжением Луны или что сумма углов треугольника равна сумме двух прямых углов. Несомненно, этот процесс, если он развивается правильно, приводит нас к истине в том, что касается вещей внешнего мира, и он, однако, не в состоянии передать нам смысл красоты, не может объяснить нам, что есть добро. Он не сообщает ничего достоверного о личности человека...»⁴⁰

Вот отчего наряду с рациональными способностями и в дополнение к ним нам следует активизировать в себе интуитивные способности, тот «внутренний свет», который позволяет нам подняться над миром вещей и окинуть взором мир духовных ценностей.

В розенкрейцерской степени шотландского обряда Иисус символически представлен кубическим камнем — высшей степенью мастерства. Работа человека, достигшего этой степени мастерства, начинается с того момента, когда уже «разорвана завеса храма, когда тьма и уныние

воцарились на земле, когда камень источает кровь и воды» — очевидное указание на страсти и смерть Иисуса.

В обряде этой степени огромное значение принадлежит символике Огня. Мудрейший розенкрейцерского Капитула «воспламеняет» центр Креста, из которого исторгается мистическая Роза. Церемониймейстер, брат-жертвователь, возносит символическую молитву, обращенную к Огню.

Весь этот ритуал соотнесен с ведическим божеством огня — Агни и Прометеем, который, согласно легенде, похитил огонь у богов. Ясно также, что символика огня, содержащаяся в восемнадцатой степени шотландского обряда, связана с представлениями об огне алхимиков, где огонь является одним из основополагающих символов трансмутации вешного мира.

Значение, которое розенкрейцеры XVI—XVII вв. придавали огню (не столько его физическому воплощению — «atanog», пламени алхимической горелки, сколько огню духовному, очистительной силе, живущей в каждом существе), подтверждается многочисленными документами, в частности известной символогией «Amphiteatrum», принадлежащей перу Кунрата (H. Khunrath), приписывавшего огню роль движущей силы в процессах «сублимации» и «регенерации». Не говоря уже об «изумрудных таблицах» мифического герметиста, согласно которым огонь считается проявлением «высших миров» — разделением земли и огня.

Элементы алхимических преданий присутствуют также и в толковании криптограммы I. N. R. I., которая, кроме расшифровки «Jesus Nazarenus rex Judaeorum» («Иисус Христос Царь Иудейский») и «In nobis Regnat Jehova» («В нас Царь Иегова»), может быть прочитана также «Igne Natura Renovatur Integra» (благодаря огню возрождается вся природа).

Й. Якоби писал об алхимии: «Ошибочно сводить духовное движение, каким является алхимия, только к ретортам и горелкам. Юнг называл алхимию «первым робким шагом современной психологии»... Быть может, алхимия занималась не столько химическим экспериментированием, сколько изучением психических процессов»⁴¹. Иначе говоря, скажем мы, практические манипуляции в алхимии, по всей вероятности, служили своеобразным стимулом или параллелью более утонченных размышлений и исследовательской работы, хотя и не были лишены собственной значимости, названной кем-то

предысторией химии. Во всяком случае, «истинным алхимикам» удалось совершить немало открытий, легших в основу научной химии. Новые вещества и их сочетания были найдены Альбертом Великим, Раймундом Луллем, Теофрастом Парацельсом⁴².

Наиболее интересным определением алхимии, на наш взгляд, по-прежнему остается определение, данное К. Юнгом: «...труд братства алхимиков — это работа человека-искупителя во имя раскрепощения божественной души мира, закованной в узилище материи и ожидающей своего искупления»⁴³. Неизменное присутствие в алхимической образности хтонических символов, не имеющих ничего общего с «духами зла» или аллегоричностью животного мира, как то того желали бы искатели «философского камня», свидетельствует только об одном — «раскрепощении» человеческого духа, верно подмеченном швейцарским психологом.

Итак, центральные символы восемнадцатой степени обряда, изображенные на фартуке, нагрудной цепи и медали, — это Роза, Крест и Пеликан, кормящий собственной плотью своих птенцов.

Начнем рассмотрение этих символов с последнего. Согласно М. Холлу, он обладает рядом значений, которые тем не менее сводимы к двум основным толкованиям:

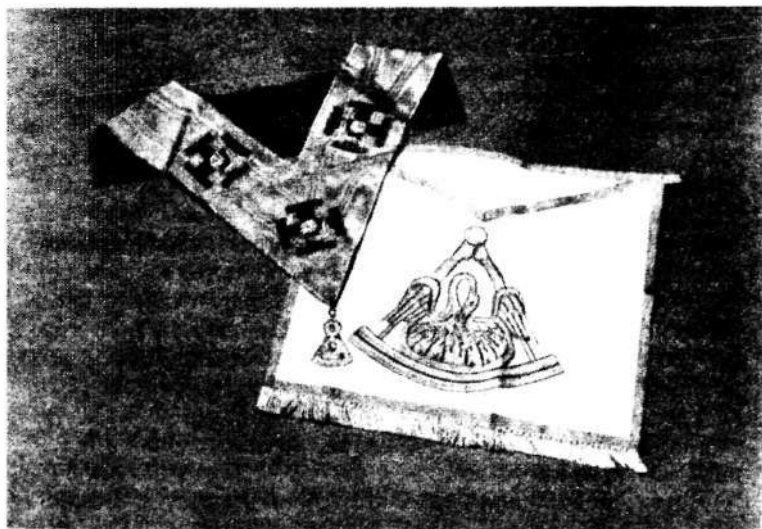
1. *Христианское толкование.* Пеликан символизирует Христа, спасающего своей кровью человеческий род. Об этом, например, говорится в «Божественной комедии» Данте, когда святой Петр обращается к Иоанну Крестителю:

Он, с Пеликаном нашим возлежа,
К его груди приник; и с выси крестной
Приял великий долг, ему служа⁴⁴.

2. *Герметическое толкование,* по которому пеликан является Солнцем, животворящим семь «философских» планет.

В более общем смысле пеликан является символом жизни, любви, символом преданности и может быть определен как исконный «материнский» символ, что подтверждается, в частности, древней легендарно-фольклорной тематикой: когда пеликан-отец умерщвляет своих птенцов, пеликан-мать возвращает их к жизни, вскармливая поросль кровью своей груди.

Роза в центре креста толкуется противоречиво. Йеннингс и Найт (Jennigs, Knight) полагают, что речь идет

*Знаки отличия 18-й степени шотландского обряда.
Символы — роза, крест, пеликан,
кормящий птенцов своим телом*

о мужском символе (крест) в сочетании с женским символом (роза). Однако глубинная значимость этой символики вряд ли может быть сводима к столь примитивному толкованию, которое сегодня следует назвать ложнофрейдистским. По нашему мнению, прав У. Порчатти, когда интерпретирует символику розы и креста как расцвет духовности в пункте пересечения двух противоположных космических начал, символизируемых вертикалью и горизонталью креста⁴⁵.

Роза на кресте — символ распятой души, претерпевающего страдания тела, символ надежды, на которую возлагает свои упования человек, мучимый болью, она же — свет, исходящий из духовного средоточия мира (четыре оконечности креста суть символы четырех сторон света). И тем не менее первая часть словосочетания в термине «розенкрейцер» не от слова «роза», а от латинского «ros» — роса, считавшаяся в алхимии символом «универсального растворителя», то есть субстанцией, способной облагораживать в аллегорических растворениях минеральное сырье⁴⁶.

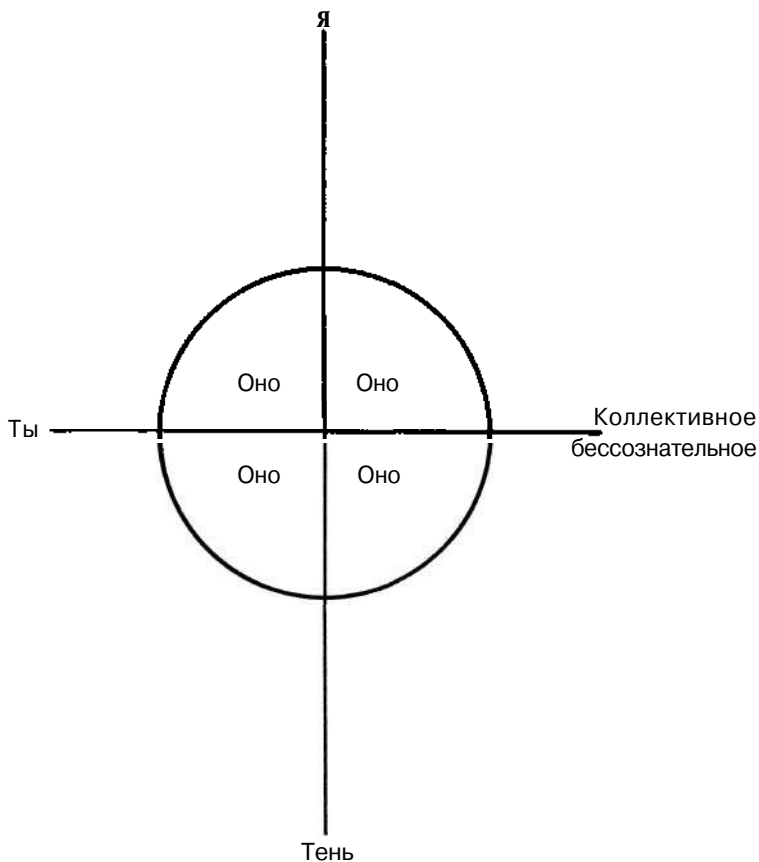
Крест как символ имеет дохристианское происхождение. Существует немало его формальных вариантов. На-

помним: «ankh» — крест древних египтян, символизовавший жизнь, который, по мнению Г. Д'Альвиеллы, повторял форму инструмента, использовавшегося для измерения уровня воды в Ниле; «swastika» — солярный символ древней Индии, превращенный в свою гнусную противоположность нацистами; стилизованный «круцификс» бога Кецалькоатля в доколумбийской цивилизации майя; крест в виде Т (tau), весьма распространенный в древности, тот, при помощи которого кельтские жрецы, друиды, изображали своего бога Ни⁴⁷.

Происхождение символа креста скорее всего двоякое: с одной стороны, в протоформе «тау» крест, вероятно, является дериватом стилизации рогов быка или овена, животных, символизирующих производительные силы, с другой — в символе креста содержатся различные астрономические и натуралистические познания человека — от креста равноденствия до крестовидной диаграммы в каббале, изображающей таким образом человека. Христианство наделило крест символикой спасения, которая всем нам хотя бы приблизительно известна.

Наиболее глубокими исследованиями эзотерического смысла символики креста являются работы Генона⁴⁸, к которым мы и отсылаем читателя. Напомним также, что исследования Джонса⁴⁹ убедительно показывают, что первые масонские ложи строились также в виде креста. Тем не менее, на наш взгляд, дополнительного внимания заслуживает мнение К. Юнга, оставившего психологическое истолкование символа креста. На первый взгляд оно представляется странным и удивительным. В действительности же это пример глубокой научной интроспекции.

В одной из своих фундаментальных работ Юнг писал, что всякий вступивший на путь, ведущий к тотальному восприятию действительности, не может избежать необходимости осмыслить то характерное положение тела в пространстве, которое задано образом распятия. Так или иначе человек неизбежно сталкивается с препятствием, преграждающим его путь, как бы пересекающим его крест-накрест. Во-первых, это препятствие есть то, чем он не желал бы быть (Тень). Во-вторых, это препятствие в том, что не он сам, а другой есть на самом деле (индивидуальная реальность «ты»). В-третьих, в том, что составляет его психическое «не-я», то есть коллективное бессознательное⁵⁰. Графическая трактовка креста у Юнга может быть представлена следующим образом:

Прочитать этот график можно следующим образом: «Я», то есть субъект сознания, находится в конъюнкции с «Оно», то есть внутренним ядром личности, которое индивидуализируется, «распиная себя на кресте», иными словами — сталкиваясь и договариваясь с объективными (внутренними и внешними) психическими реальностями. «Оно» и есть та искомая психическая реальность, так как именно она включает в себя вышеупомянутые реальности. «Я» — это субъект сознания, функция, которая должна быть наполнена особым содержанием в процессе индивидуализации, который предполагает конфронтацию (столкновение), нередко являющуюся генератором невыразимых страданий (см. «крест»), с объективными психическими реальностями.

Уточним, правда, что данная гипотеза аналитической разработки символики креста ничуть не подрывает той веры, символом которой для стольких людей является крест. Не идет здесь речь и о редукции символической значимости креста к так называемым «минимальным терминам», осуществляемой обычно бездарным «панпсихологизмом». Напомним, что Юнг разъяснял: религиозный символ может быть подвергнут научному изучению в том случае, когда он является не только объектом веры, но и человеческой идеей, включенной в сферу психологии. Таким образом, объект веры не претерпевает никакого ущерба⁵¹.

Завершая анализ степени розенкрейцера шотландского обряда, нам хотелось бы поделиться с читателем одним любопытным наблюдением. Обязанность масона, посвященного в степень розенкрейцера, по меньшей мере в итальянской традиции, — вести работу в больницах, общественных и частных организациях, занимающихся благотворительностью, во всех учреждениях, как сказано в уставе, созданных для того, чтобы облегчить страдания человека. Данная установка свидетельствует о том, что, помимо «практической» деятельности (в определенные периоды истории приводившей масонов к участию в политической борьбе) и филантропии, являющейся характерной чертой англосаксонского масонства, розенкрейцерство сохраняет исконные устремления, связанные с выполнением терапевтической миссии, соответствующей в своих формах духу быстротекущего времени. Если вдуматься, то не так уж и велика пропасть, отделяющая первые основанные розенкрейцерами больницы от современных поликлиник и радиологии. Вряд ли покажется случайным, что один из розенкрейцеров, по имени Флеминг, совершил открытие пенициллина, будучи ревностным руководителем масонской ложи.

Читатель, надеемся, извинит нашу иронию. Но именно в таком ключе нам хотелось бы завершить рассмотрение «центральных» степеней шотландской пирамиды, чтобы перейти к характеристике ее высших степеней.

Эти высшие степени, следующие за восемнадцатой, также не лишены заряда символики и универсализма.

22° именуется Рыцарь Королевского топора. Здесь мы имеем дело с символикой одного из немногих предметов, наделенных как трудовым, так и царственным смыслом. На память сразу же приходят топоры, которы-

ми были срублены ливанские кедры, и «labris» — двойной топор, символ власти с незапамятных времен, один из символов наиболее таинственной средиземноморской цивилизации — критской культуры.

25° — Рыцарь Медного змея. Еще раз мы видим в символике этой степени воздействие библейских преданий на шотландский обряд.

В четвертой книге Чисел рассказывается о том, как Моисей вел народ от горы Ор путем Чермного моря, сделав медного змея и выставив его на знамя. «И, если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него (медного змея), останется жив» (21, 4—10). Такая вот своеобразная медицинская гомеопатия того времени.

Тем не менее символика этой степени шире, чем библейские предания. Терапевтическое прочтение символа змея не привилегия Библии. Достаточно упомянуть о благотворном действии древнеегипетского «Кперн» или о змеях, обитавших в храме Эскулапа.

26° — Князь Милосердия (или Сострадания) — вводит нас в мир рыцарских традиций. Согласно Палу, данная степень уходит корнями в обряды рыцарских орденов средневековья: Ордена тринитариев (основанного в 1198 г.) и Ордена Отцов Милосердия (1218 г.). Важная подробность: местопребыванием второго из упомянутых орденов был собор Сен-Виктор в Марселе, где в одной из крипт до сих пор хранится икона «черной Девы», центральной фигуры алхимической традиции. Говорят, что она символизировала исходную материю во всех манипуляциях алхимиков⁵².

Титул Князь Милосердия известен и на Востоке: господином милосердия иногда называют Будду. Буддистская школа «махаяна» полагает, что Будда, обретя просветление, отказался погрузиться тотчас в нирвану, дабы посвятить себя делу Великого Милосердия (сострадания) — на санскрите «mahakaruna», — то есть делу просветления всех существ.

Степень Рыцаря Солнца, по мнению Меллора, соединяет в себе христианскую и герметическую символику. Согласно другим авторам, данная степень отражает влияние мистерий Митры, выражающееся в ритуальной символизации семи «Amesha Spenta» — бессмертных святых персидской традиции, олицетворяемой присутствием семи масонов. Согласно другим источникам, речь идет о семи «философских» планетах, образующих солнечную

корону, то есть семь братьев вокруг председателя Совета во время заседания масонов этой степени⁵³.

Получение степени Рыцаря Солнца, судя по всему, построено таким образом, чтобы посвященный привык видеть за покровом чувственных представлений образующую их духовную реальность, духовное Солнце, воспринимаемое как ценность в себе сквозь пелену космических газов, находящихся в стадии взрыва. Следует также напомнить, что Солнце является символом победы (ср. «sol invictus» древних римлян). Не случайно этот символ появляется в титуле шотландского обряда именно в тот момент, когда посвященный в эту степень готовится постичь цель, неизменно оказывающуюся, однако, за пределами досягаемости, — Верховную инициацию.

На степени — Рыцарь Кадош (на древнееврейском «кадош» значит «святой») завершается основание шотландского обряда, так как последние три степени, административные степени, являются вершиной ритуального корпуса, и в их основание положены знания, полученные братьями в ходе предыдущих этапов масонского пути. Титулы и символика административных степеней чрезвычайно перегружены внешним блеском. Очевидно, таким образом масонские братья, достигшие высших степеней, пытаются продемонстрировать достоинство и значимость своего положения. Но и на этом высшем этапе, равно как и на всех предыдущих этапах масонского пути, титулы, символы, ритуалы являются сугубо интеллектуальными и эмоциональными знаками. В этом своем качестве они мало чем отличаются от других званий и титулов, построенных на основании универсальных архетипов. Так что нет ничего странного в том, что масонские звания и титулы отчасти или целиком совпадают с теми, которые приняты в обычной жизни. Таким образом, понятно, отчего в 33-й, и последней, степени шотландского обряда присутствует символ вполне императорской власти — орел, сжимающий в когтях меч с лентой, на которой начертан девиз «Deus meumque jus» («Бог мое право»). У. Порчатти связывает его непосредственно с Ричардом Львиное Сердце⁵⁴.

Однако наряду с символами «власти» в белом масонстве имеется также символика «познания». В той же 33-й степени мы обнаруживаем девятиконечную звезду, то есть геометрическую фигуру, составленную из трех переплетенных равносторонних треугольников, содержащих

имя Великого Архитектора Вселенной, составленное из еврейских литер «Yod He Vau He», которыми посвященные Израиля обозначали имя божества, произносимое в строго оговоренных торжественных случаях. В обычной религиозной практике это имя заменяло слово «Adonai» или иносказательные обороты речи.

Можно было бы долго рассказывать о степени Рыцаря Кадош и его богатой обрядности, воспроизводящей историю тамплиеров и смерть на костре их великого магистра Жака де Моле.

Обычно эту степень называют степенью «вендетты», так как в основу ее положены слова де Моле, сказанные им, как гласит легенда, в пламени костра: «Nekam, Adonai, Nekam» («Отмщения, Господи, отмщения»). Смысл поучения данной степени — поиск справедливости и борьба с духовным и светским деспотизмом. Напомним, что тамплиеры были уничтожены священным союзом папы и короля.

Таково внешнее, если так можно выразиться, обрамление степени. Эзотерическое же поучение Рыцаря Кадош, судя по всему, более возвышенно. Эта степень требует от масона переводить мысль в действие. Лучше сказать, возвращать мысль к деятельности, имея в виду тот факт, что начало инициационного пути в ордене и шотландском обряде, как помнит читатель, имеет отправной точкой символику ручного труда над неотесанным камнем. Достигнув 30-й степени обряда, вольный каменщик уже прошел этап гностической спекулятивности, возвысил себя до восприятия мира идей. Теперь он подготовлен к тому, чтобы возвратиться в мир людей, с которым, по правде говоря, никогда не порывал; теперь он вооружен волей творить справедливость, геометрическим пониманием пропорций, духом свободы и любви к истине, которые он приобрел в ходе свободного, вечного и подлежащего совершенствованию поиска.

Рыцарь Кадош возвращается в мир, чтобы символически «отомстить» за де Моле, то есть восстановить правосудие, попранное беззаконием, стать средоточием света справедливости. Действовать рыцарь должен в тишине и скромности, как бы под защитой мистического щита. Он не скажет ни слова, но будет при сем, чтобы никто не заподозрил, что и он из числа бесчестных демагогов. Отмщение зла есть преодоление зла. Одни называют его прощением, другие — уходом от мирской суеты, третьи же — правосудием, не пристрастной, но

рациональной справедливостью, построенной на чувстве человечности.

Последняя фраза шотландского обряда получения степени — восхваление чувства долга, такое же как и в степени Тайного Мастера.

Для Рыцаря Кадош долг — это «дхарма», устремленность осуществить смысл своего существования путем реализации всех возможностей своей личности. Инициация, впрочем, всегда ставит целью некую реализацию. Рыцарь Кадош должен претворять на практике знания, полученные им в храме. Но каким образом? Никто не в состоянии его научить этому. Секрет инициации остается секретом до самого конца. При этом следует учесть, что масоны обычно гордятся тем фактом, что никогда не подавляют творческую индивидуальность своих адептов, но способствуют «индивидуализации», то есть стремятся раскрыть в личности человека все то, что в ней отложилось в ходе свершаемого пути, то, что было усвоено в доктринах и символах предыдущих степеней, то, что свидетельствует о развитости духа.

Символически усвоение духовного содержания, полученного в храме, завершается ритуальным правом масона «попирать колонны храма», ибо храм его уже внутри самого посвященного. В то же время степень Рыцаря Кадош является крайним выражением «мужского» начала всего масонского пути. Функциональная особенность этой степени состоит в интеграции в систему «женского» начала. Обрядность этой степени построена на ситуациях, которые вряд ли могут сочетаться с женской психологией. Тем не менее основной символ степени — «бело-черный Орел» — подспудно, на уровне архетипа, связан с «женским» началом. Юнг, применяя метод аналитической логики, выделяет в символе «орла» одно из типичных проявлений «animus», мужского архетипа, в восприятии женщины. С психологической точки зрения «орел» символизирует «мужчину, предназначенного для женщины»⁵⁵. С точки зрения алхимической символики, при помощи которой нередко истолковывают основной корпус шотландской символики, «орел» является указанием на «летучесть» материи, то есть такой материи, которая готова «отправиться в полет» — спиритуализоваться.

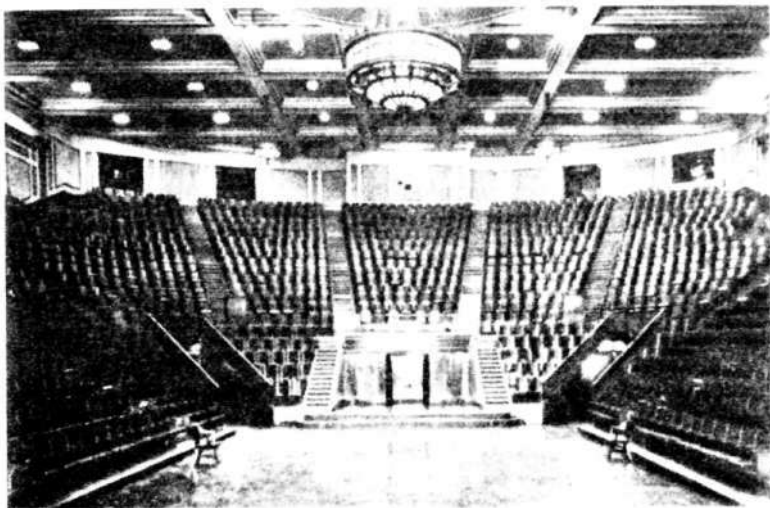
Верхний эшелон шотландской иерархии также в ведении Великого Архитектора Вселенной. Его символизирует на интуитивном уровне своего рода развернутая систе-

ма знаков, передающих представление о вечности. Речь идет о терновом кусте, который горит огнем, но куст при этом не сгорает. Согласно книге Исход, воззвал к Моисею Бог из среды куста: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (3, 6).

Рыцарю позволено видеть «гностического змея», свившегося в пять колец, в каждом из которых, говорит Фарина⁵⁶, заключена тайна эволюции:

- а) гравитация (присущая телам по законам механики);
- б) кристаллизация (формирование и дифференциация минералов);
- в) жизнь (рост растительной и животной жизни);
- г) сознание (особенность, хотя и не исключительная привилегия, человека);
- д) совесть, процесс самосознания, то есть возрастание чувства долга (завоевание просвещения).

На 30-й степени обряда завершается символическое восхождение масона, которое Дж. Бэйлот определяет как движение, сопровождаемое жестом, спиритуализмом и мнемотехникой⁵⁷. Символизация этого пути является изобретением масонства. Одни считают это изобретение гениальным, другие находят его пошлым и

*Большая аудитория Великой ложи
в Нэшвилле (США)*

никчемным. Само масонство полагает, что таким образом оно облегчает путь человека, стремящегося к полноте жизни, и называет этот путь путем регенерации. По мнению масонов, пути регенерации столь же неисчислимы, сколь неисчислимы человеческие судьбы. Так, например, вряд ли найдется среди масонов кто-либо отрицающий путь такого человека, каким был Альберт Швейцер, хотя он и не переступил порога ложи. Несмотря на это, немецкие масоны сочли возможным наградить его своим высшим почетным званием⁵⁸, веря в его «посвященность». Найдется немало людей, которые в силу своих убеждений или предрассудков с негодованием отвергнут предположение, что и они вполне могли бы считаться Рыцарями шотландского обряда, столь близки их идеалы идеалам свободы, истины и справедливости. И в то же время существует немало формальных Рыцарей, которые к этим идеалам не смогли бы даже приблизиться. Масонство в отличие от церкви не стремится обращать в свою «веру», предпочитая предлагать свой путь в качестве одного из возможных путей духовного роста личности. Речь идет о пути, подходящем для человека с определенным складом ума, не более того. Направление этого пути — универсализм. Его предел — человеколюбие, тяжкое бремя для тех, кто за частностями хочет увидеть всеобщность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jones B. E. *Freemasons' guide and compendium*, p. 493.
2. Ambesi A. C. *Storia della Massoneria*, p. 194.
3. См.: Gamberini G. *Mille volti di Massoni*; *Rivista Massonica*, 1972—1976.
4. См.: Palou J. *La Franc-Maçonnerie*, p. 131—132.
5. См.: *Idem*, p. 127.
6. См.: *Rivista Massonica*, № 4, magg. — giu. 1973, p. 197.
7. Palou J. *Op. cit.*, p. 99.
8. *Idem*, p. 320.
9. *Idem*, p. 322.
10. См.: *Idem*, p. 323.
11. См.: Francovich C. *Storia della Massoneria italiana (dalle origini alla Rivoluzione Francese)*, p. 32.
12. См.: Palou J. *Op. cit.*, p. 321—322.
13. См.: Pelliccioni di Poli L. *Gli ordini Cavallereschi nella Massoneria*.
14. Mazzini G. *Dei Doveri dell'uomo*, p. 19, n. 1.
15. См.: *Bhagavad Gita*, parti 2, 3.
16. Mazzini G. *Op. cit.*, p. 40.

17. См.: Porciatti U. G. *Simbologia Massonica — Grandi Scozzesi*, p. 66—68.
18. См.: Jung C. G. *Psicologia Analitica*, p. 114—115; см. также: Евангелие от Матфея, 16, 19; Откровение Иоанна Богослова, 1, 18.
19. Ambesi A. C. *Op. cit.*, p. 9.
20. См.: *Scottish Rite Masonry Illustrated*.
21. *Idem*.
22. См.: De Noia G. *Tu sei mio fratello*. — *Pianeta*, № 51, marz. — apr. 1973, p. 21.
23. См.: Francovich C. *Op. cit.*, p. 309—334.
24. *A Treasury of Masonic Thought*, p. 178—180.
25. Marco Aurelio Antonino. *Ricordi*, p. 21.
26. См.: Hall M. P. *An Encyclopedic outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy*, p. 72.
27. См.: *Scottish Rite Masonry Illustrated*.
28. См.: Danielou J., Marrou H. *Dalle origini a S. Gregorio Magno (vol. I della «Nuova Storia della Chiesa»)*, p. 124—125.
29. Steiner R. *L'Apocalisse*, p. 46—47.
30. Steiner R. *La mia vita*, p. 343, где теоретик антропософии пишет: «По прошествии нескольких лет моей деятельности в теософском обществе мне предложили возглавить руководство одной из общин, сохранивших древний символизм и культовые церемонии, связанные с идеалами «древнего учения». Мне даже отдаленно никогда не приходило в голову, что моя деятельность в состоянии заинтересовать какую-либо общину подобного толка. Дело в том, что всякая антропософская деятельность в силу своего содержания должна основываться на внутриличностном источнике познания и истины. С этого пути нельзя отклониться ни на йоту. Однако я неизменно питал уважение ко всем учениям, имеющим глубокие исторические корни. В них по-прежнему жив дух становления человечества. По этой причине я всегда был склонен поступать таким образом, чтобы новое не утратило связь с тем, что уже существует в истории. Исходя из этих соображений, я принял почетную грамоту общины, которая принадлежит к направлению, представленному Йэркером (Yarcker), и придерживается масонского ритуала так называемых высших степеней. Больше ничем не обязан я этой общине. Мне было важно только то, что я формально был признан основателем символично-ритуальной школы, имеющей исторический фундамент».

Джон Йэркер, упоминаемый Штейнером, был одним из ведущих представителей мишраимского обряда, ответвления нерегулярного масонства, полагавшего возможным обогатить путь масонского познания «библейским» и «древнеегипетским» эзотеризмом.

Рудольф Штейнер (1861—1925), исследователь теоретического наследия Гёте, является основоположником учения о происхождении и цели человеческой жизни, в которое входит набор идей о перевоплощении, пришествии Христа как космическом явлении, знаменующем скачок в эволюционном развитии человека, метафизическом дуализме добра и зла, действительности существования духовной сущности как творческого начала, осуществляющего посредничество между человеком и Богом, о котором Штейнер предпочитает не высказываться. Штейнер изучал «технику», позволяющую человеку обрести непосредственное видение надчувственного измерения. В этой связи он указывал на «эзотерическую» основу музыкального творчества, изобразительного искусства и т. п.

Штейнер уделял внимание также сельскохозяйственной деятельности человека, поддерживая так называемый «биодинамический» метод (сегодня вызывающий повсеместный интерес), который основывается на отказе от химических удобрений и уважении ритмичности и цикличности природы.

В Дорнахе (Базель) Штейнер основал Свободный университет, существующий и поныне. В его работе принимают активное участие серьезные и высококвалифицированные специалисты, пользующиеся признанием в академическом мире, хотя современная культура высмеивает «антропософию» как отзвучавшую в конце XIX в. моду на фантастику и оккультизм. В действительности современный ученый не может отнестись без недоумения к исторически не обоснованным либо опровергнутым наукой положениям штейнерианства, особенно к его космологии, представляющей многим проявлением неомифического сознания. Тем не менее при чтении его работ можно обнаружить немало верных догадок, ярких образов, подтверждающих глубокую духовность мышления, нравственную и интеллектуальную правоту, которые сами по себе достаточны для того, чтобы читатель благосклонно и с уважением отнесся к «монашеской» фигуре Штейнера. Не желая навязывать читателю своего мнения, скажем только, что неприятие Штейнером масонства во многом обусловлено его тайной приверженностью католицизму, под влиянием которого находится его мысль, сформировавшаяся в тот период, когда отношения между католической церковью и масонством были особенно напряжены. В своей автобиографии Штейнер признает, что его духовное становление во многом произошло под руководством приходского священника из Нейдерфля. Святой отец, вспоминает Штейнер, произнес страстную обвинительную проповедь против местной масонской ложи, запечатлевшуюся в памяти будущего «антропософа», которому тогда было «что-то около десяти лет». Проповедь священник заключил следующими словами: «Христиане, братья и сестры, запомните же, кто есть враг истины: это франкмасоны и евреи!» (см.: *La mia vita*, p. 21).

31. Yates F. A. *L'illuminismo dei Rosa-Croce. (Confessio Fraternitatis, p. 296.)*
См.: *Idem*, p. 69.
33. См.: Cullmann O. *Cristo e il tempo*; Ballini A. *Le religioni dell' India (Storia delle Religioni. UTET).*
34. См.: Fay B. *La Massoneria e la rivoluzione intellettuale del secolo XVIII*, p. 95.
35. Первые — «пантеистического» толка, вторые — ревностные «дуалисты».
36. См.: Pioli G. F. *Socino — Contributo alia storia del liberalismo religioso moderno*. Вообще это движение Реформации состояло из двух составляющих: во-первых, собственно социнианской ереси XVI в., утверждавшей целостность божественной природы (пантеинитаризм, отказ от догмата о Троице), считавшей Христа не Богом, а человеком, но наделенным божественными свойствами (хотя и со многими оговорками и с применением религиозной терминологии, присущей «пантеизму»); во-вторых, этической, а не теологической религиозности, связанной с деятельностью таких английских мыслителей, как Биддл, Кларк и др., подготовлявших почву для критического рационализма XVII—XVIII вв.

Это движение, получившее название унитаризма, было распространено главным образом в Англии и Америке. Среди его наиболее

известных представителей назовем химика Пристли, знаменитого Морзе (создателя одноименного алфавита), литератора Эмерсона. Сегодня унитаризм является ведущим направлением в деятельности Международной ассоциации за религиозные свободы (International Association for Religious Freedom), в которую входит несколько миллионов «либералов» («liberals»), представляющих различные вероисповедания. Помимо унитаристов, в ассоциацию входят квакеры, группы так называемых свободных религий, индуисты брахма-самаи и японские буддисты.

37. Salvoni F. Chi e per te Gesu, p. 19—20.
38. См.: Pagnotta U. Il Signore Gesu alia luce della filologia.
39. Corano, 5. v. 76.
40. Grubb E. L'essenza del Quaccherismo.
41. Jacobi J. La psicologia di C.G.Jung, p. 174—175.
42. См.: Hutin S. L'alchimia, p. 38.
43. Цит. по: Jacobi J. Op. cit., p. 176.
44. Данте. Божественная комедия (Рай, 25, 112).
45. См.: Porciatti U. G. Op. cit., p. 167.
46. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 118—119.
47. См.: Hall M. P. Op. cit., p. 181—184.
48. См.: Guenon R. Il simbolismo della croce.
49. См.: Jones B. E. Op. cit., p. 354.
50. См.: Jung C. G. La psicologia del transfert, p. 105.
51. См. Jung C. G. La simbolica dello Spirito, p. 13—14.
52. См.: Palou J. Op. cit., p. 144.
53. См.: Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maconnerie et des Francs-Masons, p. 93 (Chevalier du Soleil); Porciatti U.G. Op. cit., p. 224—231.
54. См.: Porciatti U. G. Op. cit., p. 302—303.
55. Jacobi J. Op. cit., p. 145.
56. См.: Farina S. Il libro dei rituali del Rito Scozzese Antico ed Accettato, p. 388—390.
57. См.: Baylot J. La Massoneria tradizionale nel nostro tempo, p. 213.
58. См.: *Rivista Massonica*, № 1, gen. 1974, p. 56.

На протяжении 1975—1976 гг. делегаты Великого Востока Италии неоднократно посещали Лондон, обращаясь к капитулу «Италия» Королевской арки с просьбой о «возвышении» («exaltation»). В ноябре 1976 г. их просьба наконец была удовлетворена. Во Флоренции состоялось освящение первого итальянского капитула масонов Королевской арки.

Обряд Королевской арки считается специалистами по истории масонства своего рода дополнением степени Мастера. Но и по сей день историки не в состоянии сколько-нибудь точно определить дату возникновения Королевской арки. Один из первых более или менее достоверных документов, который тем не менее рядом авторов также подвергается сомнению, — это публикация в разделе хроники дублинской газеты «Фолкнерс Даблин джорнэл». В ней сообщается о шествии масонов по улицам города, состоявшемся по случаю праздника Иоанна Крестителя в 1743 г. В заметке говорится о том, что во главе процессии шли наиболее достойные масоны Королевской арки. Правда, туманные намеки на существование такого направления масонства, как Королевская арка, при желании можно отыскать и в «Книге уставов» Андерсона, и в знаменитой парижской речи Рамсея¹.

Не подлежит сомнению лишь тот факт, что, когда в 1751 г. английское масонство раскололось на две соперничающие ложи, на «старых» и «новых» масонов, именно старомасонство с наибольшим уважением отнеслось к обряду Королевской арки. Лоуренс Дермотт, глава «старых» масонов, пишет, что был «возвышен» в 1752 г. Первый документ, засвидетельствовавший существование Королевской арки у «новых» масонов, — это протокол собрания ложи в Бристоле в 1758 г. в таверне «Под короной». По мнению Б. Джонса, речь идет о ложе, которая, хотя официально и относилась к «новомасонству», на деле придерживалась старого масонского ритуала².

Напомним, что «старые» масоны стремились к восстановлению наиболее древних обычаев ордена и боролись с нововведениями. Отсюда можно заключить, что обряд Королевской арки или какие-то его элементы появились в масонстве задолго до указанных сроков. Судя по структурным элементам предания, лежащего в основе ритуала, возникновение которого некоторые авторы чересчур смело относят к первым векам нашей эры, Королевская арка вряд ли подлежит какой-либо определенной датировке. На наш взгляд, ревнители старины из числа «старых» масонов предприняли попытку восстановить в своей обрядности древний спиритуализм. Однако ее обряд не столь древний, как того хотелось бы приверженцам Королевской арки. Нам представляется, что вся «древность» в данном случае состоит в желании воссоздать спиритуализм первых христианских общин в противовес этическому и универсалистскому деизму Андерсона. Укажем в этой связи, что церемония «*passing the veils*» («переход чрез завесы») по своему духу является глубоко христианской. Она исчезает из обихода только в 1834—1835 гг. в результате реформы «сассекского» ритуала, являющегося стержнем нынешней Королевской арки.

Легенда, положенная в основание Королевской арки, существует в многочисленных вариантах.

Б. Джонс сообщает, что церковная хроника Филосторгия (IV в. н. э.) и Никифора Калликста (предполагаемого византийского автора, жившего на рубеже XIII—XIV вв. н. э.) повествует о том, что в одной из крипт, вскрытых во время строительных работ по восстановлению иерусалимского храма, начатых по велению римского императора Юлиана Отступника (331—363), желавшего таким образом натравить христиан на евреев, было обнаружено Евангелие от Иоанна³.

В другом варианте легенды рассказывается о том, что был найден апокриф книги Еноха. Патриарх Енох имел якобы видение девяти сводов на небесах и, повинувшись знамению, построил на горе Ханаан храм, имевший девять сводов. Под девятым Енох возложил треугольник из чистого золота, на котором было начертано имя «истинного» Бога.

Несмотря на то что эта легенда не входит в нынешний обряд Королевской арки, в нем все же сохранились церемонии, связанные с обретением «истинного» имени Бога. Следует подчеркнуть, что в записи одного из первых

дошедших до нас обрядов Королевской арки (французский манускрипт 1760 г.) также содержатся элементы легенды о Енохе ⁴.

Полагаем, что, руководствуясь именно этой легендой, нам удастся в какой-то мере понять спиритуализм масонской системы, построенной на библейском эзотеризме. Енох, патриарх Израиля, о котором сказано в книге Бытия (5, 18—21), прожил долгую благочестивую жизнь и был принят Богом. В позднейших поучениях раввинов Енох предстает как посланник гносиса, ведающий знанием о подземном и небесном мирах. Книга Еноха (причем иудейский ее вариант отличается в основном от двух других — эфиопского и славянского) в главных своих частях восходит к III—IV вв. н. э., то есть к концу «золотого века» религиозного синкретизма, насквозь пронизанного эзотерическими мотивами ⁵.

В настоящее время обряд Королевской арки строится исключительно на библейском материале, повествующем о возведении второго иерусалимского храма, которое было начато в связи с возвращением евреев в Палестину после вавилонского пленения. Храм Соломона был разрушен ордами Навуходоносора в 586 г. до н. э. В 516 г. второй храм был освящен для совершения в нем богослужений. Легенда Королевской арки, наряду с преданием об открытии в крипте храма священных реликвий, в том числе треугольника с начертанным «истинным» именем Бога и Торы (Книг Моисеевых — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие), как бы вписана в «историческое» повествование библейских книг Ездры и Аггея.

К этим символическим элементам относится и более поздний символ арочного свода крипты. Такого рода свод является гордостью средневековой архитектуры, в особенности готической архитектуры, которая, применяя стрельчатую арку, использовала все потенциальные возможности арочной структуры.

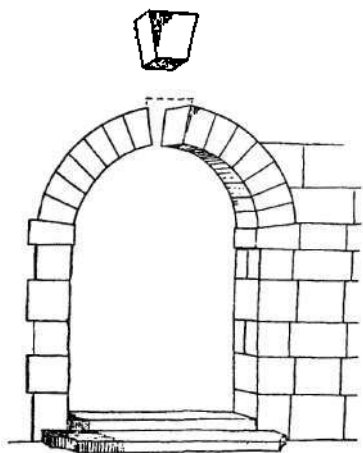
В качестве геометрической формы арка искони является символом прекрасного. В качестве элемента архитектурной структуры арка обладает повышенной сопротивляемостью по отношению к силам сдавливания благодаря «ключу» — центральному камню в вершине арки. «Ключ» распределяет вес верхней части структуры на другие элементы конструкции вплоть до ее основания. По этой причине арка является также символом силы.

Космическая модель арки — радуга (утверждает масонский ритуал 1732 г.), которая, согласно книге Бытия

(9, 11—17), является «знамением завета» между Богом и землею после всемирного потопа: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением (вечного) завета между Мною и между землею».

Инициация, посредством которой Мастер получает доступ в Королевскую арку, называется «возвышение» («exaltation»). Данный термин следует понимать согласно его латинской этимологии — «возвышение, вознесение», равно как и в библейском переводе: «Я оказал помощь мужественному, вознес избранного из народа» (Псалом 88, 20) ⁶. Кандидат должен как бы повторить и пережить случайное открытие священных реликвий в крипте, которое было сделано «прохожими каменщиками». Но прежде он должен выдержать экзамен на мастерство первых трех степеней (Ученика, Подмастерья и Мастера).

Первоначально «возвышению» предшествовал обряд «переход чрез завесы». В ходе этой церемонии кандидат символически проходил через голубую, пурпуровую и червленую завесы в память о той Завесе, которая, согласно предписанию Моисея, отделяет в храме «святилище от Святого-святых» (Исход, 26, 31—34). Судя по некоторым масонским книгам, еще в XIX в. завеса символизировала Христа, который «окутал покровом своих ран и драгоценной крови сонмище наших грехов, чтобы Отец наш мог принять нас к себе» ⁷. В ходе реформы Королевской арки в XIX в. этот обряд был, однако, восстановлен как система этического монотеизма.

Арка

Степень Мастера включает в себя Королевскую арку. Это подтвердил договор о воссоединении лондонских лож 1813 г. Королевская арка не привносит ничего нового в степень Мастера с формальной точки зрения, но придает ей более глубокое толкование в духе спиритуализма. Дело в том, что закон смерти и воскресения из мертвых (являющийся основным переживанием масона в степени Мастера и символизируемый теперь аркой, по Маккею — «входом в вечную жизнь после гроба») вершится под знаком Божества: масон Королевской арки совершает открытие «имени» и «закона» самого Бога

В первых трех степенях масонства Бог, Великий Архитектор Вселенной, одновременно как бы «присутствует и отсутствует». Его возвеличивают при открытии и закрытии работ в храме. Он символически взирает с Востока на братьев. Но при всем том он не является центром масонской медитации. В центре событий — человеческая драма. В Королевской арке Мастер впервые соприкасается с Божеством в мистерии Его Сущности («Имя») и Его нравственной значимости (Тора). Это личностный Бог (но отнюдь не антропоморфный), как засвидетельствовано в книге Бытия (1, 26—27), где утверждается, что Бог создал человека «по образу Своему, по образу Божию», то есть сообщил человеку принцип личностного понимания самого себя, верховный принцип, который доступен человеку, познающему реальный мир. Бог — это Личность, хотя и не какая-то «отдельная личность».

Эта тема развивается в ритуале посредством символики «Имени», которое, согласно Б. Джонсу, является своего рода криптограммой сказанного Богом Моисею на Синае: «Я есмь Сущий» (Исход, 3, 14), то есть я тот, кто я есть (на древнееврейском: ehyeh asher ehyeh). Выражение «я тот, кто я есть» раскрывает представление об абсолютной необусловленной личности.

Напомним в этой связи, что «Имя» дозволялось произнести Верховному жрецу только однажды в году в День Искупления, да и то при особых обстоятельствах. В повседневной практике евреи называли Бога «Shaddai» («Всемогущий») или «Adonai» («Господь») и т. п.⁸

«Открытие» Божества в Королевской арке подчеркивается особой торжественностью обряда. Англичане обычно называют это торжество «драмой», хотя, на наш взгляд, точнее было бы сказать, что данный обряд является своего рода «психодрамой», подобно многим дру-

гим масонским обрядам. Этот сложносоставной термин вошел в лексикон современной психологической культуры благодаря Морено, разработавшему особую психотерапевтическую технику, заключающуюся в том, чтобы продемонстрировать пациенту посредством «спонтанного театральное действия» его душевные неурядицы. Психодрама должна оказывать эффект «катарсиса», очищения, который достигим тем легче, чем труднее пациенту установить с психотерапевтом взаимодействие для достижения «отреагирования» аффективного состояния, чем сильнее у пациента необходимость найти выход своему аффективному состоянию в безличностной, абсолютной форме. В психодраме Морено важную роль играют «ассистенты» («вспомогательные "я"»), которых пациент заставляет «выступать» в ролях своих родственников или знакомых, а также аудитория, комментирующая происходящее и обсуждающая вместе с пациентом театрализованные события его драмы⁹.

Нам представляется, что прав А. Меллор, когда он утверждает, что семантическое поле термина «психодрама» может быть расширено без ущерба для его «исторической» очерченности. Понимание этого термина может также охватить «театрализацию психических событий с акцентировкой на те их аспекты, которые имеют значение страдания».

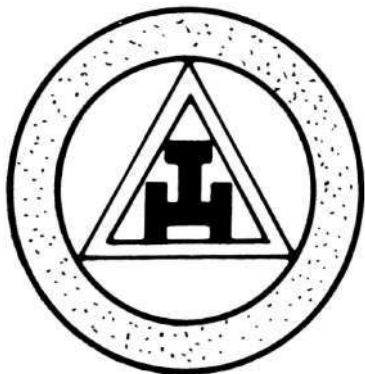
Масон, «возвышаемый» Королевской аркой, не переживает, подобно пациенту, участвующему в психотерапии Морено, спонтанную или неупорядоченную драму, построенную главным образом на событиях прошлого. Он также не обсуждает со зрителями драматизм этих событий. Его драма состоит в ином — в абсолютной новизне происходящего, открытии неизведанных горизонтов. Эта драма строжайшим образом упорядочена. Однако и в данном случае, как и в медицинских разработках Морено, необходима «кооперативность» со стороны «вспомогательных "я"» (других масонов капитула). Здесь также достигается катарсический эффект как следствие театрализации драматического события.

На практике принцип, регулирующий масонский обряд, не отличается от психодрамы, предложенной Морено. Хронологически он возникает, однако, гораздо раньше психодрамы как таковой. Этот принцип включен в контекст психической целостности личности. Его особенность — символизация интеллектуальной деятельности. Но и психодрама и масонский обряд в данном

случае исходят из предположения, что спонтанная или ритуальная театрализация драмы обладает большей ценностью, чем вербализация, всякий раз, когда человек оказывается перед необходимостью решать проблемы, связанные с его психикой.

Нам не представляется возможным изложить на этих страницах обширный символический корпус Королевской арки, включающей в себя и библейских персонажей (сановники капитула носят имена библейских пророков), и ритуальные одеяния. Ограничимся указанием всего лишь на три наиболее важных символа: тройная «тау», неизреченное имя и печать Соломона, иначе — шестиконечная звезда, экзальфа, звезда или щит Давида.

Тройная «тау» (вписанная в круг, являющийся важнейшим священным символом, по мнению Юнга, представляющим в коллективном бессознательном черту, за которой заканчивается святость и в пределах которой находится универсальный духовный центр) первоначально была литерой Т, наложенной на Н от инициалов «Templum Hierosolymae» — Иерусалимский Храм. Затем это обозначение приобрело символическую самостоятельность. Б. Джонс, один из наиболее известных комментаторов Королевской арки, указывает, что в античной Греции литера «тау» (Τ) являлась символом жизни, противостоя литере «тета» (Τ), инициалу и символу Танатоса — смерти¹⁰. В Библии «тау» является символом спасения праведников. Так, в Книге пророка Иезекииля, где говорится о божественном наказании Иерусалима, сказано: «И слава Бога Израилева сошла с херувима, на котором была, к порогу Дома (то есть храма.— *Перев.*). И призвал Он человека, одетого в льняную одеж-

Тройная Тау

ду, у которого при поясе прибор писца. И сказал ему Господь: пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди его, сделай знак» (9, 3—4) *.

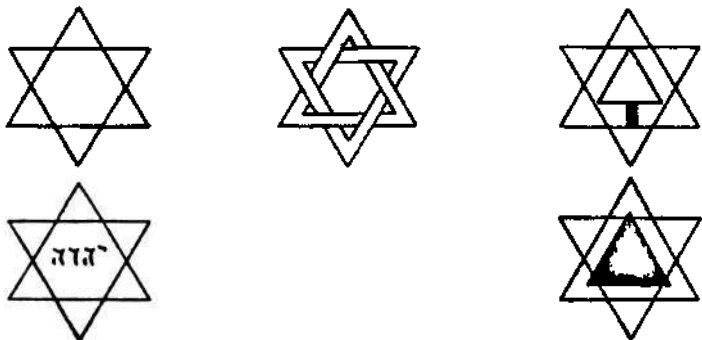
Среди семитов неизреченность «имени Бога» является древнейшей традицией. В этой связи Джонс подчеркивает, что в Лувре в Париже хранится вавилонская надпись, сделанная около четырех тысяч лет назад, где сказано: человек не должен произносить имени бога. В Израиле неизреченное имя состоит из согласных «Yod-He-Vau-He», которые по традиции, принятой также Лютером, вокализуются как «YeHo VaH», однако, как мы уже говорили, только при особых обстоятельствах. Мистериософская тематика неизреченного имени неразрывно связана с еврейской религиозной этикой, предписывающей: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исход, 20, 7), ибо человек должен не словами, а справедливыми делами свидетельствовать свою веру в Бога живого. Отсюда, кстати говоря, религия евреев не знает прозелитизма.

Важнейшим символом Королевской арки является печать Соломона. Речь идет об очень древнем символе, ставшем широкоизвестным начиная со средневековья, когда он превратился в талисман. В настоящее время, как справедливо замечает Б. Джонс, это скорее знак или эмблема, имеющая национально-расовый характер, чем религиозный символ ¹¹.

О том, каким образом печать Соломона вошла в корпус масонской символики, нет четких сведений. А. Меллор полагает, что она входила в набор «клейм» средневековых вольных каменщиков. Меллор считает также, что первоначально это клеймо имело исключительно декоративный характер ¹².

Однако, как указывает тот же Меллор, экзальфа являлась репродукцией диаграммы, при помощи которой каббалисты изображали Адама небесного и Адама земного (вершина «белого» треугольника направлена вверх, тогда как вершина «черного» треугольника направлена вниз). Быть может, в этом и состоит объяснение включенности экзальфы в Королевскую арку, то есть системы, которая, несомненно, уходит своими корнями

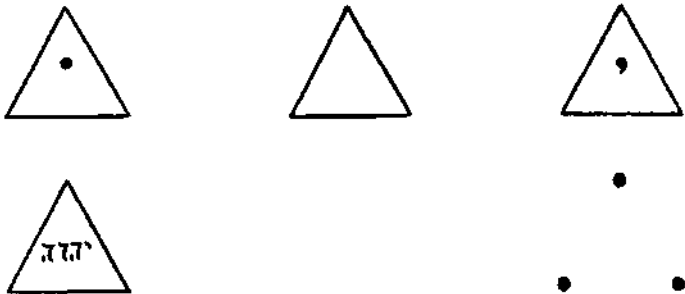
* В итальянском тексте Библии: «segna un Tau», то есть «нарисуй Tau». — *Прим. перев.*

Варианты шестиконечной звезды

в эзотерическую культуру. Символика шестиконечной звезды, встречающейся в самых разных культурных ареалах, покоится на основании архетипа. В иллюстрациях книги Джонса о символике Королевской арки содержится, например, репродукция удайпурской пластины (Индия), где изображена шестиконечная звезда с несколько выпуклыми лучами, помещенная в цветок лотоса, который в свою очередь по точкам эксагона внутренних линий включает в себя равносторонний треугольник. Внутри треугольника едва намечено священное слово индусов — От. В этой связи не преминем подчеркнуть, что и в символике Королевской арки имеется треугольник с начертанным на нем священным именем. Любопытно, что, согласно грамматической традиции санскрита, От как отзвук Абсолюта состоит из четырех составляющих его элементов: а, и, т вместе с так называемой «каплей» — «bindu», поставленной под т, означающей носовое произношение фонемы. Таким образом, священное имя индусов СОСТОИТ ИЗ четырех элементов, как и «Yod-he-vau-he» евреев, равно как и имена, которые приписывают Богу самые разные народы: Амон и Атон у египтян, Зевс у греков.

По Юнгу, число «4» является архетипом, имеющим огромное значение в развитии человеческого разума, так как «4» — это архетип целостности, тотальности. Действительно, «4» содержит в себе «1» (Бога), «2» (оппозиции Вселенной), «3» (универсальный символ Духа) и в качестве «4» является символом материи и времени-пространства: четыре элемента древней физики, четыре стороны света, четыре времени года, четыре измерения и т. д. Таким образом, путь, ведущий к «4», пролегает

Символические треугольники

как через область «духовного мира», так и через область «материального мира», то есть целостность.

Завершим наш анализ, по необходимости краткий, масонской системы Королевской арки следующим наблюдением: если шотландский обряд и обладает широким горизонтом, то происходит это благодаря его синкретизму, который неизбежно приводит к излишней подробности и риторичности содержательной стороны обряда, что признает тот же М. Сербю¹³, являющийся одним из наиболее высокопоставленных масонов и историков шотландского обряда; в то же время при всей своей ограниченности обряд Королевской арки может считаться «квинтэссенцией масонской философии», так как в нем отсутствуют какие бы то ни было светские мотивировки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch, p. 36—47.
2. См.: Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 497.
3. См.: Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch, p. 126—130.
4. См.: Idem, p. 158.
5. См.: Bertholet A. Dizionario delle religioni, p. 154.
6. См.: Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch, p. 107.
7. См.: Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 524.
8. См.: Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch, p. 153—154.
9. См. Walker N. Breve storia della psicoterapia, p. 228—230.
10. См.: Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch, p. 233.
11. См.: Idem, p. 240.
12. См.: Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maconnerie et des Francs-Macons, p. 120, 135.
13. См.: Cerbu M. Le combat des Francs-Macons (contribution a l'histoire du Rite Ecossais Ancien et Accepte de 1940 a nos jours), p. 194.
14. Jones B. E. Freemasons' guide and compendium, p. 530.

Интервью с профессором Джордано Гамберини, в прошлом Великим Мастером Великого Востока Италии, главным редактором «Масонского обозрения».

— *В последние годы масонство все чаще оказывается в центре газетно-журнальных кампаний, в которых муссируются сомнительного рода подозрения и слухи...*

— На исходе XIX в. масонство было взято на прицел в ходе аналогичной кампании. Его противники выступали и тогда по той же привычной схеме. В те годы вдохновителем и исполнителем поношений был Лео Таксиль. Сегодня достаточно поменять этикетки «сатанизм», «палладизм» и тому подобные на «похищение с целью выкупа», «отмывание денег», «убийство по приказу», «заговор против государства» и т. д., чтобы обнаружить ту же методологию.

Сегодня, как и вчера, невозможно предугадать, кому эта кампания окажется выгодной в будущем, до каких пор она будет приносить пользу ее нынешним заказчикам.

— *Отчего итальянские масоны весьма редко заявляют о своей принадлежности к ордену, хотя, казалось бы, масонству было бы выгодно предстать в глазах общества в качестве организации, объединившей в своих рядах уважаемых и достойных людей. В то же время в Соединенных Штатах большинство масонов гордится своей принадлежностью к ордену. В чем причина?*

— Известно, что обязательство хранить «молчание» относительно своего духовного выбора является одним из правил всех инициационных школ. В сегодняшнем мире, где царит пропаганда, масонская скромность может считаться достоинством. В то же время не подлежит сомнению, что брат имеет право заявить о своей принадлежности к масонству публично. Поступающих таким образом среди масонов немало, хотя в силу историко-психологических причин, о которых я скажу ниже, итальян-

янские масоны предпочитают не высказываться на эту тему.

В Англии, по закону 1830 г., руководители масонских лож обязаны ежегодно представлять муниципальным властям списки своих членов. Однако английский масон допускает разговоры о масонстве только с одним из своих братьев. Подобное поведение объясняется психологической особенностью английского характера. Англичанин полагает, что о вещах сугубо важных и личного свойства не следует распространяться публично.

Отношение к этому вопросу у американцев иное. Они предпочитают заявлять о своей принадлежности к масонству публично, украшая свой костюм значками, запонками, заколками с изображением угольника и циркуля. Правда, следует заметить, что в Соединенных Штатах (единственно за исключением дела Моргана) и в Англии масоны никогда не подвергались преследованиям за свою принадлежность к ордену.

В Италии же в силу длительных преследований у масонов выработался обычай не только скрывать факт своей принадлежности к ордену, но и строить свои взаимоотношения с другими братьями на основе фаворитизма. Такой характер взаимоотношений между итальянскими масонами особенно характерен для прошлого, когда вся деятельность масонства в силу необходимости была окутана тайной.

Впрочем в таком обществе, как итальянское, где мало-мальски приличную работу можно получить только благодаря принадлежности к той или иной политической партии, вполне естественно, что и среди масонов развился «дух патриотизма», связанный с принадлежностью к своей организации. Подобное положение вещей немислимо, например, в Англии или в Соединенных Штатах. В этих странах принято, что каждый человек гордится своим гражданством и с негодованием отвергает любые формы фавора для получения того, что принадлежит ему как гражданину по праву. Всякая мысль о продвижении, например, по службе благодаря покровительству тех или иных лиц у этих народов подлежит осуждению. Признать, что такое возможно, для англичанина или американца означало бы согласиться, что в их стране происходит крушение устоев жизнеустройства.

В Италии же выработался иной менталитет. Правда, среди масонов фаворитизм постепенно сходит на нет как

явление случайное и по сути чуждое целям ордена. Впрочем, можно предположить и другое: шестьдесят лет назад политические партии в Италии существовали только как временное объединение лиц, голосующих за ту или иную предвыборную программу, единственной же организацией, действовавшей на постоянной основе, было масонство, так что вполне соответствовала духу того времени просьба какого-нибудь масона, обращенная к Великому Мастеру, срочно прислать ему няню для внука. Сегодня положение изменилось и подобные просьбы, как правило, успешно удовлетворяются руководителями политических партий.

— *Многие спрашивают, каких людей масонство старается привлечь на свою сторону?*

— С удовольствием отвечу на этот вопрос. Масонство не старается привлечь кого бы то ни было на свою сторону. Более того — в большинстве масонских организаций наказуемо как преступление всякое побуждение к инициации. Это означает следующее: выбор человеком масонства должен быть совершенно самостоятельным. Побуждать какого-либо человека (пусть и влиятельного в мире политики или культуры) вступить в масонскую ложу противоречит масонской этике, будь то в Италии или какой угодно другой стране. Если подобное и случается, то происходит вопреки универсальным законам масонства. Во всяком случае, подобное можно рассматривать как чрезвычайное происшествие.

— *Теперь о масонстве и католической церкви. В газетах публиковались списки епископов и кардиналов, являющихся масонами...*

— Слухи о принадлежности кардиналов католической церкви к Великому Востоку Италии лишены основания. И уж совершенной нелепостью можно считать слухи о том, что якобы сам папа является членом масонского ордена. Например, некто Джованни Баттиста Монтини в самом деле был членом ложи «Паоло Сарпи» в Тревизо в 1912 г. Но его прославленный однофамилец, разумеется, не имеет никакого отношения к масонству. Тем более что папе Павлу VI в том году едва исполнилось одиннадцать лет.

Тот факт, что кардинал-викарий Рима недавно определил как «чудовищную клевету» обвинения в принадлежности к масонству, свидетельствует лишь о том, что снятие церковной анафемы отнюдь не привело к исчезновению среди католической иерархии «страха перед ма-

сонством» и не только среди них, но и в представлении большинства верующих и неверующих, воспитанных в духе церковно-приходской риторики.

Снятие католической церковью наказания за принадлежность к масонству вовсе не привело к притоку новых членов в наш орден, хотя сам по себе приток новых членов в масонские организации в Италии постоянно возрастает.

Должен подчеркнуть, что слухи о принадлежности к масонству высокопоставленных руководителей католической церкви возникли не только благодаря памфлетам, появившимся на страницах иллюстрированных журналов в последние годы. И в XVIII в. поговаривали о епископах-масонах. Но в те времена никому не пришло бы в голову назвать подобные предположения клеветой. Речь шла о простой констатации факта. Отец Феррер Бенимели в своем сочинении «Масонство, церковь и свидетельские показания» приводит весьма длинный список членов католического клира, получивших масонскую инициацию. В Неаполе были обезглавлены два епископа после падения Партенопейской республики в 1799 г. — оба были масонами. В XVIII в. во Франции или на территориях, находившихся под французским влиянием, многочисленные католические священники являлись членами ордена, так как парижский парламент не принял к исполнению энциклику Климента XII и отлучение от церкви на его территории не действовало. Подобное положение сохранялось вплоть до заключения Наполеоном конкордата. Как только конкордат был подписан, законы папства вступили в силу и на территории Франции, подпадавшей под это соглашение.

В XIX в. во Франции же католическое антимазонское движение превратилось в своего рода подпольную церковь, время от времени обрушивавшуюся на того или иного монсеньёра с обвинениями, что он будто бы действует по наущению «Детей Вдовы». Так, монсеньёр Дарбуа был обвинен, и это обвинение поддержал папа, в том, что позволил погребение в Нотр-Дам бранных останков маршала Маньяна, Великого Магистра французского масонства, гроб которого был украшен масонскими символами. Несчастный епископ, имевший к тому же смелость заявить на Первом Ватиканском соборе о своем отказе поддержать интегрисов, ответил папе, что он-де ничего такого не заметил. Дарбуа умер, расстрелянный парижскими коммунарами за то, что все его

попытки посредничества между ними и Тьером оказались безуспешными.

Подпольная антимасонская церковь Франции неизменно обвиняла руководителей национальной французской церкви в том, что она идет на поводу масонства. В XX в. подобные обвинения приобрели форму политической истерии, выплеснувшись за рамки католической ортодоксии. Сторонники антипапы и последователи монсеньёра Лефевра развернули разнузданную антимасонскую деятельность. Так, читая некоторое время назад брошюру, подписанную антипапой, я с удивлением узнал, что среди прочих «преступлений» Павла VI самое главное и непростительное — его масонство! Что касается Лефевра, то напомним только, что он является автором «предположения», будто все прогрессивно настроенные католики являются скрытыми масонами.

— *Возможно ли и желательно ли, чтобы масонство высказалось по проблемам, волнующим Италию, учитывая, что в его организацию входят люди, придерживающиеся различных политических взглядов, носители различной культуры?*

— Думаю, что в вопросе уже содержится ответ: чем в большей мере масонство будет соответствовать своему универсалистскому предназначению, тем меньше оно станет связывать себя со злободневными вопросами.

Наш орден не обращается к массам, его слово предназначено отдельной личности, но это не слово поучения, а предложение метода самосовершенствования человека посредством пробуждения в нем скрытых возможностей, которые нельзя стимулировать обычным словом. Речь идет о языке символов. Это наследие не принадлежит исключительно масонству, хотя и является его характерной особенностью. Благодаря этому языку и создается та среда, в которой происходит становление ордена.

— *В какой мере итальянское масонство соответствует этой задаче?*

— Недостаточно, все еще недостаточно. Впрочем, в других странах также если бы существовала какая-то воображаемая статистика, регистрирующая результаты масонского становления личности и меру ее соответствия масонским критериям, то, полагаю, мы пришли бы к аналогичному выводу.

Различие между средой итальянского масонства в том виде, как она исторически сформировалась к настоящему времени, и масонской средой в других странах,

где масонство не подвергалось преследованиям и имело возможность развиваться без особого давления со стороны внешних обстоятельств, состоит в следующем: в других странах глубинное обоснование масоном своей идентичности облегчено благодаря тому, что орден в самой ясной и категорической форме воспрещает ложные цели, носящие более или менее выраженную идеологическую окраску, которые, напротив, в итальянском масонстве до недавнего времени имели право гражданства.

Правда, следует подчеркнуть, что существование в итальянском масонстве «светской» струи уходит корнями далеко в прошлое и связано с известной исторической отсталостью Италии. Дело в том, что Италия с запозданием открыла для себя демократические институты, масонство, национальное самоопределение, общечеловеческие ценности, так называемое «свободомыслие». Кроме того, поскольку «открытие» этих идеалов в Италии состоялось благодаря деятельности исторических фигур, одновременно бравшихся вводить в итальянскую жизнь сразу все перечисленные выше идеалы, то итогом стала известная итальянская путаница и произвол в определении приоритетов той или иной системы ценностей.

— В Англии и Шотландии сегодня более миллиона масонов, несколько миллионов в Северной Америке. Каково значение масонства в сегодняшнем мире?

— Для того, чтобы уяснить географию масонства, следовало бы вспомнить о том, каким образом и в каком направлении развивалось масонство с момента своего появления. С первых шагов орден был тем, чем он является и сегодня. Масоны сделали достоянием гласности не свой метод, но цели, ничуть не изменившиеся и по сей день. Эти цели связаны с универсализмом масонства.

Культура, именовавшая себя в то время христианской, известная сегодня как западная культура, была лишена универсализма. Благодаря протестантской реформе этическое единство западного мира прекратило свое существование в силу распада христианства. Европейцы доказали, что они вполне могут обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи,

а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нем идеологических примесей.

В Англии, где либеральная революция уже состоялась и влияние масонских лож возросло, опасность идеологических извращений масонства была практически сведена на нет. Точно так же обстояло дело и в Соединенных Штатах, ибо масонство и было тем общим очагом, вокруг которого собрались люди, представители различных культур, религий, носители различного исторического опыта. Благодаря тому счастливому обстоятельству, что и в английских войсках действовали масонские ложи, американское масонство обошлось без того, чтобы его считали организатором национального возрождения. К сожалению, эта нелегкая и неблагодарная задача выпала на долю итальянского масонства, поднявшего знамя Рисорджименто. Таким образом, в Соединенных Штатах масонство не отождествляется прямо с понятием «отечество». Американское масонство стоит как бы выше патриотизма. Недаром брат Лессинг учил, что масон — это человек, способный уловить тот момент, когда патриотизм перестает быть добродетелью.

В Италии, следовавшей французским образцам, история распорядилась совершенно иначе. Дело вовсе не в том, что произошло, а в том, что считается имевшим место в истории. Французская историография сумела укоренить представление о том, будто Французская революция является результатом «масонского заговора». В Италии, по тому же рецепту, был создан историографический миф о Рисорджименто как масонском предприяттии. Подобные мифы легко разоблачаются чуть более серьезными, чем обычно, историческими исследованиями. Но и сегодня в обыденном представлении все беды Рисорджименто объясняются кознями масонов. Дело вовсе не в том, что масонство, таким образом, представляют не в самом лучшем виде, а в том, что грубо искажается идея масонства, ставящего своей целью универсализм. Кроме того, подобные искажения роли масонства в Рисорджименто во многом затрудняют поиск идентичности тем или иным итальянским масоном, который усвоил с детства ту мысль, что масонство является-де политической организацией. В Англии, Соеди-

ненных Штатах, Германии, Швеции, практически повсеместно в западном мире, идея, что масонство может играть какую-то политическую роль или предопределять то или иное направление политического развития в стране, покажется не просто чудовищной, но и смешной. К счастью, и в сегодняшней Италии мы продвигаемся в том же направлении.

Различия, существующие исторически между «англо-саксонским» и «латинским» масонством, сказываются также и на традиционном стиле взаимодействия масонства с внешним миром. В Англии и Америке наблюдается особая склонность к благотворительной деятельности, достигшей результатов, о которых невозможно даже и помыслить в Италии. В этих странах, несмотря на то что государство взяло на себя основное бремя социального обеспечения, по-прежнему жив дух добровольной общественной благотворительности. Так, масонские организации основывают и содержат больницы, клиники, медицинские научно-исследовательские центры. Такие масонские ассоциации, как «Грот» и «Ковчег», особенно активны в оказании стоматологической помощи и реабилитации инвалидов с детства.

Создание социального обеспечения, начиная с XVIII в., было основной задачей масонства. Любителям исторических курьезов будет небезынтересно узнать, что первый в мире сиротский приют был основан на деньги итальянского масона, поселившегося в Англии. Речь идет о сэре Бартоломео Руспини, придворном дантисте, сумевшем скопить значительные средства. За многочисленные свои заслуги он, прихожанин англиканской церкви, был официально и не однажды награждаем католиками.

— Перелистывая английские и американские масонские журналы, читатель может составить представление, что в этих странах ложки являются своего рода клубами рядовых граждан, одной из условностей существования которых являются совершаемые как бы напоказ странные обряды...

— Вы правы, отмечая значение, которое придают англосаксы, в особенности англичане, обрядовой стороне масонства. В оправдание следует сказать, что масонское наставление осуществляется посредством символа. Подлинное масонство реализуется благодаря совершенству обряда, отражающего его символическое содержание. Обрядность и внешний декор, разумеется, не следует смешивать.

Что касается утверждения, будто англосаксонские ложи похожи на клубы, то не могу с вами согласиться. Клуб слишком светское понятие. Если под словом «клуб» понимать культурный общественно-идеологический центр, то англосаксонские ложи вряд ли напоминают подобное учреждение. Все, что связано со светской жизнью, культурным времяпрепровождением, засоряющим масонство в иных странах, в английском масонстве отвергается без обиняков. «Не масонское это дело» — самая распространенная среди английских масонов поговорка. Вечерние трапезы, совершаемые английскими масонами «во имя любви» по окончании собрания в ложе, проходят в духе возвышенной духовности.

— *Каково положение масонства в Испании и Португалии, где оно подвергалось преследованиям режимами Франко и Салазара, в период восстановления демократии?*

— У меня нет никаких сведений о восстановлении испанского масонства. Могу лишь предположить, что, обладая характерными чертами так называемого «латинского» масонства, оно неизбежно столкнется с теми же проблемами, которые должно было решать итальянское масонство после падения фашизма. Убежден, что испанское масонство решит эти проблемы с большей легкостью, ибо ущерб, понесенный им в результате бездеятельности, продолжавшейся более двадцати лет, в течение которых существовал итальянский фашизм, имеет и обратную — положительную — сторону. К настоящему времени уже умерли все деятели дофранкистского масонства. Испанским братьям будет легче, чем нам, найти ту столбовую дорогу развития масонства, которая ведет к универсализму и независимости ордена от какой бы то ни было идеологии.

В Испании лет десять назад были основаны две регулярные ложи, обслуживающие военнослужащих НАТО. Эти ложи подчинены Великой национальной французской ложе. Этот факт означает, что Испания для масонства — свободная территория.

В Португалии дело обстоит более или менее сходным образом. Несколько лет назад мы получили от «неизвестных португальцев» бандероль, содержащую несколько экземпляров открытки, выпущенной по случаю столетия со дня рождения адмирала и путешественника брата Гаго Кутиныо. На открытке были изображены знаки масонского достоинства выдающегося порту-

гальского мореплавателя. Посредством Итальянской лиги по правам человека нам удалось связаться с португальскими братьями. Правда, отношения так и не вышли за рамки дружеской приязни. Португальцы больше вспоминали о прошлом, предпочитая отмалчиваться всякий раз, когда речь заходила о перспективах конкретного сотрудничества.

— *Каково положение масонства в Восточной Европе?*

— На Востоке масонство отсутствует.

В России, с тех пор как царизм запретил ложи в 1822 г., антимасонское законодательство не претерпело сколь-нибудь существенных изменений. После революции 1905 г. появилось так называемое «думское масонство». На самом же деле это была светская организация, незаконно присвоившая себе право именоваться масонской ложей. В то же время Великий Восток Франции, воспользовавшись тем, что ряд русских эмигрантов после 1905 г. получили возможность вернуться на родину, приняв инициацию во французских ложах, основал несколько лож на территории России.

После революции 1917 г. русское масонство оказалось в изгнании в Париже. Политические тенденции эмигрантов были самые пестрые. В самой же России воцарилось молчание.

В Венгрии масонство также было запрещено и подвергалось преследованиям. 13 июля 1950 г. там был опубликован декрет, объявлявший о роспуске ордена. Что касается личных судеб венгерских масонов, то напому только о самоубийстве Великого Магистра Гезы Шупка. В 1963—1964 гг. Великий Восток Франции начал было переговоры с официальными представителями Венгрии с тем, чтобы добиться более гибкого отношения властей к масонству. Но безрезультатно.

В Чехословакии многообещающим для восстановления масонства был период реформаторской деятельности Дубчека во время так называемой «Пражской весны» 1968 г. История, однако, воспрепятствовала такому повороту событий.

Сказанное о Советском Союзе и его союзниках относится также и к Китаю...

Единственное исключение — Куба. В этой стране масонство активно работает. Кастро, имея дело с традиционным масонством, не вмешивающимся в политику, счел целесообразным не выступать против него.

— *Как относится масонство к культурным веяниям последних лет?*

— Культура масонства основана на демистификации так называемой массовой культуры, которая из поколения в поколение насаждается среди молодежи.

Могу вообразить замешательство какого-нибудь юноши, приехавшего к нам из отдаленной африканской деревни, когда он узнает и о масонстве, и о так называемых новомодных течениях в итальянской культуре. Смею думать, вряд ли он понял бы, каким образом в культуре одной страны возможен подобный колоссальный разброс течений мысли.

Если и сыщется какой-нибудь незадачливый масон, занимающий соглашательскую позицию в отношении того, что творится на страницах нынешних иллюстрированных журналов, то, не сомневаюсь, он не их подписчик. Миропонимание масона — это миропонимание ищущего человека, подвергающего все сомнению. Общество потребления, напротив, требует от человека склонять голову перед реальностью, подражать искусственно создаваемым образцам.

«„Вольные каменщики,, считают себя братьями и обращаются друг к другу «брат» независимо от различий в происхождении, вере, социального положения. Они связаны взаимным обязательством обмениваться знаниями и оказывать друг другу помощь в пределах справедливости и личной чести...» Эта цитата из статьи 11 Устава Великого Востока Италии подводит к пониманию масонского братства.

Наряду с «масонской тайной» идея братства нередко становится объектом основных нападков со стороны некоторых органов печати и общественных групп, периодически выступающих против вольных каменщиков. При этом масонству подчас предъявляются взаимоисключающие обвинения в том, что оно плетет нить прокоммунистического заговора или замышляет профашистский переворот, занимаясь темными махинациями и стремясь к захвату власти.

Католическая церковь первой обрушилась с нападками на сборища вольных каменщиков. После папской буллы «*In eminenti*», увидевшей свет в 1738 г., антимасонская деятельность церковной инквизиции захлестнула Апеннинский полуостров и вскоре перешла все допустимые границы. Достаточно вспомнить о «признаниях», полученных инквизицией Флоренции, согласно которым посвящение в масоны якобы сопровождается ритуальным онанизмом и мужеложеством. Острый на язык баснописец Томмазо Крудели, масон, жестоко поплатился за свои сочинения. Сначала он был брошен за решетку и сослан, затем умер от туберкулеза, который усугубился в результате перенесенных им унижений¹. С тех пор как умер «первый мученик» итальянского масонства, минуло почти два с половиной столетия. На протяжении всего этого времени масонство периодически обвинялось в самых невероятных грехах и преступлениях, которые, впрочем, ни разу не были подкреп-

лены сколько-нибудь достоверными доказательствами или уликами.

Выше мы уже цитировали ту статью из масонского Устава, согласно которой масоны обязуются оказывать друг другу помощь «в пределах справедливости и личной чести». Судя по всему, подобное обязательство предполагается, что взаимопомощь между масонами никоим образом не должна затрагивать сферу внешнего мира. В одном из материалов «Ривиста массоника» проф. Джордано Гамберини пишет, например, о том, что «...когда мы сегодня говорим о масонском братстве, то следует понимать, что речь идет неизменно и только о братстве между отдельными личностями, речь идет о братстве между людьми. Вне этого братства существует солидарность, общность различных интересов, равно как и совместное владение имуществом и орудиями труда. Однако все это находится за пределами масонского братства...»². Таким образом, масонское братство, согласно духу и букве Устава ордена и мирозозерцанию вольных каменщиков, как бы является малым замкнутым миром, отграниченным от окружающей его действительности. В то же время масонская община — это своеобразное этическое предвосхищение общечеловеческой общности. Сокровенный долг масонов состоит, следовательно, в том, чтобы нести в мир дух братства. Такое «одухотворение» становится возможным только благодаря самодисциплине и упорному труду, свершаемому в храме природы. Дух братства не может служить основанием для личной карьеры, возносящей человека вверх по социальной лестнице. Дух братства не может, по определению, использоваться и в своекорыстных интересах. В случае если тот или иной масон нарушит это установление и воспользуется своей принадлежностью к ложе в корыстных целях, то вся вина за этот проступок ложится целиком на него лично, а не на масонство как таковое. Обвинять в подобном проступке масонство так же нелогично, как, например, ту же церковь или политическую партию только за то, что кто-либо из их членов оказался вором или преступником. Разумеется, высокие нравственные требования предъявляемые масонским братством к своим членам должны, казалось бы, обеспечить его высокий нравственный уровень. Увы, любой проступок, равно как и любое благодеяние, совершаемый отдельным масоном, хотя и относится к сфере его личной ответственности, однако придает тот или иной

оттенком оценкам движения в общественном мнении. Но следует подчеркнуть, что масонству глубоко чуждо такое понятие, как «круговая порука».

Другой предрассудок, связанный с масонством, касается распространенного мнения, будто масонство наглухо закрыто для так называемых «низших» классов общества, для людей бедных и занимающих низшие социальные ступени. В уставных требованиях масонства отсутствуют оговорки, которые можно было бы истолковать подобным образом. Согласно Уставам масонских лож, человек, стремящийся к инициации, должен располагать средствами для уплаты членских взносов. Но взносы эти столь незначительны, что не могут послужить основанием для какой бы то ни было дискриминации. В последние годы итальянское масонство, например, подтвердило свое стремление развиваться как свободная этическая и инициационная школа. При этом имущественный ценз был упразднен. Под сенью арки масонского храма собираются представители разных социальных слоев. При этом масонство нередко обвиняют в «межклассовости», хотя вернее было бы говорить о его надклассовом характере. По определению масонство связано не с классами, а с отдельными людьми, это движение, выше всего ставящее личностный принцип.

В одном из документов, датированных 1975 г., Великий Мастер Великого Востока Италии утверждал: «Наша деятельность должна быть направлена на то, чтобы во всех мастерских (ложах.— *Перев.*) осознали: прозелитизм не следует понимать как попытку привлечь в храм только тех, кто уже достиг определенного успеха в мирской жизни. Пусть приходят к нам люди, представляющие все слои общества. Пусть будут они не только свободными духом и добрыми семьянинами, но и такими людьми, кто и на рабочем месте и в той среде, где они вращаются, не навязывают кому бы то ни было своих политических или религиозных взглядов, своего мировоззрения, не ощущают себя носителями истины в конечной инстанции»³.

Основное условие вступления человека в орден — его стремление возродить себя как личность. Если в прошлом масонские ложи пополнялись в основном за счет представителей средних и высших классов, то было это обусловлено не уставными требованиями, а общественной несправедливостью. Ведь на протяжении тысячелетий выработывался и укреплялся предрассудок,

будто высокое общественное положение и культура нераздельны. В течение многих веков общепринятым было мнение, что всякий образованный человек (имеющий доступ к книгам и обладающий широкими социальными связями) уже в силу самого этого факта не может не принадлежать к привилегированным слоям общества. Вряд ли масонство повинно в том, что в прошлом доступ к образованию и знаниям был затруднен или даже вовсе недоступен для неимущих. В то же время не подлежит сомнению, что с эпохи Просвещения, со времени деятельности французских энциклопедистов, появления системы общедоступного образования, укрепившейся в Италии благодаря Мадзини, и особенно через различные образовательные учреждения в XX в. многочисленные масоны способствовали распространению в народе культурных ценностей. В Соединенных Штатах ряд частных и государственных школ и университетов, например, были основаны благодаря решающему вкладу масонов.

Кстати, для Соединенных Штатов показательна история, которую рассказывают о президенте Теодоре Рузвельте⁴. Однажды он пригласил военного министра посетить ложу, Достопочтенным Мастером которой был садовник его соседей. Разумеется, можно допустить, что «дух равенства», продемонстрированный таким образом президентом Соединенных Штатов, был всего лишь «театральным жестом», рассчитанным на приобретение популярности. Однако мы полагаем, что в действительности этот эпизод дает возможность подметить одну из наиболее характерных черт масонства как школы этического спиритуализма, своеобразного «центра единения отдельных людей, которые в противном случае так никогда бы и не встретились» (как отмечал один из основателей европейского масонства нового времени Андерсон). Масонская ложа — это своеобразный культурный центр, который не преследует цели затушевать социальную сторону бытия вульгарно понятым «братанием» между представителями высших и низших слоев общества. За пределами ложи вольные каменщики разделены в силу их социальной принадлежности и политических взглядов. Согласно масонской ортодоксии, никто не вправе запрещать им обеспечивать интересы той или иной социальной группы, выражать взгляды той или иной части общественного мнения. Только в стенах храма во весь голос звучит призыв к совместной работе. Он слышен здесь громче, чем звон «металла» —

мирских страстей, привязанностей и интересов. Всякий, переступивший порог храма, уже направляем духовной атмосферой его пределов. Именно здесь ощущает он себя братом человека, стоящего рядом, хотя, быть может, он видит его впервые в жизни.

По выходе из храма масон продолжает свою мирскую деятельность. От масона требуется не отказ от нее, а такое отношение к ней, как если бы вся она была пронизана духом братства и терпимости, поучение о которых им получено в храме. Вот почему вольный каменщик во всяком споре, при всяком столкновении должен неизменно относиться к своему противнику так, чтобы сделать максимально возможным диалог с ним. Масон должен стремиться не отталкивать своего противника, но держать его на расстоянии протянутой руки, никогда не исключая диалогичное общение с ним.

В принципе масонство «воспрещает себе проведение какой бы то ни было политической деятельности, направленной вовне, но оставляет за своими адептами широкую свободу деятельности среди всех членов общества; не обязывая их следовать каким бы то ни было директивным указаниям»⁵. Данное положение о свободе политической инициативы сформулировано с рядом оговорок в статье 2 устава Великого Востока Италии: «Итальянская община, следуя исповеданию Вселенского масонства, придерживается в своей деятельности демократических принципов в том, что касается политического и общественного порядка, вдохновляясь идеалами свободы, равенства и братства...»

В третьем пункте той же статьи устава сказано: «Исходя в своей деятельности из высоких нравственных принципов, вольное масонство не приемлет привилегий социальных классов, но воздает честь труду во всех его формах, признавая за каждым человеком право беспрепятственно и без каких бы то ни было ограничений раскрывать свои способности при условии, что он не нарушает права других людей и сочетает свои интересы с высшими интересами Родины и Человечества»⁶. Так, в достаточно жесткой форме, изложена масонством декларация о принципах. В известном смысле их можно рассматривать в качестве общих надполитических утверждений. В своей деятельности масоны обязаны соизмерять поступки с этими принципами, обязательными для соблюдения в социально-политической сфере. Читателю, разумеется, небезынтересно узнать, как

конкретно отражаются в обществе господствующие среди масонов политические взгляды. При этом следует подчеркивать, что политическая топография с трудом поддается совмещению с картой распространения масонства. Во всяком случае можно утверждать, что наименее враждебными масонским идеалам являются традиции светской демократии, республиканские и либеральные течения благодаря взрастившей их культуре. Это отнюдь не означает, что все вольные каменщики стоят именно на таких позициях, не означает это и того, что участие масона в общественной жизни должно быть сопряжено с активной политической деятельностью в той или иной партии. Главное, чего масонство неукоснительно требует от членов братства — это отсутствия принадлежности к разного рода экстремистским группировкам, исповедующим нетерпимость, демагогию и двурушничество, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали.

С момента своего возникновения в XVIII столетии итальянское масонство, будучи разобленным в многочисленных карликовых государствах, существовавших до объединения страны, не обладало в культурном отношении единым обликом. То же относится и к политической характеристике итальянского масонства. Можно сказать, что масонские ложи были очагом прогрессивной мысли своего времени, тем не менее историческая истина требует соблюдать осторожность, считая ту или иную характеристику масонства единственно верной или исчерпывающей. Так, например, в английской ложе, обосновавшейся во Флоренции, собирались заезжие английские дипломаты, представители флорентийского литературного мира и даже католические монахи — ирландцы, нашедшие прибежище в Тоскане и скрывающиеся от преследований, которым они подвергались на родине из-за своих религиозных убеждений⁷.

Оценивая масонство за пределами Италии, следует привести характерный пример того, как невозможно, даже говоря о первых десятилетиях истории «созерцательного» масонства, составить сколько-нибудь однозначную картину «политики», проводимой орденом. Так французские ложи, согласно Сальвемини, «после 1770 г. превратились в центры пропаганды свободомыслия, антиклерикализма и гуманизма», братья-масоны Вольтер и Монтескье подготавливали почву для «Декларации» 1789 г., и в то же время французское масонство имело

в своей среде такого представителя традиционного католицизма и поборника «контрреволюционной» философии, каким был Жозеф де Местр. Многочисленные масоны, в том числе и Великий Мастер Луи-Филипп Орлеанский, взошли на эшафот в момент революционного взрыва. В то же время многие депутаты Генеральных штатов и даже лидеры революции, как, например, Дантон и Марат были масонами. В подобных переплетениях проявляется драматический плюрализм взглядов, характеризующих масонство⁸.

В Италии XIX в. вольные каменщики, как об этом уже рассказывалось в главе V, мощно влились в ряды деятелей Рисорджименто. После 1861 г. масонство, высказываясь по «римскому вопросу», было на стороне тех, кто требовал превратить Рим в столицу единой Италии. Эта позиция масонства являлась дополнительной причиной разрыва с католическим миром. Взаимную неприязнь усугубил антиклерикализм, присущий ордену. Показательно, например, проведение так называемого антисобора, созванного Гарибальди в противовес Первому Ватиканскому собору. Масоны, собравшиеся под покровительством Гарибальди, прославляли науку и разум, призванные рассеять густой мрак римско-католической церкви⁹.

В начале XX в. деятельность масонства, охватившая к этому времени все представленные в парламенте политические силы, наталкивается на препятствия и подвергается усиливающимся нападкам. На съезде социалистической партии, состоявшемся в 1914 г. в Анконе, было заявлено о несовместимости членства в партии с принадлежностью к масонству. С исторической точки зрения речь шла о политическом маневре, связанном с появлением в социалистической партии максималистских течений и их желанием ликвидировать умеренные течения, которые олицетворял Леонида Биссолати, бывший масоном. Анафема, которой были преданы масоны в социалистической партии, в дальнейшем была подхвачена коммунистами. Так, Антонио Грамши утверждал, что масонство является единственной подлинной политической организацией итальянской буржуазии¹⁰. Данный тезис представляется излишне категоричным, ибо, как нам уже не раз приходилось констатировать, на протяжении всей истории своего существования масонство с социологической, политической и культурной точек зрения никогда не было единым

или однозначно ориентированным «организмом». Кроме того, именно в тот период, о котором пишет Грамши, ложи, подчинявшиеся дворцу Джустиниани, в основном состояли из железнодорожников, слесарей, рабочих, грузчиков и т. д. Речь идет о представителях таких социальных групп, которые вряд ли могут быть отнесены к буржуазии в том смысле, как этот термин принято понимать на протяжении последних двух столетий. (Заметим, однако, что термин «буржуазия» в эпоху позднего средневековья включал в себя рабочих мануфактур, ремесленников и торговцев города, занимавших социальное положение между крестьянством и сеньорами.)

Антимасонские выступления среди социалистов в дальнейшем утратили интенсивность. Только в 1947 г. в скрытой форме антимасонские выпады снова дали знать о себе в проекте устава социалистической партии, обсуждавшемся на съезде во дворце Барберини. Согласно статье 7 проекта устава доступ в партию закрывался, как было сказано, членам «тайных ассоциаций»¹¹.

Антимасонская кампания, которую вели коммунисты, в особенности на международном уровне, становилась, напротив, все более жесткой. Так, Троцкий писал, что масонство столь же реакционно, как церковь, как католицизм. Оно сглаживает остроту классовой борьбы под прикрытием нравоучительных формулировок. Оно должно быть уничтожено в пламени красного революционного костра. Во Франции и на одном из конгрессов Коминтерна французские коммунисты потребовали от своих товарищей, «все еще сохраняющих тесную связь с секретными организациями противника» (то есть от многочисленных коммунистов, входивших в ложу Великий Восток Франции), порвать с масонством¹².

В чем причины антимасонской кампании, ведущейся коммунистами? На первый взгляд классификация масонства как буржуазного и классового движения является достаточным к этому основанием. В силу подобной логики ложи являются клубами привилегированных лиц. Поскольку коммунисты объявляют войну всяким привилегиям, постольку с их точки зрения масонство является одним из многих досадных препятствий на пути эмансипации пролетариата. В странах, где во главе стоят коммунисты, масонство поставлено вне закона (за исключением Кубы). Другой вопрос, в какой мере благодаря отсутствию масонства дело эмансипации проле-

тариата в этих странах продвинулось вперед. Для многих этот вопрос остается спорным. При всяком минимально честном культурно-историческом рассмотрении вопроса о масонстве следует констатировать, что масонство как таковое не является генетически связанным с силами консерватизма. Тот, кто обвиняет масонство в этом грехе, вероятно, хорошо сознавал, что делает. В России, где в силу исторически сложившихся обстоятельств масонство подвергается преследованиям, в период революции большая часть масонов была близка к позиции социал-реформизма, либо их разделяла. Масонами были А. Ф. Керенский и многие члены его кабинета. Россия вправе гордиться своими славными традициями демократического движения. Масон Н. Новиков, ученый и литератор, в 1781 г. основал одно из первых российских обществ по распространению просвещения среди народа. Благодаря его усилиям всего за несколько лет число библиотек в Москве с двух увеличилось до двадцати. Впоследствии Александр I обрушился на масонство, издав в 1822 г. указ о роспуске лож. Среди прочих была запрещена деятельность ложи «Астрея», пользовавшейся славой очага прогресса. Но и в начале XX в. демократические и антицаристские взгляды культивировались двумя ложами в Москве и Петербурге, если верить правительственной информации о запрете, наложенном на их деятельность¹⁴.

За пределами России практически повсеместно многочисленные масоны способствовали созданию более справедливого общественного устройства. Вспомним хотя бы Пьера Жозефа Прудона и Шарля Фурье, выдающихся теоретиков и экспериментаторов немарксистского социализма во Франции, или Андреа Косту в Италии.

По всей вероятности, враждебное отношение марксистов к масонству уходит своими корнями не столько в социальный вопрос (следует отметить отсутствие несовместимости масонских идеалов с социальной программой «ревизионистского» толка)¹⁵, сколько в проблему культуры. По мнению историка масонства А. Амбези, марксизм «не только верит, что всякий без исключения фактор культуры сводим к экономике, но и полагает необходимым отвергать с порога всякую метафизику, гневно обрушиваясь на один из основополагающих принципов масонства — терпимость»¹⁶. Вывод, к которому приходит Амбези особенно в последней части своего суждения, представляется нам несколько натянутым.

Ведь именно Пальмиро Тольятти перевел и написал предисловие к «Трактату о терпимости» Вольтера¹⁷. С историком масонства можно, пожалуй, согласиться лишь в том смысле, что аксиомы исторического материализма, коль скоро интерпретировать их по существу, неизбежно приводят всякого, кто следует их букве и духу, к рассмотрению религиозного, мистического или инициационного опыта под углом зрения социологии, иными словами — в качестве контрабандного товара, предлагаемого обществу в «культурной упаковке» правящими классами, стремящимися увековечить свое господство, либо под углом зрения, который можно было бы назвать антропологическим, когда весь вопрос сводится к таким понятиям, как отчуждение или «отрыв» человека от природы, к иллюзорной попытке восстановить утраченное единство посредством идеалов самосовершенствования и трансцендентной целокупности. Как известно, согласно марксистскому учению, восстановление единства человек — природа возможно посредством социалистического преобразования общества, которое ознаменует собой отмирание метафизических предрассудков. Однако, по крайней мере в настоящее время, правящие партии в коммунистических странах вынуждены считаться с возрождением религиозного чувства своих народов.

Нежелание воспринимать феноменологию духа в качестве самостоятельной и целостной проблемы отчасти было сведено на нет благодаря усилиям современных марксистских мыслителей, вынужденных пересмотреть некоторые элементы духовного наследия человечества. Это также отмечает Эрнст Блох, рассматривающий марксизм в общем русле развития эсхатологической утопии¹⁸. В связи с тематикой книги определенный интерес представляют также работы Лучиано Паринетто. Будучи автором ряда серьезных исследований, Паринетто подготовил итальянское издание масонских диалогов Лессинга. В обширном введении к этой работе Паринетто ставит вопрос о том, что масонский путь в том виде, как его сформулировал Лессинг, считавший, что этот путь основан прежде всего на практике, быть может, является своеобразным предвосхищением движущих идей мыслителя из Трира, в частности его замысла создать «гуманное» общество на руинах истории, разрушенной в результате деятельности классов и наций. Следует отдать должное Паринетто хотя бы за то, что ему удалось обойтись без импровизаций и вопреки субъекти-

визму построить свое исследование на основе документальных материалов. Однако и в данном случае приходится констатировать, что исследователь пытается свети к социологии даже столь многогранное наследие, каким является творчество Лессинга. В итоге Лессинг предстает перед нами в виде плоского геометрического чертежа, а его мысль кажется лишенной духовного измерения. Паринетто рассматривает Лессинга преимущественно под углом зрения социально-политической борьбы.

Заклятыми врагами масонства были национал-социализм и фашизм. Что касается национал-социализма, то корни его антимасонских установок можно обнаружить в сочинении Гитлера «Майн Кампф». Существует немало исследовательских работ, в которых, как нам представляется, обоснованно говорится о том, что национал-социализм противостоит масонству в качестве силы, отвергающей концепцию инициационного подхода к действительности. Не случайно национал-социалисты приспособили к своим целям древнейший солярный символ свастики (от санскритского «su» — добро и «asti» — быть, являться), развернув в противоположном направлении ее углы. Так называемый национал-социалистический спиритуализм — не что иное, как коллективная оргия, глубинный смысл которой состоит в инфантильной регрессии, возвращении в материнскую утробу, в лоно матери-земли. Эстетствующим отражением данного регресса является восстановление атрибутов древнегерманской архаики. С точки зрения психоанализа возврат к арийским корням может считаться признаком неспособности незрелого организма войти в мир взрослых людей.

Масонский путь духовного созревания противостоит подобной регрессии. Цель масонского пути — самосовершенствование личности и ее постепенный и осмысленный выход за рамки примитивного материализма, царства хаоса и насилия во имя достижения «упорядоченности», самоутверждения в царстве «упорядоченности», общечеловеческих ценностей и спиритуализации матери.

Национал-социалистический витализм изгоняет из своих пределов всякое подобие нравственности. Будучи преломлением садистских и, следовательно, человеконенавистнических наклонностей своего вождя, национал-социализм испытывал врожденную ненависть к тради-

ционному гуманизму немецких масонских лож. В этом отношении немаловажную роль сыграло и то, что масонские ложи являлись связующим звеном между Германией и западными демократическими странами, например Великобританией и Францией, против которых было направлено жало националистического и пангерманского реваншизма.

Политика национал-социализма, направленная на уничтожение масонства, проводилась не только в пределах германских границ, но и на оккупированной немцами территории. Напомним только о многих тысячах французских масонов, уничтоженных национал-социалистами по доносам коллаборационистов. Среди погибших был историк Б. Фэй, автор труда по истории масонства¹⁹.

Что касается моды на оккультизм, существовавшей среди национал-социалистов (полагают, что Розенберг являлся членом общества «Thule», развивавшего теорию нордического происхождения цивилизации и разделявшего «гиперборейское» учение), то следует подчеркнуть, что история эзотерических доктрин давно осудила подобные псевдокультурологические извращения, отвергнув их как не имеющие никакого научного смысла.

В Италии к моменту захвата власти фашистами существовали две деноминации масонства: одна из них управлялась из дворца Джустиниани, другая — из штаб-квартиры, расположенной на площади Джезу. Первая деноминация, считавшаяся «регулярной», покончив с колебаниями некоторых своих руководителей (объяснимых в связи с неоднозначностью первых фашистских деклараций), отвергла движение, возглавлявшееся Муссолини, и во всеуслышание заявила о том, что относится к нему резко отрицательно. В 1923 г. фашисты провозгласили принцип несовместимости членства в партии с принадлежностью к масонству. На масонов обрушились преследования, они становились жертвами насилия.

В апреле 1925 г. отдел по делам масонства национал-фашистской партии направил секретный циркуляр, в котором от партийных организаций требовалось применять с особой строгостью меру судебного пресечения деятельности тайных организаций. С этой целью накануне был принят особый указ. Его острое было направлено против масонства, главным образом против их программы, характеризовавшейся фашистами как «ин-

тернационалистская, пацифистская и гуманитарная», а следовательно, «наносщая ущерб воспитанию в национальном духе». Членам партии, которые не проявят достаточного усердия в кампании по искоренению масонства, грозило суровое наказание: «Фашисты, поступающие нерешительно, высказывающие сомнения насчет правильности принимаемых мер в момент, когда борьба уже началась, будут считаться предателями и пораженцами и как таковые не заслуживают никакого снисхождения». Таким образом, были развеяны последние иллюзии о возможности сосуществования фашизма с масонством ²⁰.

Представители фашистских движений первого призыва, которые еще в дофашистское время вступили в масонское братство (главным образом в деноминацию, подчинявшуюся руководству на площади Дездемы), отреклись от своих убеждений. Фариначчи, например, заявил, что ничего не смыслит в циркулях и угольниках, хотя в течение ряда лет и посещал масонские ложи. Он стал самым злобным преследователем ордена ²¹. В этом его горячо поддерживал Муссолини, который сам безрезультатно пытался встать на путь инициации в бытность свою агитатором и пропагандистом идей крайнего толка, которые, как оказалось, имели мало общего с подлинно социалистическим учением. Теперь Муссолини представился случай дать выход своей антимасонской ненависти.

Ложи были разгромлены. Великий Мастер Домицио Торриджиани был приговорен к ссылке, из которой он выйдет всего лишь за несколько месяцев до смерти. Выступления фашистского режима против политической оппозиции и против масонов в основном совпадали. Так, член парламента, один из основателей «авентинской» оппозиции фашизму Джованни Амендола, искренний деятель масонства, был жестоко избит и умер в изгнании во Франции вследствие полученных травм. Большинство масонов, входивших в ложи, управляемые из дворца Джустиниани, вступили на путь изгнания. Во Франции были основаны итальянские ложи. Из пятнадцати членов ложи «Новая Италия» девять отправилась добровольцами в Испанию, чтобы бороться с Франко в рядах антифашистов. Трое из них пали смертью храбрых на полях сражений Испании. Среди них был и видный деятель республиканской партии Марио Анджелони ²².

Во главе Великого Востока в изгнании стояли Эудженио Кьеза, видный политический деятель и журналист, сотрудничавший на страницах «Голоса Республики», и видный мыслитель Артуро Лабриола, правовед, экономист, занимавший в прошлом министерские посты в итальянском правительстве.

Наиболее активные масоны, оказавшиеся во французском изгнании, способствовали созданию организации «Антифашистская концентрация». Поддерживали они отношения и с антифашистами из «Справедливости и свободы». Хотя, если верить Э. Росси, на одном из собраний антифашистов, состоявшемся в доме масона Кантони, он и другие члены организации «Справедливость и свобода», Ферруччо Парри и Рикардо Бауэр, выразили мнение о нецелесообразности включения напрямую «организованного масонства» в деятельность антифашистской эмиграции²³.

Антимасонские преследования не обошли стороной и ложи с площади Дезеу в Риме, заигрывавшие с фашизмом в соответствии с установками своего бесславного руководителя Рауля Палерми. В конце концов и эти ложи были разогнаны фашистами, а их члены из числа наиболее честных людей подверглись преследованиям. Так, например, член парламента Микеле Терцаги, один из руководителей социалистической партии, порвавший с чернорубашечниками, был отправлен в ссылку. Терцаги написал воспоминания под названием «Фашизм и масонство». В предисловии он говорит о несовместимости «природы» двух противоположных исторических сил: «Между фашизмом и масонством существует та же связь, какая есть между оглушающим воем бури и пережившим ее натиск величием природы»²⁴. Пройдут годы, и в 1975 г. Великий Мастер Лино Сальвини в традиционном обращении по случаю дня весеннего равноденствия напишет о противостоянии рефлексии, сопровождающей масонский путь, борению политических страстей, буйствующих под аккомпанемент озлобленности, насилия и шантажа, следующие слова: «Чередование времен года дало человеку понимание меры времени: арка, состоящая из 365 дней годового цикла, есть синтез того, чем является его жизнь. Природный порядок вещей переменчив, но его устройство таково, что человек не испытывает при этом страданий. Медленно, но неуклонно, день сменяется ночью, из царства дня человек переходит во владения ночи,

испытывая наслаждение этой неизреченной гармонией... Данный порядок вещей приводит в равновесие миры — мир человека и мир природы. Человечество продвигается вперед только в том случае и тогда, когда перемены совершаются постепенно, путем восхождения с одной ступени на новую, высшую. Так восходит к Свету человек посвященный: медленно, но изо дня в день, трудясь над своим внутренним совершенствованием, работая в тайниках своего личного опыта, пользуясь поддержкой символов, он оказывается в силах отказаться от всего, что преходяще и мнимо... Всякий раз, когда мир потрясает насилие, чинимое во имя перемен, все остается так, как было прежде, или даже хуже, чем прежде»²⁵.

В послании Сальвини вынесен окончательный приговор мировоззренческой основе фашизма, отвергающей рефлексию. В развитие этой мысли напомним еще раз, что масоны в большинстве своем приняли участие в движении антифашистского Сопротивления. Члены ложи «Пизакане», основанной ссыльными масонами в Понце, погибли и погребены в Ардеатинских могилах близ Рима²⁶.

Завершая этот краткий экскурс в историю масонской «политики», можно сказать, что Великий Восток Италии является исторической организационной основой итальянской демократии. До сих пор ни одна из журналистских кампаний последних лет, направленных на то, чтобы представить эту основу в качестве питательной среды заговора правых сил, не смогла подорвать демократическую репутацию масонства.

Отношения между церковью и масонством в Италии на первый взгляд претерпевали подчас стремительные изменения. Нам уже приходилось указывать на то, что в прошлом ряд достойных представителей католического клира принадлежали к масонским организациям. Масонами были и бенедиктинский монах-эрудит Дом Пернетти, и гарибальдийский капеллан Уго Басси²⁷, и многие другие. Официальная позиция церкви, тем не менее, оставалась такой же, какую занимали римские папы XVIII в. На исходе XIX в. Лев XIII также не преминул выполнить свой антимасонский долг, опубликовав энциклику «*Humanum genus*». Тогда же руководитель американских масонов (южной юрисдикции) откликнулся на этот документ церкви, охарактеризовав его не только как злобный выпад против масонства, но и как «выпад против человечества и прогресса»²⁸.

Даже такие папы, как Иоанн XXIII и Павел VI, прошедшие реформаторский Второй Ватиканский собор, пусть и в менее резкой форме, подтвердили церковную анафему масонству. Правда, в последние годы церковь, судя по всему, решительным образом изменила свою политику, так что анафема теперь считается утратившей силу. Произошло это событие лишь после того, как в 1974 г. «префект» Конгрегации веры (так именуется в настоящее время учреждение, известное в истории как Инквизиция) направил в адрес епископов церкви послание, где содержалось напоминание о том, что анафема не утратила силу лишь в отношении организаций, действительно ведущих подрывную работу против католической церкви. Следовательно, анафема не действует более в отношении «регулярного» масонства, признанного Великой объединенной ложей Англии. Отлучение от церкви регулярного масонства, таким образом, изъято из кодекса канонического права.

Чтобы предоставить читателю возможность с большей наглядностью проследить извивы отношения католиков к масонству, позволим себе задержать его внимание на двух статьях, написанных с перерывом в двенадцать лет одним из авторитетов церкви по данному вопросу иезуитом отцом Каприле.

Будучи честным, хотя и не всегда беспристрастным наблюдателем происходящих в масонском мире событий, Каприле посвятил вольным каменщикам немало статей на страницах органа иезуитов «Чивильта каттолика». Статьи, выбранные из многолетней подшивки этого журнала, представляются нам весьма показательными. Первая статья, привлекающая наше внимание, относится к 1959 г. В ней содержится объяснение, отчего католическая церковь осуждает масонство. Каприле обвиняет масонский орден в религиозной индифферентности, которая, по его мнению, коренится в известном тезисе масонства (правда, заметим от себя, масонским его можно назвать с большой долей условности), гласящем, что «все религии равны между собой, все они одинаково преходящи и несовершенны». Другим непростительным грехом масонства, согласно Каприле, является некритичный натурализм, признание масонством всего, что является «естественным», иными словами — материальным, и непонимание масонством «сверхъестественного». Масонство, таким образом, оказывается без вины виноватым. Достаточно указать хотя бы на розенкрейцерскую

традицию, вошедшую в масонство, содержательная сторона которой состоит в подчинении природы силам добра и духовности, стремлении преобразовывать природу. Следует напомнить также о спиритуализме масонства, характеризующем всю историю его развития.

Продолжая обвинительную речь, Каприле утверждает, будто масонская «присяга» свидетельствует о подрывной сущности масонства вообще, направленного на дискредитацию католицизма и традиционного правопорядка. Далее Каприле говорит о «богохульстве» масонов, призывающих Господа (в формуле Великого Архитектора Вселенной) в свидетели своего «разврата». Таким образом, речь идет об обвинениях, необоснованность которых в свете современного знания о масонстве представляется очевидной.

Каприле, писавший в 1959 г., называл масонство «школой предательства». Масоны, полагал он, скрываются под белыми одеждами разного рода культурных ассоциаций, общественных и благотворительных фондов либо под мрачным покровом тайны масонской инициации. Все масоны, писал отец-иезуит, являются участниками заговора во имя торжества своих идеалов. Приведенное выше было написано в 1959 г. Те же домыслы, правда, в истерическо-нервном и кликушеском тоне повторяют до нынешнего дня и листки католиков-интегралов.

В 1971 г. на страницах того же иезуитского издания «Чивильта каттолика» появилась статья «Церковь и масонство сегодня» опять за подписью Каприле. Ничто же сумняшеся он подвергал остроумной критике антимасонскую клевету французского интегралов Леона де Понсена. На этот раз Каприле проводил различие между регулярным масонством (признаваемым Великой ложей Англии) и масонством нерегулярным. В заключение статьи отец-иезуит благодарил Великую ложу Англии за внесение ясности в подлинный смысл масонских идеалов в связи с публикацией по случаю 250-летней годовщины ее основания. В данной масонской публикации подтвердились древние установления масонства, в частности монотеизм и использование Библии в качестве книги Священного Закона.

Известно, что в 1973 г., после многих лет переговоров, английское масонство признало Великий Восток Италии. Это признание ранее отсутствовало в силу целого ряда причин и обстоятельств исторического и культурного

свойства. Факт такой «легализации», несомненно, сыграл важную роль в том повороте, который ознаменовал отношение католиков к масонам в Италии.

Масонство никогда не осуждало католичество, как церковь — собрание верующих. Масонство ограничивалось разоблачениями интегризма и духовного, равно как и светского деспотизма церкви как института.

В самом деле, как заметил А. Амбези, нынешнее положение католицизма вряд ли можно назвать благополучным²⁹. С одной стороны, в нем наблюдается за- силье теологов-консерваторов, послушно насаждающих идею об абсолютной исключительности христианского откровения и католического магистерия. С другой — действуют группы католиков-радикалов, сводящих Евангелие к социологической схеме, выхолащивающих христианство в том, что касается его вполне закономерной мистической и религиозной сущности, и превращающих его в чистую практику.

Многие желали бы, чтобы изменившиеся отношения между католической церковью и масонством с помощью тех верующих, которые вступают на путь масонской инициации, способствовали бы укреплению в католицизме «либеральных» течений (то есть таких течений, которые открыты к восприятию нехристианской мысли и других религий), этических принципов терпимости.

Несколько слов следует сказать и о другой стороне отношений масонства с внешним миром. Речь идет о так называемых парамасонских организациях.

Эти организации, иначе именуемые в Соединенных Штатах Америки «*appendant orders*», главным образом распространены в этой стране. Как правило, они называют себя весьма живописно, вполне в американском стиле. Например, в Соединенных Штатах существуют «Международный орден Восточной Звезды», «Древнеарабский орден рыцарей мистического ковчега», «Орден Высочайших ливанских кедров», «Орден Де Моле» (по имени последнего Великого Магистра Ордена тамплиеров.— *Перев.*), «Орден дочерей Иова» и т.п.

Все эти организации, театральное оформление которых соответствует вкусам североамериканцев, в основном открыты для членов семей масонов, но не противопоставлены и для настоящих масонов. Речь идет о своеобразных каналах воздействия на окружающую социальную среду. Эти организации являются центрами общественной и гуманитарной деятельности. Например, «Орден

ковчеха», открытый для масонов, обладающих высокими степенями, содержит больницы и приюты для детей-инвалидов³⁰.

«Орден Де Моле», будучи молодежной организацией, является своего рода формой движения скаутов. Напомним, что Баден Пауэл, основатель скаутского движения, был масоном. Деятельность ордена построена на рыцарско-тамплиерской символике. Сфера его интересов — проведение спортивных и музыкальных мероприятий для молодежи, забота о ее досуге, участие в инициативах «гражданских служб». Работая в стилистике рыцарских идеалов, орден награждает «медалью за доблесть» тех молодых людей, которые «отличились в деле спасения человеческой жизни»³¹.

Наиболее известной организацией является «Орден Восточной Звезды», кроме масонов, открытый для жен, дочерей и сестер вольных каменщиков. Орден имеет несколько «капитулов», в том числе и в Италии, где они появились несколько лет назад. В самой Америке капитулы этого ордена были основаны впервые в 1850 г. Религиозная сторона ритуалов ордена выражена весьма ярко и непосредственно. Руководители ордена, Досточтимая Матрона и Капеллан, совершают богослужение в честь Верховного Существа.

Распространено мнение, будто Ротари-клуб и Лайонс-клуб являются «официозами» масонства, свидетельствующего посредством этих организаций свое присутствие в обществе. Дело обстоит иначе. Действительно, эти организации были основаны масонами. Например, президентом «Лайонс Интернэшнл» в 1975—1976 гг. являлся избранный на этот пост калифорнийский масон Гарри Эслар³². Тем не менее эти две организации действуют в соответствии с собственными установлениями. Большинство их членов в Италии не принадлежит к масонам.

Общественной организацией, присутствие масонов в которой всегда было значительным, является Итальянская лига по правам человека. Еще несколько лет назад было принято, чтобы Великий Мастер ордена председательствовал на собраниях этой организации. Цели Итальянской лиги по правам человека, точно так же, как и организаций с аналогичным названием во многих странах мира, — деятельность в защиту гражданских прав, свободы совести и слова, демократических институтов, достойного существования человека³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Francovich C. Storia della Massoneria in Italia (dalle origini alla rivoluzione francese), p. 73—85.
2. *Rivista Massonica*, № 10, die. 1972, p. 577.
3. Salvini L. Realizzazioni della Massoneria Italiana dal 1970 al 1975 e futuro consolidamento della sua organizzazione. (Relazione).
4. См.: Mac Intosh W.F. Where should masons meet? — *The Masonic Journal of South Africa*, gen. 1976, p. 15.
5. Gaito V. Il Rito Simbolico Italiano nella Comunione Massonica e di fronte all' societa di oggi. *Rivista Massonica*, № 2. febb. 1974.6. Idem, p. 91.
7. Francovich C. Op. cit., p. 54—63.
8. Ambesi A. C. Storia della Massoneria; Fay B. La Massoneria e la Rivoluzione intellettuale del secolo XVIII.
9. Об антиклерикализме Великого Востока Италии в прошлом веке см. главу, посвященную истории масонства с 1717 г. до настоящего времени.
10. См.: Mola A. A. Storia della Massoneria Italiana dall'unita alia repubblica, p. 480—484.
11. Pedone F. Il Socialismo italiano di questo dopoguerra, p. 130.
12. См.: Gamberini G. La scomunica del XX secolo.— *Rivista Massonica*, № 7, sett. 1976, p. 385—392.
13. См.: *Rivista Massonica*, № 10, die. 1972, p. 629.
14. См.: Von Damm A. The Masonic Movement in brief. —

The Philalethes, febb. 1976.

15. Масонство не имеет никакой готовой «социальной программы». Вот почему один из наиболее известных масонов был вправе написать следующее: «Возвышенность мысли, одухотворяющей теорию коммунизма, захватывает воображение. В качестве конечной цели — установления социальной справедливости — коммунизм является всемирным учением. Что касается масонства, то правильное отношение к нему возможно при соблюдении двух условий: свобода должна пониматься коммунистами в самом широком смысле этого слова и быть гарантированной для всех членов общества; равенство должно рассматриваться ими в качестве отправной точки, отталкиваясь от которой они создадут во имя свободы условия, способствующие раскрытию таланта и инициативности человеческой личности...» (Terzaghi M. *Fascismo e Massoneria*, p. 153). Терзаги, высказавшийся по этому вопросу непосредственно в период окончания второй мировой войны, имел перед собой конкретные примеры сталинизма и итальянской компартии, еще не совершившей пересмотр своих позиций. Тем не менее Терзаги удалось провести различие между самой идеей коммунизма и ее конкретно-исторической реализацией. Терзаги в сущности сформулировал следующий тезис: масон вправе придерживаться идеологии коммунизма (точно также как он вправе придерживаться консервативных, либеральных или республиканских идей или вообще не придерживаться никаких идеологий). Однако он не может разделять идеи и поддерживать практику коммунизма как конкретно-исторического феномена.
16. Ambesi A. C. Storia della Massoneria in Italia, p. 235.
 17. Первое издание перевода, сделанного П. Тольятти, увидело свет в 1949 г. Последнее издание, вышедшее в издательстве «Эдитори Риунити», относится к 1973 г.
 18. См.: Pierer J. Speranza e Storia, cap. 4.

19. См.: Gamberini G. Appendice di aggiornamento del «Libero Muratore» («Il Libero Muratore» di E. Lennhoff), p. 345—348.
20. *Rivista Massonica*, № 11—12, nov.-dic. 1966, p. 226—227.
21. См.: Terzaghi M. Fascismo e Massoneria.
22. См.: *Rivista Massonica*, № 10, die. 1973, p. 577—581.
23. Rossi E. Una spia del regime, p. 263, n. 114.
24. Terzaghi M. Op. cit, p. 6.
25. *Rivista Massonica*, № 3, mar. 1975, p. 129.
26. *Rivista Massonica*, № 2, febb. 1976, p. 71—72.
27. *Rivista Massonica*, № 7, sett. 1972, p. 434.
28. *Rivista Massonica*, № 3, marz.—apr. 1973, p. 189.
29. См.: Ambesi A. C. Op. cit.
30. Enciclopedia Britannica: «Freemasonry», p. 737.
31. *Cordon* (organo dell' Ordine De Molay, die. 1975, p. 16—17).
32. См.: *California Freemason*, 1975—1976, winter, p. 46.
33. Собственно говоря, в Италии существуют две лиги: Итальянская лига по правам человека и Международная лига по правам человека. Вторая организация возникла в результате расширения деятельности миланского отделения Итальянской лиги по правам человека. Обе организации занимаются продвижением своего материала на страницы печати, являясь консультативными организациями ООН. Следует подчеркнуть, что международные структуры, как правило, создаются благодаря активному участию масонов.

От внимательного читателя, следившего за нашим изложением, надо полагать, не ускользнул тот очевидный факт, что автор данного исследования пишет о масонстве, стремясь сохранять объективность.

Масонство не нуждается в адвокатах, тем более не нуждается в благожелательном отношении пишущего эти строки, историка, который весьма далек от того, чтобы высказать окончательное суждение как по истории, так и по культуре масонства.

В последние годы газеты и журналы публикуют великое множество статей, так называемых исторических очерков, якобы журналистских расследований, заметок, комментариев, основной пафос которых заключается в явном стремлении дискредитировать масонство путем самой неприглядной и вульгарной дезинформации¹. Подобный стиль в газетно-журнальной публицистике Италии становится все более привычным. Пресса, во всяком случае некоторая ее часть, покидает баррикады свободы, постепенно интегрируясь в систему власти, основанной на лжи.

Антимасонская кампания по интенсивности и весу бумаги, выбрасываемой печатным станком, не имеет прецедентов в истории. Но есть люди, и автор этой книги в их числе, которые в течение ряда лет посвятили себя изучению масонства как конкретно-исторического явления, руководствуясь одним желанием — понять, о чем идет речь. Это побудило автора взять в руки перо и на основе тщательной и взвешенной исследовательской работы предоставить в распоряжение читателя документальный материал. Это самое большее и самое меньшее, чем мы можем поделить с читателем. Таким образом, если тональность, в которой выдержаны некоторые выводы, может показаться читателю излишне эмоционально окрашенной, то ему следует внести поправку, принимающую

в расчет клевету и объем неподкреплённых доказательствами оскорблений, обрушившихся на масонство в последнее время.

Наше исследование посвящено истории масонства как общественного института, «общности», оставляющей в стороне заслуги и поступки отдельных лиц, ответственность за которые несут они сами.

Среди исторических лиц, принадлежавших к масонству, нетрудно отыскать немало и таких, которыми, вероятно, масоны не вправе гордиться. Наряду с людьми величайшей духовности, провозвестниками человечности, масонами были и авантюристы, и диктаторы, и провинциальные господинчики, ничего не смыслившие в вопросах общественного развития и гуманности.

Нам уже приходилось говорить, что масонство является своего рода каплей, в которой отражается человечество. И внутри самого масонства, несомненно, действует исконный человеческий дуализм добра и зла. Но, как историк, автор не мог не прийти к выводу, что и масонство в силу своей структуры и надличностного универсализма не должно оцениваться исключительно на основе поступков тех или иных его членов. Судить о масонстве (впрочем, как и о других предметах) лучше всего вне рамок исторической и социальной конъюнктуры.

Прежде всего следовало бы спросить себя о том, какие причины объясняют присутствие масонства в современном нам мире?

Традиционное масонство заявляет о себе как об общности людей, несущих в мир идеалы общечеловеческой духовности, основанной на свободном и этическом спиритуализме, проповедующих символический метод вековой практики самосовершенствования личности. Высказываясь на тему актуальности масонства, следует помнить об этой двойственности самосознания масона.

Поиск ответа на поставленный выше вопрос можно было бы начать с той констатации, что материализм, имевший среди масонов немало авторитетных представителей, понимаемый не столько с социологической точки зрения, то есть в качестве аналитического метода, сколько с антропологической и «метафизической» точек зрения, то есть как система, усматривающая в организованной материи одновременно вершину и предел развития реальной действительности, — сегодня, как кажется, исчерпал себя, обнаружив свою неадекватность

задачам восприятия и интерпретации самой действительности.

Заметим при этом, что даже психоаналитическая культура, начавшая было бодро развиваться на волне сциентистского оптимизма, царившего в науке на рубеже XIX — XX вв. и предрекавшего будущее господство научных критериев, основывавшихся исключительно на материальной структуре мироздания (количественные методы и т. п.), была вынуждена прибегнуть к методам познания платонизма и герметизма (например, воспользоваться понятием Эроса, как поступил Фрейд, или архетипов, как предпочел поступить Юнг)², признав за этими категориями «динамику», то есть наличие внутренней потенции. Принципы наслаждения или архетипы предстают, таким образом, в качестве директивных элементов психики и имеют отнюдь не меньшее значение для постижения человека, чем ее внешние проявления. Тот факт, что мы начинаем осознавать их только в момент психической активности, подчиненной в человеке функциональности нервных клеток и мозговой деятельности, вовсе не делает никчемной гипотезу, согласно которой они обладают возможностью автономного «существования» в качестве силовых точек всемирного Разума, надличностного сознания.

Мы не станем здесь приводить разного рода «нематериалистические» осмысления целого ряда новейших достижений науки в таких областях, как биология, космология и ядерная физика. Мы не располагаем для этого необходимой компетенцией и не можем высказываться за или против тех или иных суждений. Что касается критики материализма в сфере эпистемологии (философии науки), то мы отсылаем читателя к главе III, где рассказано о Эддингтоне.

Нам достаточно выводов психологии бессознательно-го (научность которой, правда, многими оспаривается, причем вопреки практике, терапевтическим свидетельствам, подтверждающим во многом правомерность этой отрасли знания), чтобы убедиться в том, что поборники так называемых научных методов уже не просто стремятся замкнуться в своей цитадели, но переходят на выжидательные позиции. Во всяком случае триумфальный сциентизм уже не в моде и постепенно покидает историческую арену. Познание реальности — процесс чрезвычайной сложности, который не исключает и такие формы, как постижение глубинного смысла, духовного

измерения жизни, наконец, быть может, и богооткровения. Это вечные потребности человека. Это его право и проявление его рационализма. Человека можно репрессировать за стремление познать реальность. Но само это стремление в человеке неуничтожимо.

Кое-кто заметит, что Фрейду (разумеется, не Юнгу) претил религиозный опыт. Однако не следует упускать тот факт, что Фрейд желал прежде всего совлечь лишь покров исторических религий, мистифицировавший психические устремления человека, его страстей и, в частности, «Эдипова комплекса». Фрейд не считал нужным позаботиться об углублении своих воззрений на универсальность личностной религиозности. Полемицизируя с цюрихским пастором Пфистером, он едва коснулся этой темы, в сущности удовлетворившись своего рода стоически-лукрецианским подходом к проблеме. Его взгляд на религию пессимистичен, натуралистичен. В отношении реальности Фрейд к тому же еще и стоит на позициях панпсихизма³.

Фактом остается, однако, что гениальные труды Фрейда и прежде всего основание им такого самостоятельного научного направления, как психоанализ, и открытие им мира бессознательного, руководимого собственными законами, внесли неоценимый вклад в дело эмансипации современной культуры, ее освобождения от бремени примитивного материализма.

Однако противопоставление Фрейдом любви и сексуальности, приоткрывшее, быть может, лазейку для эпигонов так называемого «психологического материализма», было опровергнуто выдающимися психологами фрейдистской же школы, такими, как Э. Фромм и К. Хорни (представителями американской культурологической школы). Они изменили фрейдистскую постановку вопроса, утверждая, что эротическая любовь является средством, благодаря которому человек получает возможность слияния с другим человеком, возрождая себя, таким образом, в реальности гораздо более широкой, чем его собственная индивидуальная фрагментарность. Эти же авторы полагают, что «любовь к Богу» является другим путем (отнюдь не воспрещающим или отвергающим любовно-сексуальной путь) достижения «слияния с Реальностью»⁴. По мысли этих авторов, эротическая самоцель в человеческой жизни не существует.

Признавая, что психоанализ в духе Фрейда использует дуализм, укоренившийся в инстинктивной жизни

(извечный спор Эроса с Танатосом, борение инстинкта жизни с инстинктом смерти), указанные авторы как бы подхватывают тематику, развивавшуюся во многих метафизических учениях и религиозных воззрениях древности. Фрейд, например, признавал схожесть своего «учения» с учением Эмпедокла, жившего в V в. до н. э. и находившегося под влиянием пифагорейской доктрины⁵.

Объективно психоанализ дал возможность совершить переоценку психической стороны человеческой жизни и, как следствие, ее духовного содержания⁶, открывая путь для весьма смелых междисциплинарных сопоставлений. Например, Чезаре Музатти в «Трактате о психоанализе» в параграфе 162 напоминает, что в биологии известны одноклеточные организмы, размножающиеся делением. Таким образом, они как бы увековечивают свое существование, становящиеся в тенденции «бессмертным». Однако, продолжает Музатти, через несколько поколений в этих организмах наблюдаются явления старения и ослабления жизненной силы. На этом этапе два организма соединяются в один, что позволяет им восстановить утраченную силу и целостность таких функций, как подвижность, ассимиляция и т. п. Музатти сравнивает временное соединение этих простейших организмов в один с половым актом, совершаемым людьми; высказываясь предельно осторожно в рамках научного терминологического аппарата, Музатти оценивает это явление как направленное против смерти, бессознательное, глубинно природное стремление к бессмертию⁷.

При подобном подходе к вопросу бросается в глаза наличие как бы определенной заданности отдельных моментов физического существования человека. Однако Музатти на этом не останавливается, а идет дальше. Он показывает, что не только на уровне «фантазий», присущих человеку, но и на уровне фиксируемой клеточной жизни имеет место удивительная борьба против движения природы в одном направлении — к смерти, существует проявление таинственной воли, устремленной к достижению «бессмертия».

Несовместимость научного мироощущения с религиозным — предрассудок, весьма распространенный в современном мире. Его отвергали Пифагор, Ньютон, Эйнштейн, Эддингтон, Юнг, сотни других ученых. Этим мы отнюдь не желаем сказать, что научно-исследо-

вательская работа так или иначе должна полагаться на аксиоматику в духе спиритуализма. Мы вовсе не намерены преуменьшать ту важную роль, которую играют в расширении горизонта научного познания экспериментальный и индуктивный методы. Нам хотелось бы подчеркнуть другое — аналитичность научного подхода может быть подкреплена стремлением к синтезу, выявлением универсальных корреляций и аналогий, свойственных образному восприятию человека, который пытается посредством созерцания того, что условно можно назвать «божественным началом», охватить данное ему на интуитивном уровне: возможность осмысления космического порядка и внутренних ценностей общечеловеческого существования — любви, страдания, творчества и т. д.

Читатель вправе спросить, есть ли польза от подобного соединения образно-духовного и рационально-научного постижения мира? Один из возможных ответов — польза не в самом их соединении как таковом и не в предполагаемых преимуществах, которые может получить научный аппарат благодаря его механическому расширению. Духовный опыт вполне безразличен к тому, состоит ли материя из четырех элементов или структурирована на уровне элементарных частиц. Научно-исследовательская работа в области структур материального мира не нуждается в каких бы то ни было религиозных моделях.

Следовательно, польза, о которой мы сейчас говорим, является необходимой только для субъекта образно-духовного и рационально-научного мировосприятия, то есть для человека. Конечно, если он стремится стать «целокупным человеком», способным проникать в многообразные аспекты реальности и постигать их, соединить в своем жизненном опыте оба полюса познания: научный анализ и духовный синтез.

Разрабатывая традиционное панпсихологическое объяснение религиозной феноменологии, Джеймс Лейба в «Психологии религиозного мистицизма» утверждает, будто «присутствие божества», воспринимаемое мистиками, является результатом поспешного и поверхностного толкования некоторых психопатологических проявлений («голоса» и т. п.). В более общем плане, полагает он, религии имеют своим основанием анимистические (во всяком случае — донаучные) представления о природных феноменах. Короче говоря, человек, пребы-

вающий в состоянии страха, создает богов. Нельзя не возразить: отчего человек, или лучше сказать — совокупность множества людей, во всех эпохах, в том числе и в нашей, сверхтехнологической эпохе, испытывает потребность в поиске священной образности сакрального смысла. Неужели лишь оттого, чтобы попытаться преодолеть страх смерти? Разумеется, подобный ответ может показаться удовлетворительным с точки зрения временных причин. Но коль скоро мы желаем идти в глубь причин, обуславливающих мыслительную деятельность человека, то нам следует спросить себя: как объяснить смятение человека перед лицом события, являющегося таким «естественным» завершением жизни, каковой считается смерть? Отчего человек предпочитает жить в парадоксальных обстоятельствах, не приемля законов биологического цикла, частью которого он является как живое существо? В чем заключается реальное содержание «инстинкта самосохранения», если не в личностной воле человеческого существа быть вечно?

Достаточно задуматься над этими вопросами, чтобы понять правомерность, более того — онтологическую ценность духовного опыта и идеи бессмертия.

Материализм как течение мысли испытывает сегодня определенные затруднения. Тем не менее главная его заслуга состоит в том, что материализм стимулировал динамику человеческого мышления, поставив под сомнение статику и самоуверенность кодифицированной религиозной мысли. Как утверждал современный индийский мыслитель Шри Ауробиндо Гхош, было необходимо, чтобы кто-нибудь выступил адвокатом материи, чтобы восстановить ее в правах, попранных традиционным религиозным спиритуализмом⁸. Однако, продолжал Ауробиндо, по завершении деяния, связанного с восстановлением материи в правах, необходимо возвратиться к источникам, духовной открытости, обратить свой взор к Абсолюту.

Впрочем численность «тотальных атеистов», судя по всему, ограничена. Та или иная форма интуитивного восприятия божественной образности имманентна всякому человеческому существу, пусть даже и атеисту, готовому свести ее к проблематике высшей нервной деятельности. Однако в тот самый момент, когда атеист признает единство жизни вне ее противоречий, в тот самый момент, когда он признает нравственный закон, он уже за пределами координат атеизма. Мы намеренно

использовали в своем рассуждении термины «атеизм» и «материализм» как своего рода рабочие синонимы, ибо мы убеждены, основываясь на историко-философском опыте, что первый является неизбежным следствием второго.

Под натиском материализма исчерпала себя традиционная религиозная идеология. Это предрекал еще Мадзини: «Тем, кто разглагольствует с вами о Небе, противопоставляя его Земле, ответьте, что небо и земля как путь и завершение жизненного пути суть одна вещь. Не клеветайте, будто земля есть грязь, ибо земля Божова. Бог создал ее, чтобы, опираясь на нее, мы приблизились к Нему. Земля не временное пристанище грешников, она не юдоль соблазнов. Земля — место нашего труда во имя самосовершенствования, нашего развития во имя восхождения к высшей степени существования...»⁹

Насколько мы понимаем, масонский путь направлен одновременно на спиритуализацию материи и на материализацию духа.

На руинах традиционной религиозной идеологии в странах Запада развились многочисленные «восточные» культы (вроде «Сознания Кришны», буддистских центров «лама» и «дзен»), псевдо-магические и оккультистские секты, называющие себя розенкрейцерами, исследователями «неопознанных летающих объектов», выступающие от имени людей, установивших контакт с внеземными цивилизациями. Тревогу вызывают «сатанинские» культы, как, например, проповедуемый американцем Энтони Сандором Лэйви¹⁰.

В журналах, существующих за счет подобной тематики, нередко встречаются статьи, посвященные масонству. Читатель, впрочем, как и автор данной книги, вправе спросить, существует ли какая-либо связь между подобными публикациями и масонством.

Изучение вопроса позволяет утверждать, что какое бы то ни было смешение между духовно-этической доктриной, с одной стороны, и псевдокультурологическими измышлениями — с другой, недопустимо. В лучшем случае подобные измышления можно определить как инфантильно-фантастический этап духовного поиска, когда дикий ленивый ум не в состоянии отделить иллюзорное от реального, низменное от возвышенного.

Феномены, о которых было сказано выше, в течение ряда лет находятся в центре внимания психологов и социологов. Как правило, они отмечают обострение тяги к

фантастическому в моменты особой усталости, трудностей и проблематичности социальной жизни. Речь идет о своего рода компенсаторном механизме в периоды истории, когда подвергаются сомнениям семейные, культурные и социальные общественные модели.

Объективно говоря, все эти потрясения не имеют ничего общего с масонством. Тот, кто изучал проблематику масонского пути, на собственном исследовательском опыте знает, что этот путь является вполне «взрослым» явлением, не содержит в себе никаких обещаний насчет быстрых и безболезненных духовных преобразований. Напротив, масонский путь предстает перед исследователем как сложное, комплексное и постепенно развивающееся учение. Нам представляется необходимым сказать несколько слов в объяснение распространившейся в последние годы в промышленности развитых странах моды на все восточное, а также определить возможную связь этих «восточных пристрастий Запада» с масонством. Дело в том, что среди масонов было немало ученых-ориенталистов. Современный Восток дал масонству таких выдающихся своих представителей, как Рабиндранат Тагор и Свами Вивекананда¹³.

В истории масонства имеется одна неизменная постоянная величина — пристальное внимание к восточному спиритуализму. На периферии масонства известны ритуалы Мемфиса и Мишраима, применялась даже санскритская терминология: Доктор Священных Вед, Мудрейший Муни¹⁴. Важно напомнить, что культура XVIII в., положившая начало масонству, впервые, хотя и несмело, приоткрыла для себя врата восточной учености. Символической представляется нам любовь масона Вольтера к китайской культуре, о которой он имел лишь весьма приблизительное представление¹⁵.

Вне всякого сомнения, исторически масонство принадлежит западной инициационной культуре, связанной своими корнями с древнеегипетскими, древнегреческими и древнееврейскими источниками. С полным основанием можно говорить о влиянии на него европейско-ближневосточной традиции. Эта традиция отличается, например, от традиций Индии в силу целого ряда причин. Речь в данном случае идет о теме огромной сложности. Мы лишь наметим некоторые моменты.

Прежде всего западная традиция неизменно основывается на понимании личного сознания индивидуума, тогда как индийская традиция весьма охотно это созна-

ние растворяет в абсолюте, в брахмане. Связь с материей (быть может, за исключением христианского гностицизма валентинианской школы, равно как и офитской и карпокрацианской школ) — это связь, устанавливаемая (согласно западной традиции) благодаря спиритуализации материи, постепенному ее «освоению», тогда как индийская традиция колеблется между, с одной стороны, виталистическим и «дионисийским» признанием материи, с другой — самым жестким аскетизмом. Однако точек соприкосновения между восточными и западными течениями мысли предостаточно.

Исторически на это указывает хотя бы тот факт, что в самой Индии в течение прошлого столетия привились и стали развиваться «либеральные» и эклектические духовные течения. Напомним еще раз среди прочих и философско-религиозное учение Ауробиндо, которое благодаря «оксфордскому» образованию автора сумело синтезировать в самом чистом виде индийскую традицию на основе, как пишет Франчи, «великих линейных представлений об истории, столь привычных нам на Западе»¹⁴.

Именно об «индуистско-либеральных» источниках и об учении Ауробиндо следовало бы говорить, чтобы сделать понятным человеку Запада восточный путь самосовершенствования. Обреченными на провал представляются нам попытки всякого западного человека, возжелавшего отождествить себя с восточным человеком, идущим своим восточным путем. Пусть западный человек и обрядится в сайо цвета охры и затвердит* наизусть несколько санскритских слов, эксперимент его все равно обречен на неудачу. В этой связи К. Юнг предупреждал: «...в особенности же я бы хотел предостеречь против нередких попыток следовать восточной практике. Как правило, результатом бывает особенно злостная форма оглупления нашего западного интеллекта. Разумеется, тот, кто оказался бы в состоянии порвать все до единой связи с Европой и превратиться в настоящего йога, со всеми вытекающими из этого выбора этическими и практическими последствиями, распластавшись на шкуре газели под пыльным бананом или сидя в позе лотоса, чтобы завершить свои дни в блаженном небытии, что ж, за таким человеком я бы признал право заявить, что он понял йогу, как индус. Но тот, кто не в состоянии совершить подобный подвиг, пусть не притворяется, что он ее понимает. Он не должен ни при каких обстоятельствах

отказываться от своего собственного западного интеллекта. Он должен применить его, чтобы честно понять, не обезьянничая и не притворяясь, что из учения йоги можно многое позаимствовать для нашего интеллекта»¹⁵.

Однако Юнг не был масоном. Более того, он оказался совершенно невосприимчив (во всяком случае Юнг всегда отрицал этот факт) к представлениям масонства о своем пути, противопоставляемом им моде на мистику и эзотеризм, которая на рубеже XIX—XX вв. нашла наиболее полное отражение в теософском движении Елены Петровны Блаватской. В своем труде «Я и бессознательное», написанном в 1928 г., Юнг утверждал, что современный человек не располагает ничем, что можно было бы сравнить с историческим величием инициаций античности¹⁶.

Нам неведомо, насколько глубоко швейцарский психолог был знаком с масонством, но можно отметить некоторую поверхностность суждений ученого, особенно бросающуюся в глаза на фоне строгой научной разработки исследовательских фактов, характерной для большинства его трудов.

Теософию и масонство не должно смешивать с той непринужденностью, с которой говорит об этом Юнг; между ними отсутствует необходимая связь. Кроме того, коль скоро инициация в современном мире потеряла почетное место, причитавшееся ей в иные эпохи, то непонятно, отчего ответственность за случившееся должна возлагаться на инициационные школы нового времени, являющиеся, по выражению Юнга, «дешевыми подделками». Быть может, ответственность следовало бы возложить на отказ современного мира применять в процессе познания действительности символический и инициационный методы?

В образно-символическом мышлении любой, пусть даже простейший предмет, образ становится средством медитации на темы, имеющие метафизическое, этическое, космическое значение. Символика расширяет смыслы, обеспечивает расширение круга ценностей. В течениях мысли, господствующих в современном мире (неважно, идет ли речь о «западном» обществе потребления, атеистическом экзистенциализме, некоторых разновидностях психоанализа и структурализма), главное направление удара — десакрализация, утверждение в человеке только одной его составляющей — телесности. Именно в этом они видят средоточие, центр (оказы-

вающийся на поверку нестабильным) всех смыслов и значений. Чаще всего это средоточие оказывается выражением чистой абсурдности его существования. Эта подмена только углубляет отрыв человека от природы и от вселенной. Именно об этом с гневом говорит и Маркс. «Механический» процесс познания внешних явлений не в состоянии компенсировать современному человеку отсутствие участия и со-участия, «со-страдательного» вовлечения в окружающий мир, то есть обретения истинного смысла.

В русле символично-духовной мысли¹⁷ слово использовалось бережно: в некоторых индийских грамматиках слово вообще обожествляется; индусы полагали, например, что фонологический субстрат слова «вас» обладает энергетической способностью проникновения в духовно-психический мир¹⁸. Даже самый краткий афоризм, считали они, в состоянии раскрыть врата учености. Напротив, господствующий ныне образ мышления исходит из того, что «свободные», «вольные» слова должны умножаться, скрывая тем самым интеллектуальную беспомощность, произносящего их оратора. «Вольное» слово, таким образом, призвано затушевывать узость идей. Так, ежедневно как бы из ничего рождаются тезы, гипотезы, псевдонаука или псевдоученость, обещающие подарить человечеству новое знание или новое понимание. Однако в большинстве случаев слова эти лишь пополняют грандиозную свалку окружающих нас отходов. В данном случае мы вовсе не имеем в виду объем научно-исследовательской работы и открытий, производимых современной наукой и техникой. Подлинная наука не может не вызывать к себе уважения со стороны всех ценителей знания. Мы имеем в виду нагромождение односторонних выводов, «научно-идеологических» монстров, узкологого сциентизма и любительства, захватывающих воображение многочисленной рати публицистов, журналистов, пропагандистов, которые, используя все более мощные средства массовой информации, обрушивают свое полужнание на общественное мнение, подчиняя его своим интересам.

В духовно-символическом мышлении пиковый момент сексуальной жизни был не просто воспроизведением исконного акта творения, но «мистическим слиянием» — таинством соития, восстановлением единства противоположных элементов. По этой причине он, как и вся телесность, был окутан священными покровами, сокрыт.

В современную эпоху духовное достоинство сексуальной жизни человека подвергается ежедневной профанации. Мы не говорим о вполне оправданном интересе к этой сфере со стороны научной сексологии и психоанализа, которые не разорвали покрова духовности, призванного охранять сексуальность. К счастью, так полагаем не только мы. Эти науки освободили эту сферу жизни от вредоносных наслоений, именуемых иначе предрассудками, фобиями, невежеством или незнанием в области психосексуальных механизмов человека.

Не сексология и не психоанализ (применяемые с долей мудрости и умеренности) сорвали священный покров с сексуальной жизни человека, а, как это бывало уже не раз, их идеологизация, то применение, которое им было найдено обществом потребления (достаточно указать на порнографию) и культурными обычаями экзистенциализма, бунтарства и т. п.

Потребительство, экзистенциализм, анархизм — казалось бы, не связаны между собой. Однако их удерживает вместе одна сила — это сила отрицания. Все они отрицают одно: потребность человека в духовной дисциплине, способной преобразовывать его телесность, облагораживать ее, превращать ее в инструмент самосознания, выработки активной жизненной позиции, чувства долга и служения человечеству, а не просто использовать свою телесность во имя наслаждения. Речь идет о такой самодисциплине, которая была бы в состоянии затормозить приумножение желаний, сбить жажду экзистенциальности, которая, согласно «благородным истинам» Будды¹⁹, является источником безмерного страдания.

Воцарение определенной ментальности, пробившей себе дорогу в последние годы, несмотря на все попытки скрыть свое подлинное лицо под маской социальности или культурного прогресса, имеет один смысл: победное шествие невроза, порождаемого абсолютизацией слишком материалистически понимаемого «я» (в терминологии психоанализа — «оно»), стремящегося раскрыть в лихорадочной спешке все возможности материального мира, пренебрегая святостью человеческой жизни. Психоаналитик сказал бы в данном случае — не предоставляя слова цензуре сверх-я и не разрешая вмешательство посредника «я».

Нет никакой свободы в том, что принято называть «раскрепощенностью». В такой «раскрепощенности» выражено самое темное рабство, подчиненность игу те-

лесности. Однажды было сказано, что человеческая цивилизация началась после того, как человек взглянул вверх на небо. Как знать, не прозвучит ли по ней похоронный звон, когда человек упрется взглядом себе под ноги. В той точке времени, в какой сейчас находимся мы, даже слова утрачивают всякий смысл. Достаточно вдуматься в словосочетание «групповая любовь», описывающее явление, получившее значительное распространение. Эмилио Сервадио²⁰ вполне справедливо подчеркивает в своем исследовании, что подобный обычай группового совокупления не имеет ничего общего со священными оргиями античного мира. Данный современный обычай — это групповой половой акт, не более того. Нам представляется неправомерным использование при этом слова «любовь». Это слово, как подчеркивает психоаналитик Фромм, подразумевает интенсивное взаимное чувство влечения, взаимопознание, взрыв аффекта, готовность к самопожертвованию во имя любимого человека. Все эти характерные признаки любви абсолютно отсутствуют в «групповой любви». Не подлежит сомнению, что неправомерное использование слова «любовь» в данном случае не является акцидентным. В лучшем случае речь идет о ляпсусе языка, указывающем на то, до какой степени опошлено самое понятие любви. Из акта человеческой свободы она низведена теперь до ранга заурядного события. Из «*mysterium coniunctionis*» превратилась в забаву. Сегодня сознательный и единственно достойный человека выбор — моногамия все чаще воспринимается с понимающей грязной ухмылкой, сочиняются псевдонаучные диссертации, призванные доказать, будто моногамия является пережитком репрессивной цивилизации.

Пресса, в особенности же кинематограф не покладая рук трудятся над перевоспитанием масс. Фильмы ряда так называемых «мобилизованных» режиссеров имеют только одно достоинство, правда, весьма сомнительного свойства: они скроены так, чтобы угодить любому зрителю. Они нравятся интеллектуалам (читающим между строк политические обвинения), они способны угодить вкусам порноманов (в них всегда есть «клубничка»), удовлетворить садистов (так называемые «реалистические» сцены дешевого насилия в подобных фильмах содержатся в достатке), привести в восторг киноманов, ключущих на громкие имена звезд — героев целлулоида, порадовать актеров, которым платят бешеные деньги

лишь за то, что они согласились продемонстрировать со-
вокупление на публике. Мало кто из так называемой
«мобилизованной» публики протестует. Но больше всех
рады происходящему, разумеется, продюсеры.

Под предлогом активной общественной позиции, реали-
зма и т. п. даже далекие от порнографии фильмы
вынуждены платить дань любовными сценами, низводя
любовь до низменной пошлости, в них тоже избылиуют
сцены насилия. Вспомним, что Конрад Лоренц писал, что
сцены совокупления, превратившиеся в норму современ-
ного кинематографа, не могут претендовать даже на то,
чтобы их именовать сценами животного совокупления,
так как подобного рода эпизоды происходят в исключи-
тельно редких случаях среди высших животных. Живот-
ными подобные сцены могут быть названы разве что в том
смысле, продолжает свою мысль Лоренц, что под живот-
ным мы понимаем домашних животных, в которых че-
ловек в целях разведения подавил модели поведения,
основанные на обособлении совокупляющейся пары.
Нам возразят — случается всякое, поэтому люди искус-
ства всего лишь воспроизводят подмеченное в реальной
жизни, используя при этом силу своего таланта. Отде-
лим, что искусство не может быть низведено до уровня
«служанки» реальной действительности, существующей
в самых низменных своих проявлениях. Только невеже-
ство, круговая порука, воздействие рекламы могут за-
ставить общественное мнение считать «художественным»
или культурно значимым подобное служение реализму.

Сегодня немало, нередко правомерно, высказы-
вающихся против засилия в нашей жизни иерархии.
Но никогда прежде не было в ней такого количества
«священных коров», обожествляемых личностей (чья
самоценность еще никем не доказана), перед которыми
преклоняются более или менее осознанно массы, в осо-
бенности же толпы молодежи. Происходит разоблачение
традиционных форм и эстетики искусства. В то же время
среди молодежи насаждаются статичные модели поведе-
ния, языковой экспрессии, типовой сексуальности, кото-
рые оказываются обязательными и одинаковыми для
всех. Мы теперь «все равны», по выражению Пьера Паоло
Пазолини²¹.

Однако самое тяжкое преступление «современной
системы мышления» состоит в том, что она лишает чело-
века последней надежды на существование в той сфере
спиритуализма, с которой издревле были связаны рели-

гиозные, мистические и инициационные традиции. Какой-нибудь античный философ-материалист или скептик мог посвятить всю свою жизнь отрицанию этой надежды, возвеличивая свою веру в слепой случай или вверяя свое существование течению времени. И он был прав. Сегодня же следует, повинувшись новомодным веяниям, не просто отрицать, но и «научно обоснованно» издеваться над этой надеждой, объясняя ее происхождение то психической патологией, то абстрактным переносом в духовную сферу неудовлетворенных социальных потребностей.

В результате наша эпоха становится эпохой отчаявшихся людей. Достаточно указать на сегодняшнее отношение человека к смерти, сравнив его со свидетельствами, дошедшими до нас из античности. Преподобнее отношение к смерти было не то что более спокойным, но было более открытым вероятности бесконечного существования, следовательно, в нем не было нынешнего отчаяния.

На эту тему будет написано еще немало книг. Нам же не следует чрезмерно распространяться об этом. Мы позволили себе отступление от основного вопроса только для того, чтобы показать, хотя бы в общих чертах, отношение масонства к вышеперечисленным вопросам. Масонство, стоящее у колыбели современного мира, ведет решительную борьбу за его освобождение от упадка. Когда в XVIII и XIX вв. шла борьба против тираний, когда декларировались принципы современного государства, никто из многочисленных масонов, участвовавших в этих исторических движениях или руководивших ими, не мог и помышлять о возможности случившегося ныне попятного отступления от Света. Нынешнее замешательство порождено бунтом против «традиционной» морали, но не в силах заменить ее чем-либо достойным. Так происходит потому, что затхлым «церковным» ценностям бунтарство не противопоставляет дух поиска и индивидуального самосовершенствования. На смену отжившему бунтари призывают «групповые» истины, иные предрассудки и иные схемы, которые столь же безжизненны, как и прежние. Пусть их разделяет большинство, от этого они не становятся менее абсурдными или менее надуманными. В целях преодоления застоя, унаследованного нами из прошлого, следовало, быть может, пойти иным, чем нынешний, путем. Человечество избрало «широкую дорогу», более удобную историческую магистраль, ведущую к немедленному удовлетворению желаний. «Группа»

обеспечила себе алиби в истории. Как знать, не ведет ли эта магистраль в зону пустыни.

Нам трудно сказать, может ли быть масонство достойной альтернативой. Завершая наше исследование, мы от души благодарим тех, кто оставался с нами до конца. Но мы в самом начале поиска. Всякое итоговое суждение прозвучало бы здесь неуместно.

Тот, кто занимается изучением истории масонства, не может не заметить, что в ней есть особое настроение. Предоставим поэтому слово двум величайшим масонам прошлого — Гёте и Фихте. Попробуем найти у них слова, подводящие итог пройденному ими масонскому пути.

В «Философии масонства» Фихте обозначил идеальный портрет масона: «Его ум совершенно ясен и свободен от предрассудков. Он господин в царстве идей и охватывает взором широкое поле человеческих истин... Он не навязывает никому своего света, но он всегда готов поделиться им со всяким, кто того пожелает. Свет — это единственное, что он берет с собой в путь... Он справедлив, совестлив и строг по отношению к самому себе. Его добродетель столь же естественна, и я бы сказал, вызывающе пряма, как и его мудрость... На этой земле он живет, надеясь на лучший мир. И эта вера уже сама по себе наделяет его жизнь смыслом и красотой. Но он не навязывает свою веру ни одному человеку. Напротив, он несет ее в себе, как скрытое от любопытного взора сокровище»²². Гёте перекликается с Фихте: «Мы говорим, что человек должен научиться мыслить без внешних опор. Он должен искать спокойствия не в обстоятельствах, но в самом себе. В себе он и обретет его, любовно его питая и возвращая»²³.

Быть может, эта этико-духовная самодисциплина человека, устремившегося через созерцание и размышления к самосовершенствованию, чтобы положить в кладку строящегося всемирного храма свой обработанный камень, и является самой главной тайной масонства. Созидание Храма ведь никогда не будет завершено, оно вечно. Храм только строится, а строясь постоянно совершенствуется. Так думаем мы, мыслящие словами.

За горизонтом слов — дело, бесконечная вселенная образов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В некоторых журналах были опубликованы «сенсационные» документы, содержащие якобы «ритуальные инструкции» масонов. Быть может, по невежеству, в этих «публикациях» были допущены чудовищные искажения.
2. О Фрейте см.: Musatti C. Trattato di Psicoanalisi, libro 2°, p. 263, 268; о Юнге см.: Jacobi J. La psicologia di C.Jung, p. 58, n. 70. Ясно, что Эрос у Фрейда и Эрос у Платона не одно и то же. Платон основывает на Эросе учение о познавательной связи между человеком и предметом познания или между одним человеком и другим человеком. Фрейд строит на Эросе теорию инстинктов. Платон отделяет «вульгарный эрос» (относящийся к телу) от «эроса небесного», обращенного к душе. Фрейд подразделяет эрос на «предметное либидо» и «нарцисстское либидо», то есть половой инстинкт, обращенный на предмет, и инстинкт самосохранения «я». Нам представляется возможным говорить, что между двумя концепциями существует не только номинальная связь, но и нечто большее. Как тот, так и другой признают динамическую функцию психической силы, то есть такой силы, которая поддерживает связи (Платон) или импульс к жизни (Фрейд). У Платона подход к Эросу — метафизический, у Фрейда — психический (не являющийся строго физическим). По мнению Музатти, фрейдистское различие между «я» и «оно» (то есть между организующим центром личности и массой инстинктов) имеет предшественников в греческой философии. Действительно, можно вспомнить об аристотелевом различении разных функций души.
3. См.: Freud S. «Caducita» (Perche la guerra (1915)).
4. См.: Fromm E. L'Arte di amare, p. 81; Horneу K. La personality nevrotica del nostro tempo, p. 177.
5. См.: Musatti C. Op. cit., p. 64.
6. Для понимания традиционного различия между душой и духом можно было бы воспользоваться следующими соображениями, содержащимися в книге Р. Штейнера «Теософия» (с. 17—19): «С точки зрения содержания внутреннего мира духовность человека отличается от его телесности. Достаточно рассмотреть более внимательно любое простейшее ощущение... К ощущению примыкает прежде всего чувство. Ощущение производит в человеке удовольствие или неудовольствие. Это суть движения его внутренней жизни — душевной жизни. В своих чувствах человек создает как бы второй мир в дополнение к тому, который воздействует на него извне. Но действует и третий фактор — воля. Посредством воли человек воздействует на внешний мир. Таким образом, он накладывает отпечаток своего внутреннего существа на внешний мир. Воздействуя на внешний мир посредством воли, душа человека как бы истекает во внешнее пространство. Поступки человека отличаются от событий внешней природы благодаря тому, что несут в себе отпечаток внутренней жизни... Душевная часть человека предопределена не одним только телом. Человек отнюдь не действует без руля и без ветрил, переходя от одного чувственного впечатления к другому. Он не действует под влиянием импульса, возмущающего его со стороны внешнего мира или собственного тела. Человек поступает, рефлектируя свои впечатления и свои действия. Рефлектируя свои впечатления, человек приобретает познания насчет окружающего мира. Рефлектируя свои поступки, человек вносит в свою жизнь рациональ-

ность. Человек достойно исполняет свое предназначение как в процессе познания, так и в процессе жизнедеятельности лишь в том случае, если руководствуется справедливыми помыслами. Таким образом, душа поставлена в обстоятельства двойственной необходимости. Законы телесности предопределяют ее поведение в силу естественных потребностей. Законы, наставляющие ее на путь справедливых помыслов, также предопределяют ее поведение благодаря ее добровольному признанию необходимости законов... Тем самым человек становится соучастником в высшем по отношению к его телесности порядке вещей. Этот высший порядок — духовная жизнь...».

7. См.: Musatti C. Op. cit., p. 259.
8. См.: Sri Aurobindo. La Vita Divina, p. 13—26.
9. См.: Mazzini G. Dei Doveri dell'uomo, p. 37.
10. Судя по всему, американские «сатанисты» причастны к делу Чарли Мэнсона, убийцы Шэрон Тэйт, а также к целой цепи уголовных преступлений последних лет.
11. См.: *Rivista Massonica*, genn. 1975, p. 58; ott. 1974, p. 502.
12. См.: Ventura G. I. Riti Massonici di Misraim e Memphis, p. 61—64.
13. См.: Voltaire. Dizionario Filosofico.
14. Franci G. R. Appunti sui progetto uomo di Aurobindo («Gururajamanjarika» — Studi in onore Giuseppe Tucci, p. 479—486).
15. Jung C. La simbolica dello spirito, p. 288—289.
16. Jung C. L'io e l'inconscio, p. 154.
17. Читатель, разумеется, понимает, что нет никакого «особого» образно-символического или символично-духовного мышления, точно так же, как нет «особого» современного мышления. Мы воспользовались схематикой подобных дефиниций для того лишь, чтобы указать на тенденцию в развитии мысли в широком смысле этого слова.
18. Напомним о слоге «от» и его значении в экстатических состояниях.
19. См.: Barea A. Buddha, p. 39—46.
20. См.: Servadio E. Psiche e sessualita, p. 84.
21. См.: Pasolini P. P. Scritti corsari.
22. Fichte J. G. Filosofia della Massoneria, lettera 6.
23. Lennhoff E. И Libero Muratore, p. 111.

БИОГРАФИИ МАСОНОВ

Бенедетто Кроче, философ, имевший право позволить себе многое в области духа, определил однажды культуру масонства как «культуру по сниженным ценам», рассчитанную на «коммерсантов, инженеров средней руки, школьных учителей, адвокатишек и врачей-врачей».

Поверхностное суждение, при этом нелестное для представителей перечисленных им профессий. Нам неведомо, какими критериями руководствовался философ, отказывая всем этим людям в праве на культуру.

Даже беглый взгляд на галерею персонажей, принадлежавших масонству, убеждает нас в излишней горячности Кроче. В оправдание философа скажем лишь, что это его высказывание пришлось на то время, когда масонство и в самом деле выглядело не лучшим образом.

Библиография жизнеописаний масонов не особенно велика. В Италии лишь в последние годы в этом направлении были предприняты робкие шаги. В журнале Великого Востока Италии стали появляться биографические справки о наиболее известных масонах, под редакцией Дж. Гамберини вышла книга «Тысяча лиц масонства». Благодаря публикации документального материала стало известно, что врата масонского храма были открыты для Гёте, Моцарта, Флеминга и многих других создателей культуры человечества. Мы не намерены прославлять масонство только потому, что среди его членов были великие люди. Нам хотелось бы показать, каким образом выбор масонского пути повлиял на становление личности многих замечательных людей.

С этой целью мы выбрали ряд имен, на наш взгляд представляющих наиболее полно различные круги культурной, политической и профессиональной деятельности наиболее известных в истории лиц. В

то же время мы не стали злоупотреблять многими прославленными именами, насчет которых отсутствуют документальные подтверждения их масонства. Достоверность сведений о том, что то или иное лицо было членом масонской ложи, основана на архивном материале, имеющемся в распоряжении масонских организаций и хранящемся в государственных архивах. Этими материалами мы обязаны Дж. Гамберини, проведшему необходимую исследовательскую работу. Кроме того, мы использовали материал, содержащийся в «Словаре масонства и масонов» Алека Меллора.

МОНТЕСКЬЁ Шарль Луи (1689—1755)

Писатель и философ, выдающийся представитель французского Просвещения, автор «Персидских писем» и «О духе законов». Монтескьё подверг критике политический и религиозный абсолютизм, настаивал на проведении в жизнь принципа разделения власти (на законодательную, политическую, судебную), одержавшего победу в Англии, а затем положенного в основу всех демократических конституций. Посещая интеллектуальные салоны в Бордо, Монтескьё так и не стал «светским человеком». Он неизменно придерживался принципов морализма. Монтескьё был принят в масоны 12 мая 1730 г. в Лондоне. Обряд инициации состоялся в ложе «Горн», руководителем которой был католик герцог Норфолкский. Сообщение об инициации было опубликовано на страницах «Бритиш Джорнэл» 16 мая. Сообщения о масонской деятельности Монтескьё публиковались также в течение 1734—1735 гг.¹.

ВОЛЬТЕР (Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778)

Литератор, историк, философ, полемист, известен как духовный вождь французского Просвещения.

Жил в Англии в 1727—1729 гг., где воспринял учение Локка, Ньютона, Кларка. По возвращении на родину взял на себя труд по распространению их учения, опубликовав среди прочего «Письма об англичанах» и «Начала философии Ньютона».

Вольтер был сторонником деизма, по его собственным словам, «религии, растровенной во всех религиях», основанного на почитании Творца и культе человеческих и общественных добродетелей. Он также был поборником религиозной терпимости, соз-

дал жанр антиклерикальной полемики, содержащей элементы едкой сатиры, во многом предопределившей развитие культурной жизни во Франции.

Вольтер выступал против войны и смертной казни, разработал представление об истории как прогрессе, коллективном усовершенствовании человеческого рода. Исторические взгляды Вольтера вошли составной частью во многие социально-политические учения XIX в. Маркс высоко оценивал «вольтерьянство», к которому немецкая академическая философия относилась с пренебрежением².

Вольтер был посвящен в масоны в возрасте 84 лет, незадолго до кончины. 17 февраля 1778 г. он был принят в ложу «Девяти Сестер». В масонский храм Вольтер вошел, опираясь на Бенджамина Франклина. Когда Вольтеру был передан фартук, принадлежавший прежде философу Гельвецию, он «поднес его к губам, а затем долго ласкал тонкими пальцами». Руководитель ложи, астроном Лаланд, произнес речь, в которой восславил Англию, «цитадель свободы», «первую любовь Вольтера»³.

ФРАНКЛИН Бенджамин (1706—1790)

Государственный деятель, американский мыслитель.

В молодости основал «Пенсильванскую газету», в Филадельфии первую в истории Соединенных Штатов публичную библиотеку. В 1728 г. опубликовал сочинение «О вере и религии», в котором изложил свои взгляды на религию, носившие ярко выраженную гностическую окраску. Двадцатидвухлетний Франклин писал: «Верю, что есть абсолютно совершенное Верховное существо, по замыслу и творчеству которого возникли боги. Верю, что человек не есть самое совершенное существо, будучи всего лишь одним из существ. Ниже человека немало существ, стоящих на более низких ступенях развития. Но и выше человека — немало превосходящих его степеней. Воображение переносит меня за пределы нашей системы планет, за пределы неподвижных звезд в то пространство, которое во всех измерениях бесконечно и наполнено такими же солнцами, как наше, и каждое окружено хоромом миров, вечно вращающихся вокруг своего светила. Воображение подсказывает, что Бесконечность создала многие и высшие по отношению

к человеку существа, умеющие внимать Его совершенству лучше, чем это можем делать мы, люди... Быть может, те, созданные Бесконечностью существа, бессмертны. Быть может, они изменяются во времени огромных по длительности периодов и на смену им приходят другие. Но мне представляется, что каждый из них не может не быть необычайно мудрым, добрым и могущественным. Каждый создал для себя лучшее солнце, окружив его прекрасной и достойной восхищения системой планет. Именно этому, своему собственному богу, я желал бы поклоняться...»⁴.

В 1731 г. Франклин был посвящен в масоны в ложе «Св. Иоанна» (Филадельфия). Его масонская карьера была стремительной. В 1734 г. он стал Мастером Великой пенсильванской провинциальной ложи, именованной таким образом потому, что подчинялась она непосредственно Великой ложе Англии. В том же году Франклин впервые в американских колониях опубликовал в собственной типографии масонские «Уставы» Андерсона.

Во второй половине 40-х годов XVIII в. он, посвятив себя изучению электричества, пришел к изобретению молниеотвода.

В 1751 г. Франклин был избран депутатом от Пенсильвании, с тех пор его политико-дипломатическая деятельность не прекращалась ни на мгновение. Он был одним из вождей американской независимости. В 1776 г. вместе с Джефферсоном он работал над написанием «Декларации независимости», затем руководил военными операциями, был «министром иностранных дел» повстанцев. В этом своем качестве Франклин и подписал договор между Соединенными Штатами и Францией, страной, где он бывал неоднократно, где его неизменно принимали со всеми масонскими почестями. В 1778 г. он присутствовал на инициации Вольтера, спустя несколько месяцев совершил обряд масонского погребения великого французского философа. В течение двух лет (1779—1781 гг.) Франклин являлся Дistinguished Мастером ложи «Девяти Сестер». Многие французские ложи избрали его своим почетным членом.

Франклин боролся с рабовладением, он завещал большую денежную сумму на создание сети школ повышения квалификации молодых рабочих.

На страницах своей «Автобиографии» Франклин не говорит о масонстве открыто. Он лишь упоминает о деятельности клуба «Единение», ставившего своей целью повышение культурного уровня и взаимопомощь его членов⁵.

ВАШИНГТОН Джордж (1732—1799)

Верховный главнокомандующий армии колонистов в Войне за независимость (1755), первый президент Соединенных Штатов Америки (1789).

Вашингтон получил инициацию в ложе Федерикс-бурга 4 ноября 1752 г. С 1788 г. и до конца своих дней был Достопочтенным Мастером ложи «Александрия», действовавшей в одноименном городе⁶.

В масонской антологии «Сокровищница масонской мысли» опубликован отрывок, в котором Вашингтон подчеркивает, что поведение отдельных членов масонства, равно как и содержание публикаций, посвященных деятельности ордена, должны преследовать одну цель — «убедить человечество в том, что величайшая задача, решаемая масонством, — это поиск пути для достижения счастья всего человеческого рода»⁷.

ЛЕССИНГ Готхольд Эфраим (1729—1781)

Литератор и философ, член ложи «Трех Золотых Роз» в Гамбурге, где и был посвящен в масоны в 1771 г.⁸

Занимался изучением природы и смысла поэтического искусства и художественного творчества, основоположник немецкой классической литературы. В «Лаокооне» (1766) разработал принципы эстетики живописи и поэзии, соответственно относящиеся к «телам» и «поступкам».

Исследовательская работа Лессинга в области религии привела его к разработке учения, выдержанного в духе пантеизма, хотя справедливости ради следует сказать, что ему как мыслителю были чужды доктринерские схемы и заранее готовые истины. Он даже отождествил понятие «истины» с процессом «поиска истины». Известно знаменитое высказывание Лессинга о том, что если бы Бог имел в правой руке своей всю истину, а в левой только указание, в каком направлении эту истину искать, то он выбрал бы для себя поиск, ибо чистая истина годится только Богу⁹.

Лессинг полагал, что история — это «прогрессивный порядок», своего рода гимнастический зал, в котором че-

человек может совершенствовать свои способности. Главное в истории, по Лессингу, воспитание человеческого рода. Религиозное откровение, считал он, разрешается в процессе воспитания. Различия, существующие между Ветхим и Новым Заветами, показывают, как религия по-разному выражает себя в ходе поступательного развития и смены фаз в истории человечества. Так, в «Воспитании человеческого рода» (1780 г.) немецкий философ предрекает время «Нового Евангелия», Вечной книги, обещанной человечеству. Лессинг полагал, что человечество движется к «эре совершенства», когда человек будет творить добро, потому что это добро, а не ради поощрения, учрежденного в прошлом по человеческому произволу ¹⁰.

Лессинг является автором фундаментального труда «*Gesprache für Freimaurer*», написанного в 1778—1780 гг. В этом сочинении он обрушивается с критикой на немецкие ложи, где гнездятся все пороки современности: фантастические измышления неотамплиеров и разглагольствования о бесклассовом обществе. Лессинг полагал, что главное, чем следует заниматься масонам, состоит в обеспечении свободного эзотерического поиска истины ¹¹.

МОЦАРТ Вольфганг Амадей (1756—1791)

Музыкант, гениальный композитор, создатель непревзойденной инструментальной и вокальной музыки. Моцарт достиг вершин во всех жанрах музыкального творчества, обессмертивших его имя. Напомним только его концерты для фортепьяно с оркестром *d-mol* (К 466) и *c-mol* (К 491), симфонии, оперы «Дон Жуан» и «Волшебная флейта», «Реквием». Моцарт был инициирован в Вене в ложе «Благотворительность» 14 декабря 1784 г.

Моцарт написал немало масонской музыки, которая звучит во время исполнения масонских обрядов в ложах. Самым знаменитым сочинением в этом роде является «Погребальная масонская музыка» (*Maurerische Trauermusik, c-mol*) (К 477), написанная на смерть масонских братьев графа Франца Эстергази фон Таланта и герцога Георга Августа фон Мекленбург-Штрелитца. Это произведение занимает особое место в творчестве зальцбургского гения. Его отличает прочная и ясная структурная форма, необычная инструментовка, не имеющая себе равных по изобретательности и вкусу, торжествен-

ность маршевой темы, построенной вокруг центрального элемента-стержня — грегорианского песнопения. Эта музыка пронизана чувством «романтической грусти», задолго предвосхитившей путь развития современного музыкального творчества.

Хотелось бы еще упомянуть одно величайшее масонское сочинение Моцарта — кантату «Laut Verkunde unsere freude». Жена великого музыканта, Констанца, вспоминала в этой связи, что временное улучшение здоровья Моцарта в середине ноября 1791 г. позволило ему дирижировать ее исполнением; последние строки кантаты были написаны композитором накануне перехода в край Вечного Востока, на собрании масонской ложи «Надежда». Текст кантаты был написан масоном Шиканедером, автором либретто «Волшебной флейты», оперы, в которой за экзотикой «египетских тайн» скрыто подлинно масонское вдохновение.

Не будет преувеличением сказать, что среди художников, посвященных в тайны масонства, Моцарт был самым боговдохновенным и более всего «воздавшим человечеству» своим мастерством¹².

МЕН ДЕ БИРАН Мари Франсуа Пьер (1766—1824)

Французский философ-идеалист. В «Новых опытах антропологии» разрабатывал тему отношений человека с Богом под углом зрения психологии. Он утверждал верховенство внутренней озаренности, противопоставляя ее внешним проявлениям откровения. Тем не менее, Мен де Биран был традиционалистом, полагавшим необходимым строжайшее и тотальное соблюдение религиозных принципов («законов абсолюта») в общественной жизни. Его философские искания завершились уходом в мистицизм: «третий путь» человека наряду с путем органической жизни и путем совести. «Третий путь», по мысли французского философа, возможен благодаря двум основополагающим инструментам познания: медитации, проистекающей из мыслительной деятельности человека, но поставленной на службу божеству, и молитве, являющейся способом приближения к божественному смыслу жизни. В 1820 г. Мен де Биран был Великим Мастером Великого Востока Франции¹³.

ЛАПЛАС Пьер Симон (1749—1827)

Физик, математик, астроном.

Его перу принадлежит «Трактат о небесной меха-

нике», названный Абетти грандиозной симфонией. В другом сочинении — «Системе мироздания» он сформулировал известную гипотезу о происхождении солнечной системы¹¹.

Лаплас был почетным Великим Мастером Великого Востока Франции¹⁵.

ДЖЕННЕР Эдуард (1749—1823)

Английский врач, основоположник оспопрививания.

В 1796 г. Дженнер сделал первую в мире прививку от оспы. Открытие сулило ему благополучную жизнь в Лондоне, однако он предпочел вернуться в Беркли и поселиться в деревне, откуда был родом. Там он и закончил свои дни, спасая от оспы бедняков и изучая жизнь птиц. Дженнер был Великим Мастером ложи «Дружба» № 240 в Беркли в период 1811—1813 гг.¹⁶.

ГЁТЕ Иоганн Вольфганг (1749—1832)

Поэт, писатель и философ, ученый.

Автор «Фауста» и «Вильгельма Мейстера», Гёте является отцом-основателем романтической культуры. Его представления о Боге — это концепция «мировой души», все сущее он сводил к миру архетипов. В области научных исследований Гёте способствовал развитию методологии компаративистских исследований. В центре его внимания был мир животных и растений¹⁷.

23 июня 1780 г. Гёте обрел «масонский свет» в веймарской ложе «Амалия». Известно его письмо, написанное на следующий день возлюбленной, в котором он сообщает ей о подарке — паре белых перчаток, полученных во время обряда инициации.

Гёте был горячим сторонником масонства до последних дней жизни, сочиняя для своей ложи гимны и речи. Обладая высочайшими степенями посвящения в системе строгого масонства, он тем не менее содействовал «реформе Шредера», направленной на восстановление примата первых трех универсальных степеней ордена. В 1813 г. у гроба покойного брата Виланда поэт произнес в масонском храме знаменитую речь «В память брата Виланда»¹⁸.

БЕРНС Роберт (1759—1796)

Национальный шотландский поэт.

Бёрнс был иницирован 4 июля 1781 г. в ложе «Свя-

того Давида» № 174 в Тарболтоне, был ассоциированным членом ложи «Кэннонгэйт Килвиннинг» № 2 в Эдинбурге с 1787 г., избравшей его своим «поэтом-лауреатом».

Бёрнс был хрупкого здоровья и умер молодым человеком. Масонские братья не раз помогали ему выйти из денежных затруднений и житейских трудностей. Его тонкое миропонимание выражено в таких стихах, как, например, «К мышам», где лирический герой сострадает живым существам, потревоженным нечаянно плугом. Бёрнс автор целого ряда масонских стихов, среди них самого знаменитого «Прощание», в котором поэт обращается к «дорогим братьям, связанным одной мистической цепью»¹⁹.

БЕТХОВЕН Людвиг ван (1770—1827)

Одна из крупнейших фигур в истории музыкального искусства. Симфонии Бетховена являются величайшим памятником музыкального романтизма.

Точная дата его инициации отсутствует. Известно только, что масоном он стал еще молодым человеком в Бонне. Доказательством масонства Бетховена является письмо, написанное композитором масону Францу Вегелеру, в котором он выражает согласие посвятить масонству одну из своих кантат, известных под названием "Das Werk beginnt!"

Известно также, что со временем Бетховен охладил к масонству и не принимал в его деятельности активного участия²⁰.

КИН Эдмунд (1787—1833)

Английский актер-трагик, один из величайших интерпретаторов Шекспира.

Кин был членом ложи «Святого Марка» № 102 в Глазго²¹.

СТЕНДАЛЬ (Анри Мари Бейль) (1783—1842)

Историк масонства А. Меллор полагает, что «масонство Стендаля не стало достоянием широкой гласности, хотя он и принадлежал в течение некоторого времени к ордену». Судя по всему, именно о Стендале идет речь, когда в документах масонских лож то и дело мелькает подлинное имя французского писателя — Бейль²².

Стендаль, автор романов, литературно-критических работ, сочинений по истории художественного твор-

чества, прославил свое имя такими романами, как «Красное и черное», «Пармская обитель», основное содержание которых — тонкий психологический анализ героев.

ФУРЬЕ Шарль (1772—1837)

Философ и французский утопический социалист.

В «Теории всемирного единства» он дал описание утопической общины — «фаланги», состоящей из 1600 членов, организованных в фаланстер. Фурье подчеркивал в качестве «закона притяжения», объединяющего людей в трудовую организацию, их стремление избавиться от принуждения и отчуждения путем полного слияния производителя и потребителя. Многочисленные эксперименты общинной организации жизни в духе Фурье предпринимались даже в Америке группой интеллектуалов из Новой Англии²³.

Подробности об инициации Фурье отсутствуют. Ему приписывают высказывание: «В нашем столетии возник совершенно новый вопрос. Наш век отказался употребить значительные силы, предлагавшиеся ему масонством. Масонство напоминает необработанный алмаз, которым мы пренебрегли, не зная его подлинной цены...»²⁴.

ПРУДОН Пьер Жозеф (1809—1865)

Свободомыслящий теоретик, предлагавший переустройство экономики на началах «взаимопомощи», иными словами — взаимного оказания услуг всеми участниками трудового процесса, объединенных посредством профессиональных союзов и обменного банка. Прудон считается крупнейшим представителем домарксистского социализма, предтечей анархо-синдикализма.

Прудон принял масонское посвящение в 1847 г. в ложе «Искренность, Союз и Дружба» в Безансоне, хотя и не шагнул дальше степени подмастерья. Факт инициации Прудона, по мнению Меллора, засвидетельствовал в наиболее яркой форме победу атеизма в Великом Востоке Франции.

В работе «О справедливости в революции и церкви» сам Прудон так описывает свое посвящение в масоны: «Как всякий неофит, прежде чем получить Свет, я должен был ответить на три вопроса: Чем обязан человек своему ближнему? Своей стране? Господу? На первые два вопроса мой ответ был выдержан в рамках ожидаемого. На третий вопрос, чем обязан человек Богу, я ответил: — войной».

В той же работе Прудон развивает свои мысли о так называемом антидеистическом масонстве: «Бог масонов не является ни субстанцией, ни причиной, ни душой, ни монадой, ни творцом, ни отцом, ни глаголом, ни любовью, ни Параклетом, ни Искупителем, ни Сатаной, ничем, что соответствовало бы трансцендентной концептуальности. Вся метафизика масонством выброшена за борт. Масонский Бог является олицетворением все-ленского равновесия. Бог — это Архитектор, он держит циркуль, уровень, угольник, молоток, все инструменты труда и меры. В области нравственности порядок такого Бога — справедливость. Вот вам и вся масонская теология»²⁵.

ДЮНАН Анри Жан (1828—1910)

Известный филантроп, он является основателем «Красного Креста». Дюнан — лауреат Нобелевской премии мира за 1901 г. Историк масонства Р. Денслоу считает доказанным масонство Дюнана²⁶.

УАЙЛЬД Оскар (1854—1900)

Английский поэт и писатель, образец изысканности стиля и декадентства. 25 мая 1875 г. ему была присвоена степень Мастера в ложе № 357 Оксфордского университета²⁷.

ТВЕН Марк (Сэмюэл Клеменс) (1835—1910)

Известный американский писатель-юморист. Твен вступил в масонство в ложе «Полярная Звезда» № 79 в Сент-Луисе 22 мая 1861 г.

Во время одного из путешествий он прислал из Палестины в адрес своей ложи «молоточек», к которому было приложено выдержанное в юмористическом духе письмо. Твен извещал своих братьев о том, что «рукоятка молоточка вырезана братом Клеменсом из ствола ливанского кедра, своевременно посаженного братом Гоффредом Бульонским возле стен Иерусалима»²⁸.

РИШЕ Шарль (1850—1935)

Французский физиолог и иммунолог, прославившийся работами в области физиологии нервной и мышечной систем, сомнамбулизма и сывороточной терапии. В 1902 г. им было сделано открытие анафилаксии. В 1913 г. он стал лауреатом Нобелевской премии в области медицины.

Рише один из первых ученых всерьез занялся изучением парапсихологии, которую он называл по-своему — метапсихикой. Рише был масоном ложи «Космос» в Париже ²⁹.

ПИРИ Роберт Эдвин (1856—1920)

Американский полярный путешественник, в 1909 г. достиг Северного полюса. Пери был членом ложи «Кэйн» № 454 в Нью-Йорке, которой передал на хранение масонское знамя, бывшее с ним во время полярной экспедиции ³⁰.

КИПЛИНГ Джозеф Редьярд (1865—1936)

Английский поэт и романист.

В 1907 г. Киплинг стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Приведем следующие данные, сообщаемые Дж. Гамберини, о масонской жизни Киплинга: «Посвящен в масоны в ложе «Надежда и Упорство» № 782 в Лахоре, штат Пенджаб, Индия, в 1886 г. Свою ложу Киплинг прославил в стихотворении «Материнская ложа», опубликованном в «Семи морях» в 1896 г. Важно подчеркнуть, что посвящение Киплинга было совершено Достопочтенным Мастером индусом, степень Подмастерья Киплинг получил из рук Достопочтенного Мастера магометанина по вероисповеданию, возвышен до степени Мастера Достопочтенным англичанином в присутствии распорядителя еврея. Стремление к универсализму — основная характеристика черта творчества Киплинга.

В дальнейшем Киплинг стал членом ложи «Филантропия» № 391 в Аллахабаде (Бенгалия), переехав в Англию он сам основал ложу «Строителей» № 4948 и «Творцов» № 3456. Киплинг стал «поэтом-лауреатом» древнейшей ложи «Кэннонгэйт Килвиннинг» в Эдинбурге, той самой, которая в 1787 г. увенчала своим признанием национального шотландского поэта Роберта Бёрнса ³¹.

ТАГОР Рабиндранат (1861—1941)

Писатель, поэт и мыслитель.

Тагор вошел в историю как реформатор культуры Индии, выступив поборником «позитивистской» концепции в области осмысления духовного опыта. Благодаря деятельности Тагора традиционный монизм индуистской культуры обогатился в известном смысле западным миропониманием: глубиной познания мира (в противовес

классическому представлению о нем как о тауа — иллюзии) и приматом личностного значения Бога (взамен традиционному индуистскому представлению, основанному на присутствии в мире брахмана, то есть на абсолютно безличностном начале).

Тагор, судя по всему, стал масоном в молодости. В 1924 г. Верховный Совет шотландского обряда присудил Тагору почетную премию, которая была вручена ему лично двумя братьями-масонами.

Другой индийский мыслитель прошлого века, Свами Вивекананда, также был масоном, приняв посвящение в 1884 г. в ложе «Якорь и Надежда» № 1 в Калькутте ³².

СИБЕЛИУС Ян (1865—1957)

Прославленный финский композитор. Сибелиус воспевал финскую природу и сочинял музыку по мотивам «Калевалы». Историки музыкального творчества засвидетельствовали выдающийся талант Сибелиуса в области оркестровки и высокохудожественные достоинства написанных им семи симфоний.

Сибелиус был одним из основателей ложи «Суоми» № 1 в Хельсинки. В дальнейшем он был главным организатором Великой ложи Финляндии. В 1927 г. Сибелиус написал девять вокальных и инструментальных композиций, собранных им под общим названием «Масонская музыка для обрядов». Первое издание партитуры, предназначенное для распространения среди масонов, увидело свет в 1936 г. Второе издание вышло в 1950 г., исправленное и дополненное автором за счет новых композиций, в том числе известной симфонической поэмой «Финляндия», сопровождаемой при масонском исполнении особым текстом ³³.

ФЛЕМИНГ Александер (1881—1955)

Английский врач и микробиолог, открывший пенициллин.

Флеминг был ревностным масоном. Приведем отрывок из его масонской биографии: «Член ряда английских лож, Достопочтенный Мастер ложи «Милосердие» № 3286 в 1935 г., затем ее казначей. В 1925 г. Флеминг становится Достопочтенным Мастером ложи «Св. Мария» № 2682, затем ее секретарем. В 1942 г. Флеминг был избран Первым Великим Диаконем Великой ложи Англии. Он имел тридцатую степень шотландского обряда» ³⁴.

РУЗВЕЛЬТ Франклин Делано (1882—1945)

Тридцать второй президент США, избиравшийся на этот пост четыре раза.

Рузвельт был посвящен в масоны 10 октября 1911 г. в ложе «Голландия» № 8 в Нью-Йорке. Он достиг 32-й степени шотландского обряда и был представителем Великой ложи штата Джорджия при Великой ложе Нью-Йорка³⁵.

В Ялте Рузвельт обсуждал послевоенное устройство мира вместе с другим масоном, сэром Уинстоном Черчиллем (посвященным в масоны 24 мая 1901 г. в ложе «Студхольм» № 1591 в Лондоне), и Сталиным, который, как известно, не испытывал никаких симпатий к ордену.

НЭТ КИНГ КОУЛ (Натаниел Адамс Коулс) (1919—1965)

Джазовый певец и пианист. После долгого периода безвестности достиг славы благодаря популярности джазового трио, основанного им в 1937 г. Интерпретаторский талант и изобретательность его музыкального творчества снискали ему любовь зрителя.

Он был членом ложи «Томас Уаллер» № 49 в Лос-Анджелесе, входящей в состав масонской негритянской организации «Принс-Холл»³⁶.

АЛЬЕНДЕ Сальвадор (1908—1973)

Президент Чили в период правительства Народного единства, погиб в результате военного переворота.

Во время его президентства была национализирована медная промышленность Чили, которую Альенде называл «чилийской сокровищницей», и начата аграрная реформа.

Сальвадор Альенде не скрывал свою принадлежность к масонству. О своем членстве в масонском ордене он заявил во всеуслышание в знаменитом интервью, которое взял у него Режи Дебре, опубликовавший его на страницах «Чилийского пути»³⁷.

В 1972 г. итальянское «Масонское обозрение» сообщило о той оппозиции, которую вызывает политика Альенде в кругах чилийского масонства; консервативное крыло чилийских масонов потребовало тогда осудить деятельность «брата Альенде»³⁸.

ФОРД Джералд Рудолф (р. 1913)

Президент Соединенных Штатов, пришедший на смену Ричарду Никсону.

Форд был инициирован в ложе «Мальта» № 465 в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, 30 сентября 1949 г. Форд получил 33-ю степень шотландского обряда в 1962 г.³⁹.

ДЕ БЭЙКИ Микаэл (р. 1918)

Основатель современной кардиохирургии, провозвестник наиболее передовых методов в этой области, человек, пользующийся международным авторитетом и признанием.

Член ложи «Утика» № 47 в Нью-Йорке⁴⁰.

ОЛДРИН Эдвин (р. 1930)

Астронавт, второй человек, высадившийся на Луне.

Готовясь ступить на Луну, Олдрин произнес слова, исполненные глубокого масонского смысла, облетевшие всю планету: «Пользуюсь случаем, чтобы попросить всех, слушающих меня сейчас, где бы они ни находились, собраться с мыслями и осознать то, что происходит в эти часы, обратиться с благодарностью к тому, в кого человек верит, и так, как он верит»⁴¹.

Олдрин стал Мастером масоном 21 февраля 1956 г. в ложе «Монтклер» № 144 (Нью-Джерси). В 1971 г. был награжден Великой ложей штата Нью-Йорк.

Масонами являются и другие американские астронавты: Ширра, член ложи «Канаверал» № 339, Флорида; Купер, член ложи «Карбондэйл» № 82, Колорадо, 33-я степень шотландского обряда; Митчелл, член ложи «Артезия» № 28, Нью-Мерилэнд; Стаффорд, член ложи «Вестерн Стар» № 138, Оклахома; масоном был астронавт Вирджил Гриссом, погибший в огне, вспыхнувшем на борту «Аполлона» во время испытаний на земле⁴².

ПАГАНО Франческо Марио (1748—1799)

Философ-просветитель и политический деятель, автор проекта демократической конституции Партенопейской республики 1799 г. Умер на эшафоте.

Пагано был Достопочтенным Мастером ложи «Филантропия» в Неаполе в 1786 г.⁴³.

МОНТИ Винченцо (1754—1828)

Литератор и поэт, писавший в неоклассическом стиле, переводчик «Илиады». 5 октября 1806 г. в Милане в ложе «Эудженио» прочитал свою знаменитую поэму «Прибежище истины». В 1807 г. был Подмастерьем в ложе «Реале Аугуста» в Милане⁴⁴.

КЕРУБИНИ Луиджи (1760—1842)

Прославленный композитор.

Керубини был высокоодаренным музыкантом, его интересы выходили далеко за рамки оперного творчества. В его наследии шесть квартетов, кантаты, симфония и четыре мессы⁴⁵.

Керубини был членом ложи «Сен-Жан де Палестин» Великого Востока Франции. Керубини долгое время жил во Франции и был директором Парижской консерватории⁴⁶.

РОМАНЬОЗИ Джандоменико (1761—1835)

Юрист и философ эпохи Просвещения.

Романьози развил учение Филанджери и Беккариа, обосновавших необходимость «гуманитарной» реформы законодательства.

Сочинения Романьози построены на детерминистской концепции интеллектуальной деятельности человека, которая, согласно итальянскому философу, развивается по «законам природы», не зависящим исключительно от свойств человеческой души. Этико-политические взгляды Романьози носили прагматический и утилитаристский характер⁴⁷.

Романьози занимал важные посты в администрации наполеоновской эпохи. В 1821 г. преследовался австрийцами как карбонарий, был оправдан за отсутствием доказательств, жил в бедности в Милане.

Романьози автор «Происхождения уголовного права» и «Краткого курса науки естественного права», был членом ложи «Реале Джузеппина» в Милане и избран главным оратором Великого Востока Италии. Ему принадлежит авторство целого ряда масонских обращений к общественности⁴⁸.

ПАГАНИНИ Никколо (1782—1840)

Скрипач-виртуоз и композитор, «стоящий в стороне от признанных школ одинокой вершиной гениальности»⁴⁹.

Имя Паганини вошло в историю благодаря виртуозной интерпретации им своих сочинений. Он оказал влияние на развитие творчества Берлиоза и Листа.

27 декабря 1808 г. Паганини исполнил в ложе Великого Востока Италии масонский гимн, написанный им на слова Ланчетти. В протоколах ложи подтверждено масонство Паганини⁵⁰.

МАРОНЧЕЛЛИ Пьетро (1795—1846)

Патриот и музыкант.

Член ложи «Реале Амалия» в Брешиа, посвятил в карбонарии Сильвио Пеллико. Был приговорен к смертной казни, затем приговор был заменен 20-ю годами тюрьмы усиленного режима. Марончелли и Пеллико были помилованы. В 1830 г. Марончелли выехал в Париж. Написал «Прибавления к «Моим темницам» Сильвио Пеллико»⁵¹

ГАРИБАЛЬДИ Джузеппе (1807—1882)

Один из вождей итальянского Рисорджименто.

В молодости Гарибальди был членом конспиративной организации, в 1834 г. находился в изгнании в Латинской Америке, сражаясь на стороне борцов за независимость Бразилии и Уругвая. В 1848 г. возглавил добровольцев в Ломбардии, на следующий год выступил в защиту Римской республики. В 1851—1853 гг. жил изгнанником в Клиффорде (Нью-Йорк), зарабатывая на жизнь изготовлением и продажей свечей. В результате победоносной кампании 1859 г., завершившейся подписанием Виллафранкского мира, Гарибальди возглавил поход «Тысячи», изгнавшей Бурбонов из Южной Италии.

В 1862 и 1867 гг. неоднократно пытался освободить Рим от папского господства, но все его наступления успеха не имели.

Джузеппе Гарибальди был посвящен в масоны в 1844 г. в Бразилии в ложе «Приют Доблести», перейдя затем в ложу «Друзья Отечества» в Монтевидео. Он был ревностным масоном. Находясь в изгнании в Соединенных Штатах, Гарибальди активно участвовал в работе ложи «Томпкинс» № 471 в Стейплтоне, штат Нью-Йорк.

В 1863 г., в Италии, Гарибальди был избран главой Верховного Совета Палермо. В 1864 г. он стал Великим Мастером Великого Востока Италии, в 1872 г. почетным Великим Мастером пожизненно⁵².

В 1881 г. Гарибальди был избран главой «египетской» ветви мемфисского обряда⁵³

В письме, направленном Верховному Совету шотландского обряда 11 июня 1867 г., Гарибальди утверждает, что учение Великого Архитектора Вселенной «означает установление всемирного братства между народами»⁵⁴. Несколько лет спустя в письме, адресованном Великому Мастеру Маццони, генерал, охваченный чувством пантеистического порыва, сравнивает Великого Архитектора Вселенной с «Богом, о котором говорит Мадзини». В том

же письме, написанном в 1872 г., когда I Интернационал впервые появился на итальянском политическом горизонте, Гарибальди подчеркивал: «Рабочее товарищество — это масонская организация, все эмблемы его тоже масонские. Отчего же рабочие конгрессы проходят вне лона организации-основательницы, их породившей? Разве демократия, т. е. страждущие классы, не обязаны своим существованием крупнейшей в мире организации, которая первой провозгласила лозунг о братстве всех трудящихся?»

МЕУЧЧИ Антонио (1808—1889)

Физик и изобретатель, поселившийся в Соединенных Штатах в 1845 г. В 1857 г. он первый изобрел телефон. Изобретение Меуччи попытался присвоить себе Грейам Белл. В 1886 г. Верховный суд США признал хронологический приоритет за изобретением Меуччи.

Вершина масонского пути Меуччи приходится на 1888 г., когда он получил 33-ю степень шотландского обряда. В Нью-Йорке, по поручению Великого Мастера Великого Востока Италии, Меуччи руководил инициацией одного из итальянских дипломатов⁵⁶.

ДЕ САНКТИС Франческо 1817—1883)

Литератор и политический деятель.

Автор прославленной «Истории итальянской литературы», один из крупнейших литературных критиков. Де Санктис развил критику эстетики Гегеля, сформулировав концепцию единства содержания и формы в художественном творчестве.

В ряде правительств Де Санктис занимал пост министра народного образования.

Де Санктис был участником Учредительного масонского собрания во Флоренции в 1869 г. В том же году ему была присвоена 18-я степень шотландского обряда⁵⁷.

КРЕМОНА Луиджи (1830—1903)

Математик, основатель алгебраической геометрии.

Масонство Кремоны подтверждается «Масонским обозрением» за 1903 г.⁵⁸.

КАРДУЧЧИ Джозуэ (1835—1907)

Поэт и литератор. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1906 г.

Кардуччи, поэт контрастов земного существования, выразил эту тему в стихах, вызванных к жизни личными и горестными событиями, которые раскрывают смятение чувств человека, решающего вопрос о том, что есть жизнь и что есть смерть. Человеческая драма, рассказанная Кардуччи с известной долей символической условности, запечатлена в бессмертных образах его великой поэзии: свет и тьма, солнце и тень, звук и молчание, тепло и холод, зеленые холмы, оживающие весной и темные пространства полей, свидетельствующие об умирании жизни⁵⁹.

Кардуччи принял масонские обязательства в 1862 г., получив посвящение в ложе «Севера» в Болонье. С 1866 г. он является членом ложи «Фельсинеа» тоже в Болонье. 21 января 1888 г. ему была присвоена 33-я степень шотландского обряда.

8 апреля 1892 г. римские ложи «Риенци» и «Универсо» дали прием в честь Кардуччи. По этому поводу Кардуччи прочитал свою знаменитую масонскую лекцию.

Кардуччи удостоился чести «масонского погребения». Сохранилась фотография поэта, возлежащего на смертном одре, со всеми масонскими регалиями.

ПАСКОЛИ Джованни (1855—1912)

Итальянский поэт, самый известный ученик Кардуччи, был посвящен в масоны 22 сентября 1882 г. в ложе «Риццоли» в Болонье⁶⁰.

ЯННИ Уго (1869—1938)

Сначала священник религиозной общины старокатоликов (последователей утрехтской церкви, отложившейся от католицизма в 1702 г. в связи с неприятием догмата о непогрешимости папы), затем, в 1902 г., член вальдейской церкви.

Уго Янни был участником «панхристианского» движения, основанного шведским протестантским епископом Натаном Зедербломом. Движение приобрело экуменический и либеральный характер, используя в качестве своего рупора журнал «Вера и Жизнь».

Янни проявлял склонность к гностицизму, занимался исследовательской работой в области «тайн мироздания», написал книгу на тему «жизни после смерти», выдержанную в антидогматическом и компаративистском тоне⁶¹.

Янни был членом ложи «Мадзини» в Сан-Ремо⁶².

АМЕНДОЛА Джованни (1882—1926)

Журналист, политический деятель, министр в ряде итальянских правительств.

Амендола возглавил антифашистскую авентинскую оппозицию итальянского парламента, основав демократический либеральный союз. Он умер в изгнании от ран, полученных им вследствие избиения фашистами⁶³.

Амендола не был типичной фигурой среди политических деятелей своего времени. Его принадлежность к масонству сопровождалась самыми широкими познаниями в области спиритуализма. На общем фоне Амендолу отличала прочная и критически окрашенная гуманистическая культура. Он обладал опытом, приобретенным благодаря непосредственному участию в теософических кружках. Документы, находящиеся в распоряжении Великого Востока Италии, свидетельствуют о том, что Дж. Амендола принял масонское посвящение 24 мая 1905 г. в ложе «Романьози» в Риме⁶⁴.

МУРРИ Аугусто (1841—1932)

Выдающийся клиницист, профессор Болонского университета в 1877—1916 гг. предложил использование физиопатологических методов в лечении ряда заболеваний, в том числе и онкологических. Пользовался широкой международной известностью в качестве талантливого диагноста. Мурри был депутатом итальянского парламента, членом ложи «Масонская пропаганда» в Риме⁶⁵.

РЕНСИ Джузеппе (1871—1941)

Философ, «верующий скептик», антифашист. Подвергался неоднократным арестам за подпольную антифашистскую деятельность, был лишен руководства кафедрой философии.

Философская мысль Джузеппе Ренси недостаточно широко известна в итальянской культуре нашего столетия. Его работы отличает возвышенный антифашистский пафос, глубокая разработка проблем культуры.

Отвергая «традиционные доказательства» существования Бога, Ренси излагал свои воззрения в исповедальном тоне: «Я не вижу Тебя и отрицаю Тебя, Боже. Быть может, Ты присутствуешь во мне, являешься той внутренней личностной животворящей силой, дающей мне право на существование. Присутствует ли эта сила в тех, кто не отрицает Тебя, разглагольствуя о доказательствах Твоего существования? Ты — Вечная Истина, Ты

заставляешь меня не поступать в угоду мирским пристрастиям, но действовать вопреки общепринятым мнениям, следовать тому, что я полагаю истинным. Ты есть мое отрицание Тебя...»⁶⁶.

Дж. Ренси был членом ложи «Мадзини» в Генуе⁶⁷.

АЛЬФАНО Франко (1876—1954)

Музыкант, один из зачинателей «обновления музыкальной культуры в Италии XX в.», приведения ее в соответствие с «современным европейским вкусом».

Начав как верист в симфонической поэме «Воскресение» (1904 г.), Альфано выработал более динамичный и полихромный стиль, основываясь в своем творчестве на «изысканности поэзии индийского Востока, лирических текстах Тагора». Свой творческий путь Альфано закончил возвращением к традиционным формам европейского музыкального сочинительства⁶⁸.

Будучи учеником Дж. Пуччини, Альфано завершил его партитуру «Турандот», отказавшись, однако, поставить свое имя в тексте окончательной редакции оперы.

Был ревностным и активным членом неаполитанского масонства, достиг 33-й степени шотландского обряда⁶⁹.

ФЕРМИ Энрико (1901—1954)

Физик, лауреат Нобелевской премии.

Благодаря исключительно раннему проявлению гениальных способностей Ферми уже в двадцать три года внес значительный вклад в становление современной физики, разработав квантовую статистику Ферми—Дирака. Он построил первый ядерный реактор и в 1942 г. ему совместно с группой исследователей удалось впервые в мире осуществить в нем цепную ядерную реакцию, возвестив, таким образом, о начале атомной эры.

Ферми был посвящен в масоны в ложе «Лемми» (1923 г.), находящейся в ведении масонской штаб-квартиры на площади Джезу в Риме⁷⁰.

ТОТО (Антонио Де Куртис) (1898—1967)

Выдающийся киноактер, снявшийся в огромном количестве кинофильмов, большая часть которых, по мнению кинокритиков, не соответствовала его высокому таланту.

Тото был посвящен в масоны в 1944 г. в ложе «Палиндженеси», подчиняющейся штаб-квартире на площади Джезу в Риме. Тото был одним из основателей ложи «Искусство и Труд», являясь ее Достопочтенным

Мастером. Тото была присуждена 30-я степень шотландского обряда .

Одним из проявлений масонских взглядов Тото можно считать сборник стихотворений, озаглавленный автором «К уровню». В поэтической форме Тото говорит о равенстве людей перед смертью. В масонстве «уровень» является символом равенства.

КВАЗИМОДО Сальваторе (1901—1968)

Поэт и литератор, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1959 г.

Сын железнодорожника-масона, Сальваторе Квазимодо был посвящен в масоны 31 марта 1922 г. в ложе «Арнальдо да Брешиа» в Ликате.

Квазимодо снискал славу как переводчик древнегреческой поэзии, Шекспира, Евангелия от Иоанна, книги, раскрытой на алтаре во время масонского богослужения. Поэтическое творчество Квазимодо пронизано мифологическими и спиритуалистскими мотивами, объединенными в целое прочной социально-этической основой. Квазимодо всегда выступал в защиту преследуемых поэтов и писателей ⁷².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie et des Francs-Maçons, p. 289—290.
2. Timpanaro S. Sui materialismo, p. 61.
3. Lennhoff E. Il Libero Muratore, p. 72.
4. Fay B. La Massoneria e la rivoluzione intellettuale nel XVIII secolo, p. 168—169.
5. Luraghi R. Franklin; Franklin B. Autobiografia, p. 81—83; Gamberini G. Mille volti di Massoni, p. 26.
6. Gamberini G. Op. cit., p. 37.
7. A treasury of Masonic Thought, p. 177.
8. Gamberini G. Op. cit., p. 34.
9. Abbagnano N. Storia della Filosofia. V. 2., p. 474.
10. Lessing G. E. L'educazione del genere umano, p. 85—86. — *Rivista Massonica*, № 3, marz. 1968.
11. Lessing G. E. Colloqui per Massoni, p. 122, 127.
12. Gamberini G. Op. cit., p. 66.
13. Abbagnano N. Op. cit. V. 3, p. 228—234; Gamberini G. Op. cit., p. 81.
14. Abetti G. Storia dell'Astronomia, p. 149—151.
15. Gamberini G. Op. cit., p. 54.
16. Idem, p. 53.
17. Singer C. Breve storia del pensiero scientifico, p. 352—353.
18. Lennhoff E. Op. cit., p. 107—112.

19. *Rivista Massonica*, № 10, die. 1974, p. 588—589.
20. Gamberini G. Op. cit., p. 85.
21. Gamberini G. Op. cit., p. 102.
22. Mellor A. Op. cit., p. 310.
23. Garcia V. Las Utopias.
24. Gamberini G. Op. cit., p. 87.
25. Mellor A. Op. cit., p. 301—302. Вопрос о членстве в анархических партиях и посвящении в масонство весьма запутан. П. Мазини в «Истории итальянских анархистов» утверждает, например, что Бакунин и Малатеста одно время были масонами. Бакунин безуспешно пытался превратить масонские организации центральной и южной Италии в революционные ячейки. Малатеста вступил в масонскую ложу, отказавшись подвергнуться «испытаниям», которые считал нелепостью и анахронизмом, и вышел из нее, получив девятую степень шотландского обряда, в знак протеста против поведения большинства масонов, устроивших торжественную встречу тогдашнему министру внутренних дел Джованни Никотера. Позднее Малатеста заявил на страницах «Нового человечества», что его отношения с масонством всегда были враждебными.

Опираясь на документальный материал, Дж. Гамберини утверждает, что масонами были такие анархисты, как Пьетро Гори (ложа «Ривадавия» № 51 в Аргентине), Волин (ложа «Кларте» в Париже), Элизе Реклю, Себастьян Фор, Шарль Малато, Франсиско Феррер (ложа «Истинных знатоков», Париж). Малато вел полемику на страницах анархистской печати с теми своими единомышленниками, которые полагали несовместимыми анархизм и масонство.

Антимасонски настроенные анархисты критикуют масонство за спиритуализм, иерархичность организационной структуры, наличие в нем буржуазных предрассудков и элементов консерватизма. В конце 60-х гг. французский анархический журнал «Черное и красное», ставший известным широким кругам благодаря событиям в мае 1968 г. в Париже, развернул полемику с Ж. Левалем, главным редактором «Свободолюбивого гуманизма», отстаивавшим право анархистов принимать масонское посвящение (см. в этой связи: Cerrito G. Il movimento anarchico internazionale nella sua struttura attuale, p. 189—190 ("Anarchici e anarchia nel mondo contemporaneo — Atti del Convegno promosso dalla Fondazione Luigi Einaudi. Torino, 5—7 dicembre 1969»).

Следует подчеркнуть, что Леваль, один из наиболее талантливых руководителей анархистского движения в Испании во время гражданской войны (1936—39 гг.) (одна из его брошюр имела широкое распространение среди крестьян, пользовавшихся ею как «учебником» политической и экономической грамоты), является «ревизионистом» среди правоверных анархистов. Леваль, например, полагает необходимым отказаться от псевдоревOLUTIONНОЙ романтики и строить деятельность анархистов на основе «гуманитарных» принципов. Ср., например, его брошюру «Возрождение свободолубия», являющуюся текстом речи, произнесенной на конференции в Турине в декабре 1969 г.

26. *Rivista Massonica*.
27. Gamberini G. Op. cit., p. 180.
28. Mellor A. Op. cit., p. 286.
29. Gamberini G. Op. cit., p. 181.
30. Idem, p. 182.
31. Idem, p. 193; Landini S. Rileggere Kipling. — *Rivista Massonica*, № 8, ag. 1968.

32. Gamberini G. Op. cit., p. 189, 191.
33. *Ordine Massonico*, dic. 1965, p. 8.
34. Gamberini G. Op. cit., p. 219.
35. Idem, p. 220.
36. Idem, p. 254.
37. Mola A. A. Storia della Massoneria Italiana dall'Unità alla Repubblica, p. 651.
38. *Rivista Massonica*, giugno 1971.
39. Idem, p. 252.
40. Idem, p. 252.
41. Ambesi A. C. Storia della Massoneria, p. 257.
42. Gamberini G. Op. cit., p. 255—256.
43. Idem, p. 52.
44. Idem, p. 61.
45. Mila M. Breve Storia della Musica, p. 256.
46. Gamberini G. Op. cit., p. 73.
47. Abbagnano N. Op. cit., p. 457—458.
48. Gamberini G. Op. cit., p. 74.
49. Mila M. Op. cit., p. 172.
50. Gamberini G. Op. cit., p. 99.
51. Idem, p. 108.
52. Idem, p. 121.
53. Ventura G. I riti massonici di Misraim e Memphis, p. 86.
54. Bacci U. I; Libro del Massone Italiano. V. 2, p. 168.
55. Idem, p. 270.
56. Gamberini G. Op. cit., p. 123.
57. Idem, p. 136.
58. *Rivista Massonica*, № 8, ott. 1975, p. 503.
59. Binini W., Scrivano R. Afritologia della critica letteraria, p. 962.
60. Gamberini G. Op. cit., p. 159, 181.
61. Janni-Chambers U. La nostra vita dopo la morte.
62. Gamberini G. Op. cit., p. 198.
63. Idem, p. 220.
64. Mola A. A. Op. cit., p. 492.
65. *Rivista Massonica*, № 9, nov. 1975, p. 572.
66. Rensi G. Apologia dell'ateismo, p. 19.
67. Gamberini G. Op. cit., p. 201.
68. Mila M. Op. cit., p. 424—425.
69. Gamberini G. Op. cit., p. 209.
70. Idem, p. 248.
71. Idem, p. 246.
72. Finzi G. Salvatore Quasimodo; Gamberini G. Op. cit., p. 247.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАСОНСТВО

- AA. W., A treasury of Masonic Thought (Hale, London, 1974).
AA. W., Scottish Rite Masonry Illustrated (U.S.A., s. d., s. l.).
Ambesi A. C. Storia della Massoneria (De Vecchi, 1971).
Anceschi W. Che cosa è veramente la Massoneria (Rocco, 1971).
Bacci U. Il libro del Massone Italiano, vol. II (ristampa Forni, 1972).
Baylot J. La Massoneria tradizionale nel nostro tempo (Erasmus, 1973).
Berneri C. — Broghi A. Contro gli intrighi massonici nel campo rivoluzionario (a cura dei Gruppi Anarchici dell'Antracite. New York, s. d.).
Bosio B. Conviene essere Massone? (Quattrucci, 1956).
Boucher J. La simbologia massonica (Atanor, 1975).
Cerbu M. Le combat des Francs-Maçons (contribution a l'histoire du rite Ecosais Ancien et Accepte de 1940 a nos jours) C. D. S. T. Marseille, 1976).
Cipollone U. Discorso pronunciato il 31 maggio 1959 all'atto dell'insediamento, dopo la rielezione a Gran Maestro, per il triennio 1-6-1959—31-5-1962, del G. O. d'I (Roma, 1959).
Esposito R. Istanze spiritualistiche nella Massoneria italiana negli anni 1859—1900 (in *Rivista Massonica*, 1969).
Esposito R. La Massoneria e l'educazione supernazionale (in Istituto Int. di Studi Europei "A. Rosmini", 1964).
Farina S. Gli emblemi della Libera Muratoria (Atanor, 1973).
Farina S. Il libro dei rituali del Rito Scozzese Antico ed Accettato (Piccinelli, Roma, 1946).
Fay B. La Massoneria e la rivoluzione intellettuale del secolo XVIII (Einaudi, 1939).
Raynaud de la Ferriere S. Il libro nero della Framassoneria (Tarantola, Lugano).
Fichte J. G. Filosofia della Massoneria (Documento, Roma 1945 — Ristampa xerografica della Tip. Giuntina, Firenze, 1967).
Francocci G. La Massoneria nei suoi valori storici e ideali (Bolla, Milano, 1950).
Francovich C. Storia della Massoneria in Italia dalle origini alla Rivoluzione francese (Nuova Italia, Firenze, 1974).
Gamberini G. Mille volti di Massoni (Erasmus, Roma, 1975).
Grande Oriente d'Italia. Antichi doveri, Costituzione, Regolamento (Roma, 1975).
Hutin S. La Massoneria (Mondadori, 1961).

Istituzioni, riti e cerimonie dell'Ordine de'Francs-Masons ossia Liberi Muratori — colla descrizione e disegno in rame della loro Loggia e insieme un preciso dettaglio delle funeste loro peripezie (Venezia, 1785).

Jones B. E. Freemasons' guide and compendium (Harrap. London, 1973).

Jones B. E. Freemasons' book of the Royal Arch (Harrap. London, 1969).

Lattanzi A. Bibliografia della Massoneria Italiana e di Cagliostro (Olschki, Firenze, 1974).

Lennhoff E. Il Libero Muratore (Bastogi, Livorno, 1974).

Lessing G. E. Colloqui per Massoni (Sapere Edizioni, 1975).

Mellor A. Dictionnaire de la Franc-Maconnerie et des Francs-Macons (Belfond, Paris, 1971).

Mola A. A. Storia della Massoneria italiana dall'Unita alla Repubblica (Bompiani, 1976).

Palou J. La Franc-Maconnerie (Ed. Payot, Paris, 1972).

Pontevia A. Cattolicesimo e Massoneria (Atanor, 1948).

Porciatti U. G. Simbologia Massonica — Massoneria Azzurra (Atanor, 1968).

Porciatti U. G. Simbologia Massonica — Gradi Scozzesi (Atanor, 1948).

Porciatti U. G. (a cura di). Le Chartre fondamentali della Universale Massoneria de Rito Scozzese Anticoed Accettato (Atanor, 1973).

Reghini A. Considerazioni sui rituale dell'Apprendista Libero Muratore (Ed. di studi iniziatici, Napoli s. d.).

Rioleva Miguel de. Chiesa e Massoneria — lineamenti di una sintesi (Guida, Napoli s. d.).

Salvini L. Realizzazioni della Massoneria Italiana dal 1970 al 1975 e futuro consolidamento della sua organizzazione (Roma, 1975).

Terzaghi M. Fascismo e Massoneria (Ed. Storica. Milano, 1950).

Ventura G. I Riti Massonici di Misraim e Memphis (Atanor, 1975).

ЭЗОТЕРИЗМ И СПИРИТУАЛИЗМ

AA. VV., Le Grandi Religioni, 6 voll. (Rizzoli, 1964).

Bureau A. Buddha (Accademia, 1972).

Benoist L. Segni, simboli e miti (Garzanti, 1976).

Bhagavad Gita (in: L. Yutang. La saggezza dell'India. Bompiani).

Bertholet A. Dizionario delle religioni (Editori Riuniti, 1973).

Craveri M. (a cura di). Vangeli apocrifi (Einaudi, 1972).

Danielou J. — Marrou H. Dalle origini a S. Gregorio Magno (vol. I della "Nuova Storia della Chiesa". Marietti, 1970).

Eliade Mircea. Il sacro e il profano (Boringhieri, 1973).

Grant K. Aleister Crowley e il dio occulto (Astrolabio, 1975).

Guenon Rene. Gli stati molteplici dell'essere (Edizioni Studi Tradiz. Torino, 1965).

Hall M. P. An Encyclopedic outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy (Philosophical Research Society, Inc., Los Angeles, 1957).

Heschel A.J. L'uomo non è solo (Rusconi, 1971).

Hutin S. L'alchimia (Dellavalle, Torino, 1971).

Giamblico. Vita pitagorica (Laterza, 1973).

Jollivet-Castelot e Hartmann F. La Grande Opera (Rocco, Napoli, 1953).

Martinez de Pasqually. Traite de la Reintegration des Etres dans leurs premieres proprietes, vertus et puissance spirituelles et divines (Editions traditionelles. Paris, 1974).

Mazzini G. Dei doveri dell'uomo (Mursia, 1972),

Pioli G. Fausto Socino — Contributo alia storia del liberalismo religioso moderno (Guanda, 1952).

Radhakrishnan. La filosofia indiana, dal Veda al Buddhismo (Einaudi, 1974).

Salvoni F. Chi è per te Gesu? (Lanterna, Genova, 1973).

Steiner R. L'Apocalisse (Ed. Antroposofica. Milano, 1963).

Steiner R. La mia vita (Ed. Antroposofica. Milano, 1961).

Steiner R. L'iniziazione (Ed. Antroposofica. Milano, 1971).

Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism (Rider and Company. London, 1974).

Tagore R. Sadhana (Carabba, Lanciano).

Testi gnostici cristiani (Laterza).

Upanisad antiche e medie (Boringhieri, 1960).

Ventura G. Cosmogonie gnostiche (Atanor, 1975).

Vipont E. The story of Quakerism (Bannisdale Press. London, 1970).

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Ambesi A. C. I Rosacroce (Armenia, 1976).

Yates F. L'illuminismo dei Rosa-Croce (Einaudi, 1976).

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Boobyer G. H. The Bible and the Light Within (F. H. S. C., London, 1973). Ricerche bibliche e religiose (rivista della Facolta Biblica di Milano, via del Bollo 5).

Pritchard J. B. Archeologia e Antico Testamento (Sansoni, 1964).

ФИЛОСОФСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

Abbagnano N. Storia della Filosofia, vol. 3° (UTET, 1969).

Abetti G. Storia dell'Astronomia (Vallecchi, 1963).

Casini P. L'universo macchina — Origini della filosofia newtoniana (Laterza, 1969).

Collier. The Quaker meeting — a personal experience and method described and analysed (Pendle Hill Pamphets. Wallingford, Pennsylvania, 1963).

Eddington A. S. Science and the Unseen World (Allen & Unwin. London, 1958].

Franci G. R. Appunti sui "progetto uomo" di Sri Aurobindo (in "Gururajamanjarika" — studi in onore di G. Tucci, Istituto Universitario Orientale. Napoli, 1974).

Fromm E. L'arte di amare (II Saggiatore, 1975).

Giuntini C. Toland e i liberi pensatori del'700 (Sansoni, 1974).

Horney K. La personality nevrotica del nostro tempo (Newton Compton, 1976).

Jacobi J. La psicologia di C. G. Jung (Boringhieri, 1973).

- Jung C. G. L'io e l'inconscio (Boringhieri, 1967).
 Jung C. G. La simbolica dello spirito (Einaudi, 1975).
 Jung C. G. Psicologia analitica (Mondadori, 1975).
 Jung C. G. Simboli della trasformazione (Boringhieri, 1970).
 Jung C. G. La psicologia del transfert (Il Saggiatore, 1962).
 Jung C. G. — Kerenyi K. Prolegomeni alio studio scientifico della mitologia (Boringhieri, 1972).
 Leuba J. La psicologia del misticismo religioso (Feltrinelli, 1960).
 Locke J. Saggio sull'intelligenza umana (Laterza, 1972).
 Marco Aurelio Antonino. Ricordi (Bur, Rizzoli, 1975).
 Musatti C. Freud — con antologia freudiana (Boringhieri, 1970).
 Musatti C. Trattato di Psicoanalisi (Boringhieri, 1974).
 Neumann E. L'uomo creativo e la trasformazione (Marsilio, 1975).
 Rensi G. Apologia dell'ateismo (La Fiaccola, 1967).
 Rochedieu E. Jung (Accademia, 1972).
 Servadio E. Psiche e sessualita (Astrolabio, 1972).
 Singer C. Breve storia del pensiero scientifico (Einaudi, 1971).
 Timpanaro S. Sui materialismo (Nistri-Lischi, Pisa, 1975).
 Trevisani M. — Romano A. Studi sull'Ombra (Marsilio, 1975).
 Voltaire. Dizionario filosofico (Mondadori, 1974).
 Walker N. Breve storia della psicoterapia (Feltrinelli, 1961).

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Binni W. — Scrivano R. Antologia della critica letteraria (Principal, 1968).
 Cerrito G. Il movimento anacichico internazionale nella sua struttura attuale (in "Anarchici e Anarchia nel mondo contemporaneo" — Atti del Convegno promosso dalla Fondazione Einaudi) (Einaudi, 1971).
 Finzi G. Salvatore Quasimodo (in "S. Quasimodo: Tutte le poesie". Mondadori, 1975).
 Franklin B. Autobiografia (Sansoni, 1954).
 Fulcanelli. Il mistero delle cattedrali (Ed. Mediterranee, 1973).
 Greither A. Mozart (Einaudi, 1968).
 Guenon R. L'esoterismo del Dante (Atanor, s. d.).
 Luraghi R. Franklin (CEI, 1966).
 Mila M. Breve storia della Musica (Einaudi, 1971).
 Pasolini P. P. Scritti corsari (Garzanti, 1975).
 Pedone F. (a cura di). Il socialismo italiano di questo dopoguerra — 1942—1955 (Edizione del Gallo, 1968).
 Rossi E. Una spia del regime (Feltrinelli, 1968).
 Spini G. L'evangelo e il berretto frigio (Claudiana, 1971).

ПЕРИОДИКА

- Rivista Massonica*, c. p. 74, 48100 Ravenna.
Conoscenza religiosa, via Giacomini 8, 50132 Firenze.
Conoscenza, via S. Zanobi 89, 50129 Firenze.
Rivista di Psicologia Analitica, Via Severano 3, 00161 Roma.
La Civiltà Cattolica, via Porta Pinciana, 00187 Roma.
Faith and Freedom (a journal of progressive religion), Manchester College, Oxford OX1 3TD, England.

Friends' Quarterly, Drayton House, Gordon St., London W. C. 1
(England).

Royal Arch Mason, Box 529, Trenton, Missouri 64683, U. S. A.

The Philalethes, P. O. Box 58, Franklin, Indiana, U. S. A.

The Masonic Journal of South Africa, P.O. Box 50631, Randburg
2125, S. A.

Alpina — Rivista Massonica svizzera, Brunngasse 30, 3011 Berna
(Svizzera).

Под сенью Королевской арки	5
Введение	22
I. Храм — отражение всемирности	28
II. Инициация	57
III. Симвология как священнодействие	73
IV. Очарование первых шагов	92
V. Из истории масонства	102
VI. Ученик и Подмастерье	130
VII. Тема смерти и воскресения. Степень Мастера	141
VIII. Древний шотландский общепринятый обряд	160
IX. Обряд Королевской арки	201
X. Масонство в Италии и современном мире	211
XI. Масонство, общество, политика и культура	222
XII. Масонство и закат западной духовности	243
Приложение (Биографии масонов)	262
Библиография	286

Микеле Морамарко
МАСОНСТВО В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

Редактор русского текста *В.Д. Гапанович*
Художник *А. В. Лисицын*
Художественный редактор *И. М. Чернышева*
Технические редакторы *М. Г. Акколаева,*
Т. К. Купцова
Корректор *И. В. Леонтьева*

ИБ № 17546

Сдано в набор 01.08.89. Подписано в печать 22.04.90. Формат 84X 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура тип. таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,27. Уч.-изд. л. 16,92. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1093. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 45165

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати

119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

*Посвящаемые в первую степень масонства
с повязками на глазах (Английская ложа)*

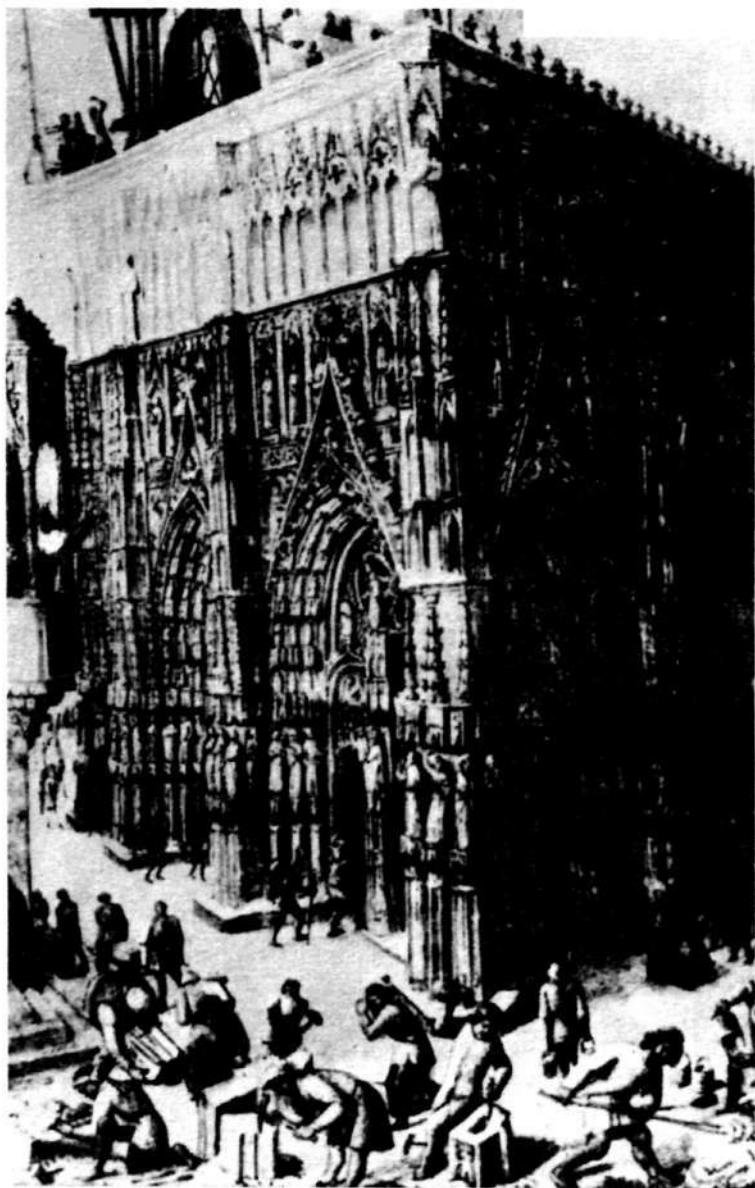

Камера созерцания, в которой ждущий посвящения в масоны проводит несколько часов до начала инициационного обряда

*Introduction de l'Apprentif
maçon dans le Temple de la Vertu.*

*Введение масона-подмастерья
в храм Добродетели*

*Сооружение Иерусалимского храма.
(Миниатюра Жана Фоке)*

*Помещение ложи, подготовленной к ритуалу посвящения
в степень Мастера. В центре скелет и гроб Хирама*

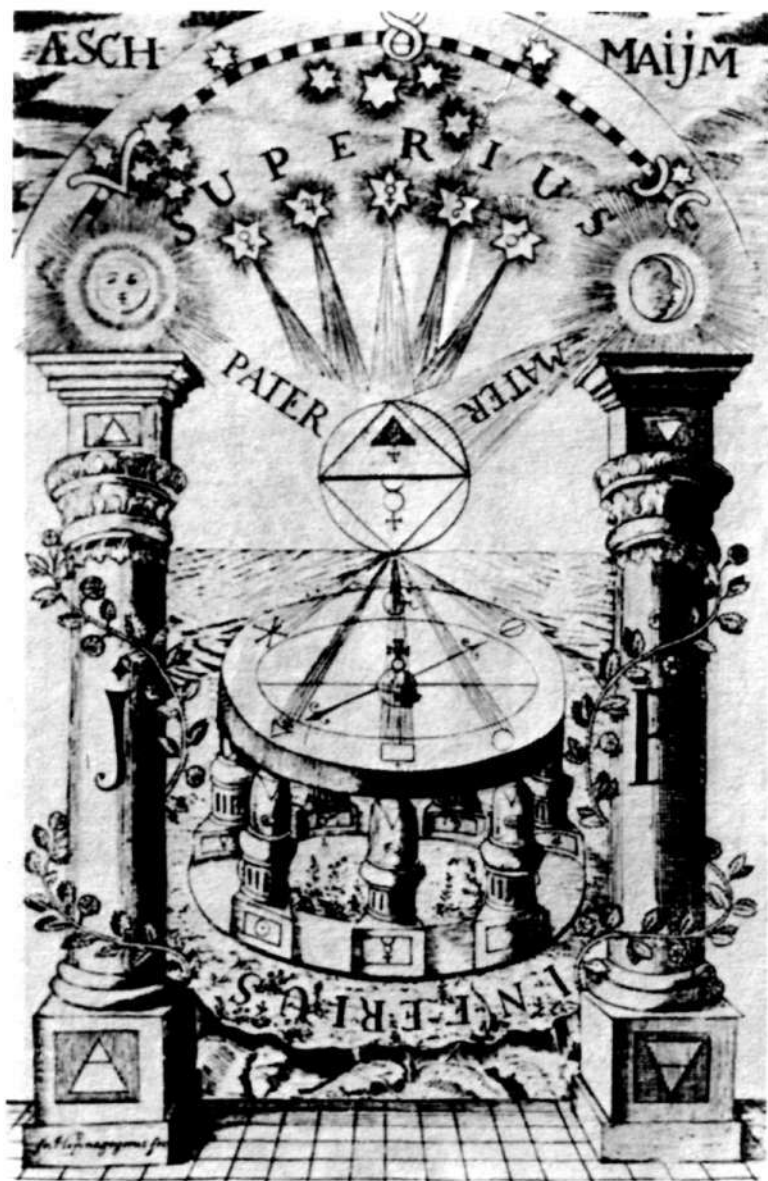
*Знак средневекового масона
на стене собора в Лимау (Limay)*

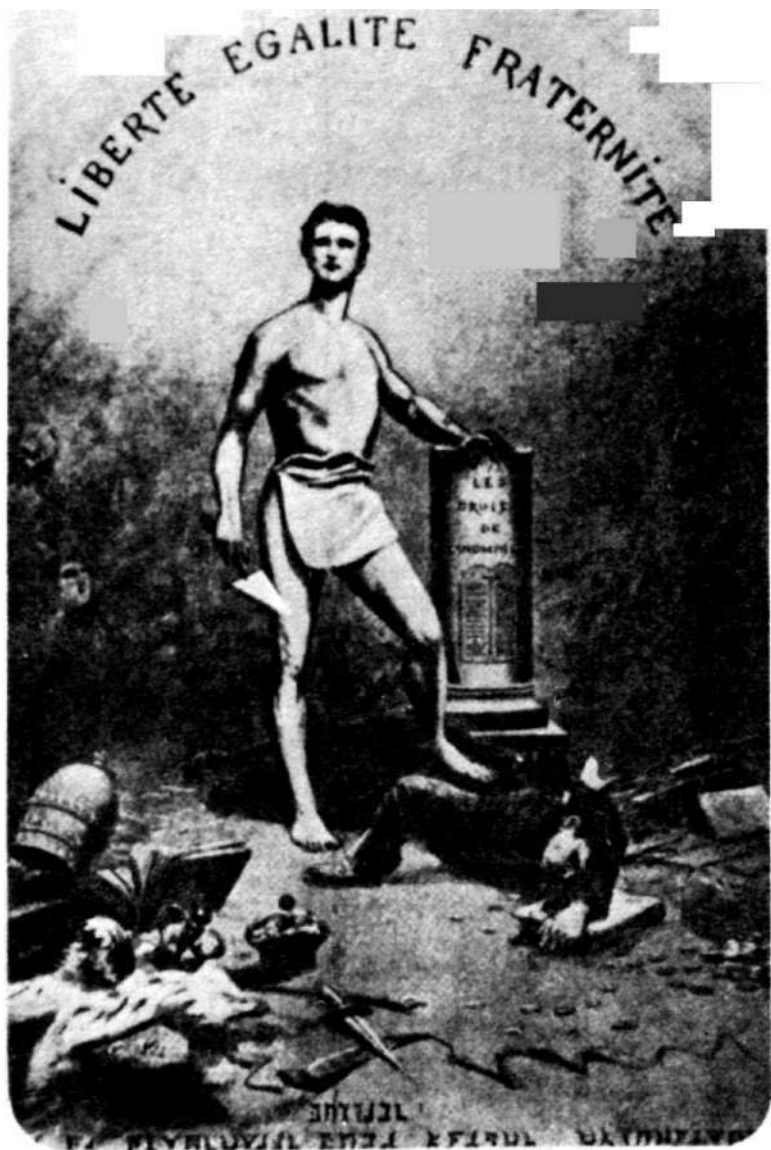
*Скульптурное изображение Мастера-архитектора Димара
на капители собора (XIII в., Ратисбон)*

Мастер Ирландской ложи (1787)

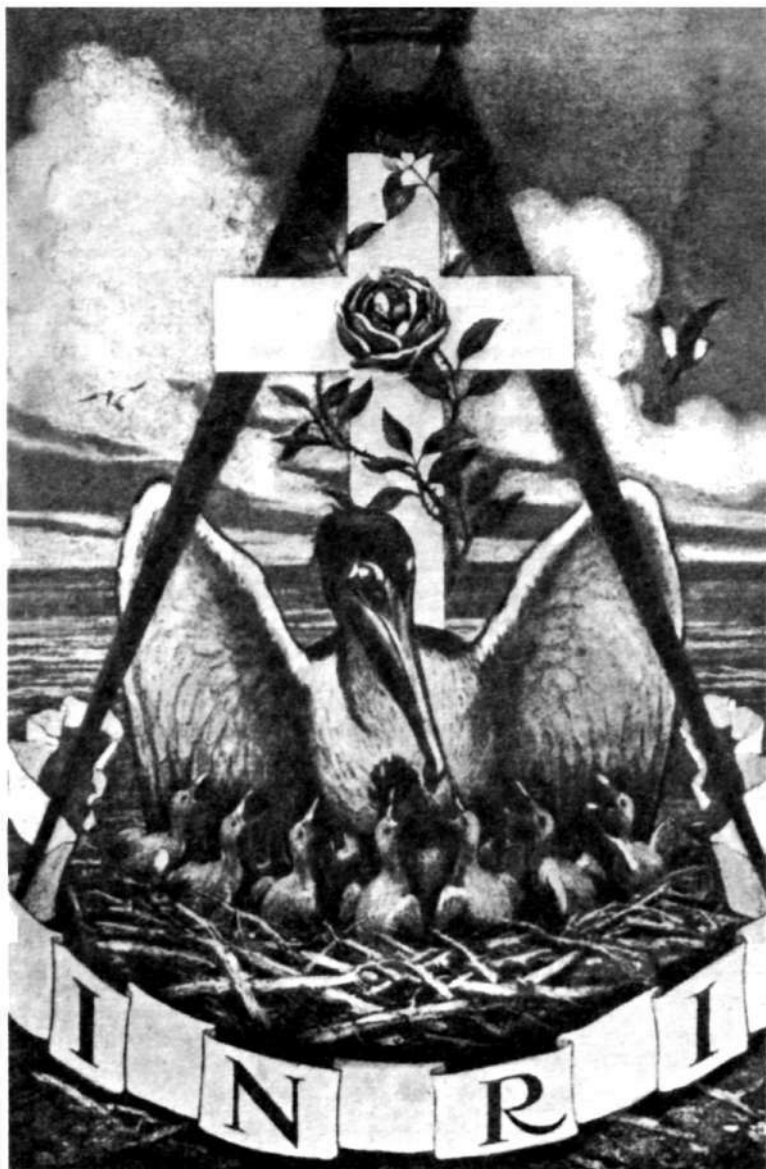
«Циркуль мудрецов» — масонская гравюра, содержащая символы алхимии и розенкрейцеров (1779)

Почтовая открытка антиклерикальной направленности, распространявшаяся Великим Востоком Франции около 1880 г.

*Аллегория, изображающая масонство
как наследие древних мистерий*

*Символическое сокровище степени розенкрейцества
в масонской иерархии*

Часы с масонскими символами

МАСОНСТВО

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Масонство – это историческое, культурное и духовное явление невероятной сложности, хотя его основополагающие принципы могут быть поняты многими. Изложить его историю в рамках небольшой книги значило для меня бросить вызов самому себе... Впрочем, не повторяя вслед за Екклезиастом, что нет ничего нового под солнцем, подчеркну, что все-таки одна из основных духовных проблем современного мира не столько изобретение нового, сколько интерпретация, критическое восстановление и обновление того, что нам завещано прошлым.

М. Морамарко